

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ЩЁГОЛЕВ
ПОСЛЕ ТЕРМИДОРА
Очерки по истории термидорианской реакции

Л.: «Прибой». 1930

Веб-публикация: редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения, 2009.
Дореформенная орфография и написание имен собственных оригинала сохранены.

От автора

Предварительные замечания

Глава 1. Борьба партий в первые месяцы термидорианской реакции

Глава 2. Агония Горы

Глава 3. Конец максимума

Глава 4. Социально-экономические вопросы и классовой борьбе первого периода термидорианской реакции

Глава 5. Жерминаль

Глава 6. Прериаль

Книги и статьи к теме «Термидорианский переворот»
в нашей электронной библиотеке

ТЕРМИДОР: основные события 8-10 термидора II года в документах	http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_therm.pdf
ПОСТТЕРМИДОРИАНСКИЙ КОНВЕНТ: ликвидация революционного порядка управления	http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_therm2.pdf
ТЕРМИДОР: ДО и ПОСЛЕ дискуссия	http://vive-liberta.narod.ru/discuss/94_therm.htm
Е.Таланян. Переворот 9 Термидора глазами члена Комитета общественного спасения	http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm
О.Осипова. «Список Робеспьера» - комментарий	http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm#list
Е.Киселева. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора	http://vive-liberta.narod.ru/journal/kisel_therm.pdf
С.Моносов. Очерки по истории Якобинского клуба	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/monos_jclub.pdf
К.Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора	http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-sect.pdf
К.Добролюбский. Термидор (полный текст монографии)	http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book
К.Добролюбский. Термидорианская реакция (общественная жизнь по свидетельствам очевидцев)	http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-react.pdf
П.Щеголев. К характеристике экономической политики термидорианской реакции	http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_shcheg.pdf
Ц.Фридлянд. Девятое термидора	http://vive-liberta.narod.ru/journal/fridl_therm.pdf
М.Доманже. Бабеф и заговор Равных	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_domman.pdf
П.Щеголев. Заговор Бабефа	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_shcheg.pdf
В.Колоколкин, С.Моносов. Что такое термидор	http://narod.ru/disk/8364910000/thermidor_monosov.pdf.html
Р.Тонкова-Яковкина. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора	http://vive-liberta.narod.ru/journal/tonkova.pdf
Я.Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/starsl_jc_1.htm

О Т А В Т О Р А

Настоящая книга представляет собой первую часть предпринятой автором работы по истории термидорианской реакции и первых лет Директории. Хронологические рамки ее охватывают первые два этапа реакции, на которых разыгрался решительный бой между крупной буржуазией старой и новой формации с одной стороны, мелкой буржуазией и рабочим классом с другой. За пределами книги остался третий этап, озаглавленный борьбой между «новой» и «старой» буржуазией, борьбой, нашедшей свое высшее выражение в Вандемьеровском восстании.

Точно также не могли быть полностью использованы материалы по экономической истории Республики, собранные в парижском национальном архиве, во время заграничной поездки втора осенью 1928 года. В целях экономии объема книги пришлось прибегнуть к максимальному сжатию изложения и к значительным сокращениям в аппарате подстрочных примечаний.

Все цитаты из Конвентских прений даны по «Moniteur'y» («Reimpression de l'Ancien Moniteur») при ссылаках на архивные документы дается шифр соответственного картонка и инициалы А.Н. (Archives Nationales). Печатные источники, проработанные автором в национальной библиотеке в Париже, обозначаются инициалами В. Н. (Bibliothèque Nationale) Пометка ИМЭ указывает, что цитируемый источник находится в Институте Маркса-Энгельса в Москве.

Ленинград
Март 1930 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

9 термидора погрузило Францию в состояние политического хаоса. Старые названия, старые деления, старые лозунги внезапно утратили свой смысл, новые не успели еще возникнуть. Политическая терминология оказалась неразработанной, незаконченной. Пытаясь ознакомиться с партийными группировками, мы наталкиваемся на пестрый конгломерат фракций, групп, течений, в котором остатки старых партий причудливо переплетаются с едва намечающимися контурами грядущих политических образований.

По мере того, как проходит угар первых дней реакции, все более четко вырисовываются три основных группировки. В центре якобинцы, левые термидорианцы или, как называют их враждебные журналисты, «охвостье Робеспьера». Они борются за сохранение форм, унаследованных от Робеспьера, не отдавая себе отчета в изменении социального содержания диктатуры революционного правительства. Их социальная база — это мелкая буржуазия, мелкобуржуазная интеллигенция, мелкие предприниматели и торговцы, одним словом средне-зажиточный люд, материальное благосостояние которого расшатывается волнами растущей спекуляции.

Налево и направо расположились группировки глубоко антагонистические по классовой своей сущности, но временно сблизившиеся в силу общности лозунгов и тактических приемов. Правые термидорианцы, поддержанные конвентским болотом, с одной стороны, электоральный клуб, эпигоны бешеных и эбертистов, с другой, выступают против революционного правительства за полнейшую свободу печати. Правые термидорианцы вполне сознательно ориентируются на блок с крупной буржуазией, их база — это новая спекулятивная буржуазия, «нувориши», всех мастей, в особенности четко вырисовывающийся слой поставщиков, подрядчиков, комиссионеров, связанных с теми или иными секторами государственного аппарата. Здесь нужно особо подчеркнуть спекулятивный характер буржуазных слоев, идущих за термидорианской правой. Это баловни фортуны, парвеню в царстве буржуазии, выскочки, обязанные своим внезапным обогащением самым темным махинациям. Основные кадры старой торгово-промышленной буржуазии обретут представительство своих интересов только в восстановленной Жиронде.

ПОСЛЕ ТЕРМИДОРА

Очерки по истории термидорианской реакции

Л.: «Прибой». 1930

Наконец «электоральцы» — это организованные элементы городской бедноты, безработная интеллигенция, разорившиеся мелкие ремесленники, ремесленный пролетариат рабочих предместий. Их база — те социальные слои, которые выступят в дни жерминаля и прериала. Их блок с правыми термидорианцами «историческое недоразумение». Им кажется, что, разрушая революционное правительство, преследуя якобинцев, они продолжают, на благо революции, борьбу с силой, уничтожившей Коммуну и пославшей на эшафот Эбера и Шометта. На самом же деле эти элементы, при всей своей субъективной революционности, готовят политический и экономический триумф спекулятивной буржуазии.

Такова общая схема, которую нам предстоит заполнить конкретным историческим содержанием. Сделаем еще одну оговорку. Вся эта схема действительна только для первых месяцев реакции. Первым крупным событием, знаменующим крутое изменение в соотношении классовых сил, является закрытие якобинского клуба 22 брюмера. За ним следует процесс Каррье. Конечным результатом классовой борьбы в этом периоде являются возвращение жирондистов и отмена закона о максимуме. Второй период, начинающийся с декабря 1794 г., проходит под знаком революционизирования, масс и быстрого декаданса мелкой буржуазии. Якобинский центр деформируется. Крупная буржуазия сталкивается лицом к лицу с рабочим классом в жерминальские и прериальские дни и побеждает его.

Этим заканчивается второй период, период термидорианской реакции. В третьем периоде и рабочий класс и мелкая буржуазия перестают играть роль самостоятельных политических факторов. Основное содержание классовых битв этого периода — это борьба старой и новой буржуазии, «нормальных» методов накопления со спекулятивными, буржуазного роялизма с буржуазным республиканизмом. Историческим завершением этого периода является Вандемьер, закрепляющий в форме буржуазно-цензурной республики политическое господство спекулятивной буржуазии. Три периода термидорианской реакции являются, по существу, тремя этапами в борьбе спекулятивной буржуазии за политическую власть. В первом она разбивает мелкую буржуазию, во втором — рабочий класс, в третьем — старые кадры торгово-промышленной буржуазии. Исход термидорианской реакции определяет на много лет вперед политическую и социальную эволюцию буржуазного общества. Он содержит, в зародыше, не только Директорию, но и Консульство, и не только Консульство, но и Наполеоновскую империю.

ГЛАВА 1. БОРЬБА ПАРТИЙ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ

В день 9 термидора победила коалиция, пестрая по своему составу, социально не однородная, обреченная на внутренние трения и конечный распад. Нужно проследить, по каким линиям наметился этот распад и как определилось соотношение классовых сил в термидорианской Франции.

Очень недолго сохраняли победители призрачную иллюзию политического единомыслия. Яблоком раздора должен был стать вопрос о революционном порядке управления и о терроре. На стороне левых термидорианцев, отстаивавших революционное правительство, оказалась на первых порах давящая сила прочно установившейся традиции, сила инерции определенной правительственной рутины. И тем не менее, уже 11 термидора можно было видеть первые очень неуверенные, очень нерешительные попытки, направленные к подрыву, к ослаблению самого фундамента революционного правительства. Эли Лакост, выступая от имени Комитета общей безопасности, предложил распустить революционный трибунал. Его радостно поддержали дантонисты Бреар и Тюрро. Против предложения Лакоста выступил монтаньяр Маллармэ. — «Вспомните, — говорил он, — что аристократия бдит у порога Конвента, что она воспользуется малейшим неловким движением, чтобы нанести удар свободе». Маллармэ был встречен ропотом. Его поддержал, правда, в более сдержанной и дипломатической форме, Тальен. Подоспевший к концу заседания Бийо-Варенн настоял на отсрочке решения.

Ответом на эти выпады была речь Барера, произнесенная в вечернем заседании от того же числа. Барер своеобразно эксплуатировал внезапно прорвавшуюся ненависть к Робеспьеру для защиты самого принципа революционного правительства. Оказывается «революционное правительство и исполнительные комиссии были организованы против воли заговорщиков (робеспьеристов)». В заключение Барер предложил ввести в Комитет общественного спасения на места казненных робеспьеристов трех заместителей. В качестве таковых им были названы: Бернар де Сэн, Дюваль и Эшассерио. Предложение Барера должно было быть поставлено на голоса, когда Мерлен де Тионвиль выступил с речью, в которой потребовал отсрочки выборов и предварительного обсуждения проекта Барера. В последовавшей дискуссии лево-термидорианское руководство потерпело решительное поражение. Бийо-Варенна несколько раз прерывали. Фрерон и Дюбуа-Крансэ настаивали на том, чтобы членам Комитета была запрещена длительная отлучка из Парижа. Камбон выступил с проектом полнейшей реорганизации революционного правительства. Он предложил рассредоточить функции Комитета общественного спасения, учредив целую систему комитетов, подчиненных одному только Конвенту и призванных наблюдать за работой исполнительных комиссий.

Не договорившись ни до чего, депутаты постановили отсрочить дальнейшее обсуждение вопроса. Уже 13 термидора с трибуны Конвента начались доносы. Андрэ Дюмон изобличил Давида. Его и еще двух депутатов, Лавиконтери и Жаго, постановили тут же вывести из Комитета общей безопасности. Сам Давид явился к концу заседания. Его объяснения были спутаны и противоречивы. По предложению Лежандра дело Давида передали на рассмотрение комитетов.

В такой обстановке представляется совершенно понятным исход выборов в комитеты, имевших место 14 термидора. В большинстве прошли представители болота и бывшие дантонисты. В Комитет общественного спасения попал даже один экс-жирондист Дебри, но под давлением Горы он вынужден был в том же заседании сложить свои полномочия.

В этот же день Конвент отменил закон 22 прериала и, по предложению Фрерона, декретировал арест Фулье-Тэнвиля. На следующий день было принято постановление об аресте Жозефа Лебона, Давида и еще целого ряда более мелких представителей робеспьеровской администрации. Лебон пробовал защищаться, но его совершенно затравили, прерывая криками с мест: «негодяй, палач!»

Позволяя правым вести безнаказанную травлю отдельных представителей павшего режима, левые термидорианцы сосредоточили всю свою энергию на выработке проекта реорганизации революционного Правительства. Соответственный доклад был сделан Барером еще в заседании от 14 термидора. Барер предлагал учредить всего 12 комитетов, по числу существующих исполнительных комиссий, сохранив за Комитетом общественного спасения функцию общих правительственных мероприятий.

Политически проект Барера означал существеннейшую уступку направо. Диктаторские полномочия Комитета общественного спасения урезывались в пользу конвентского пленума с его право-оппортунистическим большинством.

Однако представителям правой и этого показалось недостаточно. Отметим позицию Камбона. Камбон, объективно говоря, был таким же представителем термидорианской левой, в широком смысле этого слова, как, скажем, Барер, но субъективные симпатии толкали его вправо. В заседании от 18 термидора он выступил с рядом критических замечаний на проект Барера. Он настаивал на дальнейшей децентрализации правительственного аппарата. Контроль над отдельными комиссиями, надо было, по его мнению, совершенно изъять из ведения Комитета общественного спасения. Самый Комитет Камбон предложил переименовать в Центральный комитет революционного правительства. «Общественное спасение, — заявил Камбон, — должно составить предмет забот Конвента в его целом».

Общая дискуссия по обоим проектам завязалась в Конвенте 23 термидора. Правые термидорианцы находили уступки Барера недостаточными. По мнению Берлие бареровский проект все еще оставлял слишком много власти Комитету общественного спасения. Сам Берлие представил контр-проект, по которому за Комитетом общественного спасения сохранялось руководство над комиссиями передвижения армий, флота и колоний, вооружения, снабжения и внешних сношений. Из верховного, руководящего органа исполнительной власти Комитет общественного спасения преобразовался в коллегию, ведавшую вопросами обороны и иностранной политики.

В ходе дебатов 24 термидора Камбасэрэс подверг критике проект Камбона. «Он предполагает обязать комитеты сообщать предварительно Комитету общественного спасения свои законодательные предположения. Это и противоречит принципам и затрудняет ход всякой законодательной работы». Камбасэрэс высказался за полновластие Конвента и дальнейшую децентрализацию правительственного аппарата.

Проект Барера защищал один только Бурдон (из Уазы). Сам Барер должен был выступить экспромтом в защиту основных принципов революционного порядка управления. «Нас спасло революционное правительство, только его бояться мошенники и интриганы... ..подтвердим торжественно, что мы все хотим революционное правительство!» Большинством голосов прошло предложение Дельмаса об образовании особой комиссии для рассмотрения и согласования всех представленных проектов.

Параллельно с дискуссией о реорганизации революционного правительства в Конвенте шли бои вокруг вопроса о смягчении террористического режима. 9 термидора широко распахнуло двери тюрем перед целым рядом заключенных. Так, например, в Париже за пять дней, с 18 по 23 термидора, было освобождено 478 «подозрительных».¹ В первые же дни после переворота левые термидорианцы были неприятно поражены множасьими признаками политической реакции. Перед дверьми тюрем разыгрывались манифестации, имевшие совершенно недвусмысленный характер. «Жертв Робеспьера — читаем мы в газете «Sans-culotte», от 22 термидора — провожают от ворот тюрьмы до самого дому, граждан, разорвавших цепи и возвращенных в лоно своих семейств, осыпают самыми нежными ласками»...²

Совсем не того ждала от свержения Робеспьера термидорианская левая. Не нужно представлять себе 9 термидора как акт односторонней, вполне осознанной политической реакции. Левые термидорианцы субъективно воспринимали его как событие революционного порядка. В их среде стали обычными обвинения Робеспьера в политическом модерантизме. 15 термидора депутат Монмайо (Montmayaut) предложил лишить бывших дворян и священников всех культов права занимать какие бы то ни было общественные должности, и это предложение было принято как известное логическое следствие из событий 9 и 10 термидора. Правда, на следующий день Конвент пересмотрел это решение, но он руководствовался при этом соображениями чисто практического порядка. Точно также с трибуны Конвента официально подтвердили удержание в силе закона о подозрительных. «События 9 термидора, — заявил Гупийо (из Фонтенэ), — не могут стать поводом к угнетению революционного движения аристократами».

В этом истолковании 9 термидора, как события революционного, левые термидорианцы сходились с бешеными и эбертистами. Об этом нам придется еще говорить в ходе дальнейшего нашего изложения. Стоит упомянуть также о назначении Бодсона. Бодсон (Bodson), бывший эбертист, будущий вождь электорального клуба и сподвижник Бабефа, 27 термидора был назначен членом административно-полицейской комиссии, занявшей место разогнанной Робеспьеристской коммуны.³ Выдвижение Бодсона точно также может быть объяснено только общей позицией левых термидорианцев, считавших Бодсона и его единомышленников своими политическими союзниками.

В самом конце термидора иллюзии бургфридена должны были рассеяться в несколько дней. В Конвенте левое термидорианское руководство было атаковано справа, в парижских секциях против него началось движение, развивавшееся под руководством его недавних союзников слева.

Еще 22 термидора Барер и Тальен совместно громили «аристократию, отважно подымающую свою голову», а уже 23 произошла настоящая вылазка Горы, направленная против представленного Мерленом (из Дуэ) проекта реорганизации революционного трибунала. Особенно резко выступал Дюгэм, указавший на то, что в течение нескольких дней сплошь выпускают на свободу аристократов. Утверждение проекта было отсрочено, и одновременно Конвент предложил вновь назначенным судьям и заседателям революционного трибунала немедленно вступить в исполнение своих обязанностей, руководствуясь законодательством, действовавшим до издания декрета 22 прериаля.

В том же заседании прошло предложение Гранэ об опубликовании списков освобожденных с указанием лиц, поручившихся за их патриотизм. Принятием этого предложения Конвент поставил в очень неловкое положение Тальена, поручившегося за свою любовницу, Терезу Кабаррюс. Между тем, не ограничившись достигнутыми успехами, монтаньяры в заседании 26 термидора возобновили свои нападки против Комитета общей безопасности. Бадье указал на то, что аристократы стремятся вызвать брожение в ряде секций, чтобы, опираясь на обманутых патриотов, дискредитировать органы революционного управления. «Революционные комитеты спасли общее дело» — заявил Вадье. Гранэ предложил вновь арестовать тех из освобожденных, у кого не найдется поручителей. Дюгем и Шаль подняли вопрос об освобождении генералов Келлермана и Дебрюли, причем потребовали к ответу самого Карно. Карно свалил всю ответственность на Гупийо, подписавшего ордер на освобождение Келлермана. Казалось, что над собранием термидорианцев вновь пронеслось дыхание якобинского террора. И тем не менее, в конечном исходе, правые выиграли битву.

Мерлен (из Тионвиля) поставил от имени Комитета общей безопасности вопрос о доверии. Он прямо заявил, что именные списки, требуемые Гранэ, могут стать проскрипционными списками. Проект Гранэ вселил ужас в сердца парижан и омрачил праздник годовщины свержения королевской власти. Но решила дело большая темпераментная и насковозь демагогическая речь Тальен. Тальен бросил колеблющемуся болоту роковую фразу о «продолжателях Робеспьера». «Надо высказать Конвенту всю правду; надо сказать ему, что его увлекают на край пропасти, что его хотят уничтожить».

Речь Тальена сразу создала перелом в настроениях собрания. Под конец заседания Тальен предложил опубликовать списки лиц, по доносу которых были арестованы «невинные патриоты». Это был очень ловкий тактический шаг. Предложение Тальена было тут же принято. Раздались возгласы с мест: «Да ведь это гражданская война!» Тогда Тальен великодушно предоставил Конвенту отменить оба постановления. Имена поручителей канули в лету вместе с именами доносчиков.

Такую же неудачу левым термидорианцам пришлось в конечном счете испытать и по вопросу о реорганизации революционного правительства. Декрет, принятый 7 фруктидора, знаменовал решительный отказ от проведения принципа правительственной децентрализации. Он учреждал при Конвенте 16 равноправных комитетов, в ведении которых должны были находиться остальные отрасли государственного управления. Функции Комитета общественного спасения были все же несколько расширены по сравнению с проектом Берлие. Помимо внешней политики и обороны, в компетенции Комитета остались все вопросы, связанные с ввозом, внутренним оборотом и вывозом продовольственных припасов всякого рода. За ним признано было исключительное право наложения реквизиций на лица и предметы и право ареста чиновников и должностных лиц, находящихся под его контролем. «Самую важную и самую крупную перемену было то, — говоря словами Олара, — что функции министра внутренних дел перешли теперь от Комитета общественного спасения к Комитету законодательства, которому были присвоены в то же время полномочия министра юстиции.»⁴

За Комитетом общей безопасности сохранено было руководство полицией и в частности полицией парижской. Кроме этого учреждались Комитеты финансов, народного просвещения, земледелия и ремесел, торговли и снабжений, общественных работ, копей и шахт, транспорта и почт, военный, флота и колоний, общественной помощи, статистики (de division) протоколов, декретов и архивов, петиций и депеш и, наконец, инспекции Национального Двора (du Palais National).

В особом пункте было оговорено, что Комитет общественного спасения располагает правом законодательной инициативы только в вопросах военных, морских и дипломатических. За остальными комитетами закреплено было право самостоятельного руководства и надзора за деятельностью подчиненных им исполнительных комиссий.

Эта «конституция термидорианского режима»,⁵ как называет декрет 7 фруктидора Матъез, знаменовала решительную победу начала правительственной децентрализации. Власть дробилась между, отдельными комитетами, что усиливало в конечном счете конвентский пленум или, иначе говоря, руководимое термидорианской правой болото.

Таким образом, уже к началу фруктидора правые термидорианцы добились крупных политических успехов. Не довольствуясь ими, они продолжали свое наступление, начав, в прессе, у якобинцев, и в Конвенте новую кампанию под лозунгом свободы печати.

II

Для того, чтобы уяснить политический смысл этой кампании, вспомним только, каково было положение прессы в последний период Робеспьеровской диктатуры. «... После казни Гебера и Дантона — пишет Олар — уже не было более ни дантонистских, ни гебертистских газет. Печать сделалась... всецело правительственной. Комитет общественного спасения субсидировал главнейшие газеты и руководил ими. Никакая открытая оппозиция не была тогда возможна»...⁶

С падением Робеспьера этот единственно целесообразный порядок должен был измениться, причем изменение это пошло на пользу силам растущей буржуазной реакции. Еще 15 термидора реакционный журналист Дюссо (J.J.Dussault) потребовал на страницах газеты «Correspondence politique» неограниченной свободы печати.⁷ 18 числа того же месяца в заседании якобинского клуба один из его членов предложил поставить на очередь обсуждение вопроса о свободе печати. Его поддержал Лекинио, указавший, что «в стране, не знающей свободы мнений и печати, можно найти только дикарей, тиранов и рабов».⁸

Не забудем, что в это время якобинский клуб включал еще в свой состав всю руководящую головку термидорианской правой. Трибуна клуба и была использована правыми для пропаганды неограниченной свободы печати. Этот ловкий ход дал Тальену и Фрерону выступить в роли поборников демократии. Кроме того, он обеспечивал им поддержку виднейших представителей левой оппозиции, объединившей в своих рядах остатки бешеных и эбертистов.

В самом конце термидора правые термидорианцы принялись за усиленную подготовку наступления. «Существующие законы — заявил в заседании 28 термидора экс-дантонист Реаль — очевидно недостаточны, если они постоянно нарушаются. Нужны прочные, нерушимые гарантии для того, чтобы никто не стал бояться, что его гильотинируют за ту или иную вещь, написанную в тот или иной момент».⁹

В заседании 29 термидора Дюбуа-Крансэ закончил свое выступление «требованием неограниченной свободы печати и мнений».¹⁰ Всякий, ставящий препону свободе печати, должен быть объявлен врагом народа и казнен как заговорщик.

На следующий день, после того как почва была в достаточной степени подготовлена, с большой декларативной ролью выступил Тальен. «Не приняв и не осуществив полностью лозунг «Свобода печати или смерть», мы обречены оставаться подлыми рабами капризов и тиранических замашек первого попавшегося из облеченных властью. Никогда свобода не сможет существовать в стране, в которой можно закрыть все уста, сломать все перья, заключить в оковы мысль... Если вас лишат этой свободы, все наши учреждения извратятся, тираны восторжествуют и революция погибнет».¹¹

В завязавшейся 3 фруктидора дискуссии мнения резко разошлись. Нет надобности воспроизводить во всех подробностях аргументацию, усвоенную защитниками свободы печати. Банальные, общие места перемежаются у них со взрывами дешевой демагогии и деланного революционного пафоса. В ходе дискуссии 3 и 6 фруктидора за свободу печати высказались Монестье, Лежандр, Ложье, Дюбуа-Крансэ, Буассель, Дюфурни и Реаль. Подчеркнем особо выступление Буасселя, одного из любопытнейших представителей дореволюционного утопического социализма, которого никак нельзя причислить к правым термидорианцам. Занятая им в данном вопросе, позиция совершенно аналогична позиции Бабефа. Буассель внес на рассмотрение Клуба целый проект закона о гарантиях свободы печати.

Противники свободы печати пытались перенести вопрос из плоскости отвлеченной декламации на реальную, политическую почву. «Я спрашиваю, — говорил член Клуба Карафф, — для кого требуют здесь свободы печати, для патриотов или для аристократов?»¹² Выступление Караффа вызвало бурные протесты со стороны правых термидорианцев. «Хотелось бы узнать у этого гражданина, — восклицал Лежандр, — какие предложения вносил он в ту эпоху, когда господствовал тиран и когда его сбиры помыкали патриотами, подвергшимися проскрипции».¹³ В итоге, дискуссия у якобинцев несомненно укрепила политические позиции правых термидорианцев. Сопrotивление, встреченное ими при пропаганде лозунга неограниченной свободы печати, было крайне вялым и нерешительным. Можно полагать, что это и окрылило их на дальнейший натиск против колеблющихся и неуверенных в себе вожаков термидорианской левой.

Между тем, в начале фруктидора оцепенение, владевшее основным монтаньярским ядром клуба, как будто начало сменяться другим, более активным настроением. Не принимая боя по такому скользкому вопросу, как свобода печати, левые термидорианцы стремятся выдвинуть на первый план отстаивание основ революционного, террористического режима и борьбу с послаблениями, делавшимися в пользу экс-аристократов и «умеренных».

2 фруктидора в Конвенте с яркой защитой существующей террористической системы выступил депутат Луше, прославившийся тем, что он в день 9 термидора первый внес предложение об аресте Робеспьера.

Против Луше выступил Тальен, заостривший свою речь на вопросе о терроре. «С полной откровенностью» и под аплодисменты он заявил, что находит террор орудием тирании. В республике, по его мнению, нет каст, есть только дурные и хорошие граждане. Для борьбы с негодями достаточно установить гарантии свободы печати. По предложению Тальена обсуждение проекта Луше передано было в Комитет общественного спасения.

В качестве противовеса выступлению Луше, в заседании 4 фруктидора, вождь «болота» Дюран-Майан внес предложение установить уголовную наказуемость лиц, виновных в нарушении свободы мнений. Бурдон из Уазы поднял вопрос об отмене декрета 5 сентября 1793 г., установившего выплату 40 су, в качестве вознаграждения за участие в секционных собраниях. Реакционную сущность своего предложения Бурдон из Уазы замаскировал тем, что декрет 5 сентября предложен был Дантоном и «другими заговорщиками». Камбон поддержал его при помощи соображений финансового порядка.

В итоге дебатов декрет о 40 су был отменен. Кроме того, по настоянию правых термидорианцев, вновь всплыл на поверхность вопрос о свободе печати. «Постановим навсегда» — говорил Тальен — что террор не имеет доступа в помещение Конвента». По настоянию Тюрю, Камбасэрэса, Дюбуа-Крансэ и других Конвент предложил Комитету законодательства разработать проект декрета, обеспечивающего свободу печати, «согласуя ее с охраной мощи и активности революционного правительства».

Такая формулировка не могла удовлетворить правых термидорианцев, выступавших в качестве партизанов неограниченной свободы печатного слова. Еще менее их, однако, могла смутить эта временная неудача. Люди грубой эмпирии, демагоги до мозга костей, они спешили, где могли, закрепить за собой командные высоты правительственной власти.

Мы видели уже, что их влиянию подпал Комитет общественной безопасности. Используя Комитет как инструмент в борьбе за власть, вожди правых термидорианцев не замедлили принять меры к тому, чтобы парализовать и привести в расстройство местный аппарат якобинской диктатуры.

С 3 фруктидора, Конвент, но докладу представителя Комитета общей безопасности Гупийо, начал обсуждение проекта декрета о реорганизации революционных комитетов. В своем докладе, читанном 1 фруктидора, Гупийо указывал на то, что число комитетов в столице (их было всего 48) слишком велико. «В секционных собраниях легко разнуздываются и господствуют страсти; там, зачастую, мирный гражданин, с рвением выполнявший возложенные на него обязанности, видит себя под угрозой доноса со стороны двух или трех честолюбцев, собирающихся занять его место». Гупийо предложил оставить в Париже 12 комитетов, по одному на каждые четыре секции. Кроме того, проект предусматривал значительное сокращение всей сети низовых комитетов. Комитеты отдельных коммун и кантонов должны были быть упразднены. Сохранялись комитеты только в окружных центрах, в дистриктах, с населением не меньше чем в 8 тысяч человек. Назначение членов комитетов должно было быть предоставлено в провинции конвентским комиссарам, в Париже — Комитету общей безопасности.

В первую голову проект Комитета общей безопасности был направлен на то, чтобы очистить комитеты от якобинцев. Сокращая низовую сеть комитетов, ставя их в прямую зависимость от конвентских проконсулов, проект стремился окончательно вырвать из-под якобинского влияния это важнейшее звено революционного правительства. В этом отношении Комитет общей безопасности шел навстречу движению в парижских секциях, направленному против засевших в комитетах якобинцев. Интересно отметить, что движение это захватило секции, чисто демократические по составу своего населения. Упомянем для примера секции

Пантеона и общественного договора. Секция Пантеона, захватывавшая часть Марсельского предместья, населена была рабочими, занятыми в домашней промышленности, в мелких дубильных и красильных предприятиях, на прачечных и скотобойнях. На-ряду с ремесленным пролетариатом секция включала, конечно, и мелкобуржуазные слои, мелких предпринимателей, ремесленников и торговцев.¹⁴ Столь же демократической была и секция общественного договора, расположенная на правом берегу Сены. Обе эти секции в день 9 термидора поддержали Конвент¹⁵ и после падения Робеспьера поспешили выразить недоверие своим революционным комитетам.

Аналогичное постановление принято было 25 термидора секцией Монтрейль, одной из трех секций, на которые распадалось знаменитое Сент-Антуанское предместье. Можно предположить, что эти решения секционных собраний были только прелюдией к политической кампании, поднятой в секциях в самом конце термидора. Используя антиякобинское настроение в рабочих секциях, правые термидорианцы были далеки от того, чтобы пойти навстречу выдвинутым требованиям демократизации и выборности революционных комитетов. Что касается термидорианской левой, то, утратив почву в секциях, она в данном случае пошла на поводу у правых термидорианцев. В Конвенте один только Шаль пытался отстоять идею выборности комитетов.

Шаль, о котором нам придется говорить еще в иной связи, «занимал позицию на крайне левом фланге Горы. Пожалуй, он был даже близок к эбертистам. Аргументация его сама по себе чрезвычайно любопытна. Цель революционного правительства, по его мнению, заключается в том, чтобы наблюдать за врагами революции и «оказывать покровительство рабочему классу (*a la classe ouvriere*), добродетельному классу, защищающему границы и несущему на себе с 1789 г. все бремя революции»... Революционные комитеты являются одним из главнейших инструментов революции. Между тем комиссары Конвента, формируя личный состав комитетов, допускали зачастую грубейшие ошибки. Они окружали себя «не честными рабочими и ремесленниками, а аристократами, мюскаденами и интриганам». В Конвенте решительно никто не поддержал Шаля. Против него высказались и докладчик Гупийо и Шарлье и Камбон, «Можно ли предоставить случаю дело подбора членов комитетов» — спрашивал Шаля Камбон.

— «В каком департаменте нет аристократов и интриганов?» — подчеркивал Гупийо. Единый фронт левых и правых термидорианцев привел к тому, что левые без боя уступили инициативу в руки противника. Депутат Рюльль предложил проект декрета, по которому вновь образованные революционные комитеты лишались права арестовывать членов старых комитетов. Проект Рюльля был, несомненно, очень разумен и мог стать некоторой плотиной против волн быстро крепнущей политической реакции. Тем не менее Конвент отверг предложение Рюльля. «Рюльль, — заявил Тюрио, — нападает на самые основы священного равенства». Забрав проект Рюльля, Конвент обрек в жертву реакции несколько сот тысяч человек, сыгравших активную роль в органах якобинской администрации. Только 7 фруктидора, в день принятия декрета о реорганизации революционного правительства, якобинцы решили поддержать предложение Луше. Толчком к такому решению послужило, по всей вероятности, выступление Мора (Maugé). Мор повторил становившиеся обычными жалобы на освобождение аристократов и контр-революционеров и на то, что целый ряд депутатов высказывается за расширение действия закона от 18 термидора на все новые и новые категории заключенных. Члены клуба постановили направиться в Конвент и просить об опубликовании списков освобожденных. За это предложение высказался, очевидно из тактических соображений, и такой видный представитель термидорианской правой, как Дюбуа-Крансэ.

В Конвенте делегация якобинцев, во главе с вице-президентом Клуба Рессоном (Raisson), появилась 8 фруктидора. Встретили делегатов очень плохо. Рессона прерывали криками с мест и с трибуны. «Только преступление, — заявил он, — может противиться опубликованию списка».

Мерлен из Тионвиля — председатель — ответил делегатам бессодержательной речью; в которой ограничился самыми банальными похвалами по адресу Клуба.

После краткой реплики Мерлена, Конвент перешел к порядку дня, не желая даже обсуждать внесенное Рессоном предложение. При выходе из залы Лекуантр и Бентаболь грубо оскорбили Рессона. Все это дало повод к бурным прениям в якобинском клубе на следующий день после описываемых событий. Тюрио позволил себе критику злополучного адреса, причем во время его речи. Началась страшнейшая перепалка. Тальен и Дюбуа-Крансэ стоя выкрикивали всякие ругательства по адресу членов Клуба, обвинявших Тюрио в «модерантизме».¹⁶ Таким образом, внутри самого якобинского клуба образовалась резкая грань между левыми и правыми термидорианцами. Эту грань могли только углубить декларативные выступления Фрерона и Тальена в Конвенте 9 и 11 фруктидора.

9 фруктидора Станислав Фрерон произнес большую речь, в которой отстаивал принцип свободы печати. Циничный прожигатель жизни кутила, казнокрад, вор, грабивший население подвластных ему департаментов, инициатор массовых расстрелов, совершенно не оправданных с точки зрения революционной целесообразности — таков был этот защитник неограниченной свободы печати, распинавшийся за нее с трибуны Конвента.

«Если бы печать была свободна, — говорил Фрерон, — то толпы безупречных граждан, которых влекли на эшафот, могли поднять свой голос против тирана». Больше того, только при наличии свободы печати сможет осуществиться во Франции подлинная демократия. «Свобода печати, — продолжал Фрерон, — существует на деле только тогда, когда она безгранична, всякое ограничение свободы равносильно ее уничтожению».

Фрероновская демагогия была встречена Конвентом довольно холодно. «Неограниченная свобода печати подразумевает право говорить все, без всяких ограничений; отсюда следует, что люди, поддерживающие сегодня роялизм и Вандею, смогут открыто защищать и опубликовывать свои контр-революционные идеи». — При этих словах Амара в зале послышался ропот. В конце концов Конвент передал проект Фрерона на рассмотрение Комитета законодательства.

Такой же демагогический характер носило выступление Тальена, предложившего проект декрета, согласно которому революционное правительство сохраняется впредь до заключения мира, но вместе с тем террор объявляется орудием тирании, противным всякому правосудию. Оно не имело никакого успеха. После краткой дискуссии Конвент вотировал переход к очередным делам.

Неудача Тальена не могла, однако, смутить правых термидорианцев. На следующий день после велеречивой бутады Тальена, в 10 час. утра на трибуну Конвента поднялся Лекуантр из Версаля и прочел длинейший донос на членов Комитета общественного спасения Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера и членов Комитета общей, безопасности Вадье, Амара, Вуллана и Давида. Свой обвинительный материал Лекуантр сформулировал в 26 пунктах. Нам нет надобности вдаваться в подробный разбор Лекуантровского доноса. Основное положение Лекуантра сводилось к тому, что Бийо-Варенн и его единомышленники разделяют вместе с Робеспьером всю ответственность за введение и поддержание террористического режима. Зачитав все 26 пунктов, Лекуантр попросил, чтобы кто-нибудь из секретарей огласил оправдательные документы, приложенные к тексту доноса.

После Лекуантра выступил Гужон. Он привел в связь выступление Лекуантра с речью, произнесенной накануне Тальеном и направленной против террора и «робеспьеристов». «Да, граждане, — продолжал он, — здесь обвиняют весь Конвент, здесь хотят посадить на скамью подсудимых весь французский народ, за то только, что ему пришлось пережить тиранию подлого Робеспьера... Я не могу примириться с той мыслью, что какой-то секретарь станет преспокойным образом читать с этой трибуны документы, направленные против людей, зарекомендовавших себя в качестве горячих друзей революции».

После Гужона слово взял Бийо-Варенн. Он начал с того, что начисто отверг все обвинения Лекуантра «Мы не боимся смерти, — говорил Бийо, — наша жизнь не имеет никакой ценности, если нам предстоит царство интриганов... Здесь упоминали имя Дантона. Увы, лучших патриотов обрекают в жертву могиле этого заговорщика... Если наказание Дантона — преступление, то в нем я повинен, потому что один из первых изобличил Дантона. Если бы этот человек жил, он... стал бы центром притяжения для всех контр-революционеров»...

В заключение, Бийо-Варенн потребовал оглашения оправдательных документов. Против этого высказался Камбон, настаивавший на простом переходе к очередным делам. «Все обвинение, — заявил он, — детская игрушка». В зале поднялась невообразимая суматоха. Раздавались крики: «да! да» «нет! нет!». На трибуну поднялся Вадье с пистолетом в руке. Его силой заставили вернуться на место. Председательствующий Мерлен (из Тионвиля) безуспешно пытался закрыть заседание. Наконец, посреди общего шума, принято было предложение Тюрио. Конвент с негодованием отвергал донос Лекуантра и переходил к очередным делам. На следующий день, однако, страсти быстро разгорелись, и прения приняли по-прежнему бурное течение. Депутат Ру предложил еще раз обсудить донос Лекуантра. Его поддержали Дюгем и Бурдон из Уазы. Лекуантр, всеми оставленный, брошенный на произвол судьбы вождями термидорианской правой, лепетал с трибуны совершенно бессвязные фразы. «Граждане! — начал он, — я являюсь, если можно так выразиться, одним из отцов революции».

Он попросил разрешения отправиться за требуемыми документами. В дальнейшем прения приняли совершенно беспорядочный характер. Выступил Тальен, державшийся уклончиво. Туповатый Лежандр жаловался на Лекуантра: ведь Лекуантр обещал ему под честным словом воздержаться от выступления! Вадье извинялся за нелепую сцену с пистолетом и заверял, что он хотел застрелиться только потому, что его не слушали. Наконец, по настоянию Бийо-Варенна и Моисея Бэйля, Конвент постановил прочесть обвинительный материал, находившийся в распоряжении Лекуантра.

Под возмущенные крики монтаньяров, постоянно прерываемый возгласами с мест, приступил Лекуантр к чтению своих оправдательных документов. Нужно признать, что обвинение их было организовано из рук вон плохо. То он ссылался на то, что документы остались в бюро общей полиции, то на то, что упоминаемые им факты общеизвестны. Провал всей затеи получился совершенно скандальный, позорный для ее автора. В самом разгаре дебатов один из членов Конвента рассказал о том, что, обедая в ресторане *Veuva*, он встретился с двумя подозрительными типами, «аристократической наружности», всячески восхвалявшими Лекуантра. Под конец дело обернулось совсем скверно для злосчастного доносителя. Эли Лакост предложил декретировать арест Лекуантра. Конвент, однако, на это не пошел, ограничившись тем, что объявил выступление Лекуантра клеветническим.

IV

Выступлением Лекуантра заканчивается первый этап борьбы за власть между левым и правым крылом термидорианского блока. Одной из характерных черт этого периода является то, что правые термидорианцы не теряют надежды на завоевание изнутри якобинского клуба. Не менее важно сближение, намечающееся между термидорианской правой и остатками разгромленной при Робеспьере левой оппозиции — оппозиции эбертистов и бешеных.

В результате этого левым термидорианцам пришлось повести борьбу на два фронта. Еще 26 термидора Вадье упоминал о брожении в парижских секциях. В конце месяца брожение это приняло более организованный характер. 30 термидора секция Музея приняла адрес национальному Конвенту, в котором сформулирована была целая политическая программа. Содержание ее вкратце сводилось к следующему. Первопричина всех зол заключается в презрении к правам народа. Никогда Париж не явил бы миру зрелище мятежного Генерального совета Коммуны, если бы законные выборы не были аннулированы господствовавшей тиранией. В виду этого секции должны добиваться: «1) выполнения законов, касающихся организации конституционных властей (*des autorités constituées*), 2) смещения всех безнравственных и богопротивных агентов, назначенных тиранами в своих собственных интересах, 3) обеспечения принципов, в силу которых должностные лица смещаются по приговору суда (*jugement définitive*) и замещаются народным избранием».¹⁷

Петиция секции Музея носит, как мы видим, несомненные следы эбертистской агитации. Она явно берет под защиту порядки, существовавшие до разгрома парижской коммуны робеспьеристами. Приглядимся к тому, что представляла из себя секция Музея, или, как она называлась раньше, секция Лувра. Населяли ее, главным образом, рабочие, ремесленный пролетариат, занятый в многочисленных предприятиях по производству предметов роскоши. Экономическое положение обитателей секции было несомненно чрезвычайно плачевное.¹⁸ Таким образом, мы имеем дело с социальной средой, питавшей резко анти-якобинские настроения, средой, чьи интересы, в свое время, защищали бешеные и, отчасти, эбертисты. Действительно, во время событий 9 термидора секция Музея решительно и бесповоротно приняла сторону Конвента против мятежной, робеспьеристской Коммуны.¹⁹

Во главе движения, приведшего к принятию петиции 30 термидора, стояли три человека. Это были, по словам газеты «*Messageur du soir*» — «известный авантюрист Легрэ, Сервиэр, бывший сапожник, заседатель революционного трибунала и член революционного комитета секции Музея и Шассан, экс-викарий в приходе Сен-Жермен де л'Оксерруа, сначала фельян, потом лафайеттист, потом бриссотинец, потом эбертист, потом робеспьерист и отъявленный, в конце концов, контр-революционер... Это трио, — добавляет газета, — было на побегушках у Флерио, Лавалетта, Шаля, Робеспьера и компании».²⁰

О Легрэ мы знаем, кроме того, что он в день празднования годовщины 14 июля в частной беседе позволил себе целый ряд выпадов против революционного правительства и был арестован 2 термидора, по доносу своих собеседников, причем только 9 термидора спасло его от эшафота. По своим политическим взглядам Легрэ несомненно примыкал к эбертистам.²¹ Освобожденный из тюрьмы после падения Робеспьера, Легрэ стал председателем секции Музея и руководителем кампании, приведшей к принятию адреса 30 термидора.

Движение не ограничивалось рамками секции Музея. Так, например, 10 фруктидора адрес был одобрен секцией Монтрейль, входившей, как нам уже известно, в состав Антуанского предместья. «В Антуанском предместье, — читаем мы в рапорте от 11 фруктидора, — граждане жалуются на Конвент за то, что он отказывает народу в праве самому избирать своих магистратов; они говорят, что революционное правительство не должно служить к умалению этого права, истекающего из самой природы».²² В Конвенте, как мы уже знаем, аналогичные мысли развивал Шаль. Матьез определяет движение, возникшее в секции Музея, как чисто эбертистское. В этом он прав только отчасти. Дело в том, что, как мы еще увидим дальше, наряду с эбертистами и под теми же политическими лозунгами выступают эпигоны «бешеных», выступает Бабеф. Элементы левой оппозиции образуют единый сплав, в котором не так то легко отделить струю, представленную эбертистами, от струи, представленной бешеными. Кроме того, Матьез начисто игнорирует классовую базу движения. Этой базой на наш взгляд были те слои нищающей мелкой буржуазии, ремесленного пролетариата и городской бедноты, которые в свое время служили питательной средой для агитации Эбера и Жака Ру.²³

Против секции Музея и ее политических требований образовался блок левых и правых термидорианцев. Не следует вообще преувеличивать близость, существующую между левой оппозицией и термидорианской правой. В целом ряде случаев правые термидорианцы смыкались с левыми, образуя единый фронт, направленный всем своим острием против радикально-демократических лозунгов крайней левой. Так было в Конвенте во время обсуждения вопроса о реорганизации революционных комитетов.

Программа немедленного уничтожения революционного правительства и введения выборности всех властей составляла монополию этих крайне-левых групп и, ни в малой степени, не разделялась правыми термидорианцами.

В заседании 11 фруктидора целый ряд секций явился к решетке собрания для того, чтобы протестовать против адреса секции Музея. Адрес этот, по мнению представителя секции Музея Сцевола, «направлен к торжеству анархии и ниспровержению революционного правительства, пугающего и парализующего заговорщиков всякого рода». Не менее энергично выразился делегат секции Хлебного рынка (de la Halle-au-Ble). «Секция сознает, что во время революции, когда четырнадцать армий борются на фронтах, когда еще не сломлены внутренние враги — нельзя обойтись без чрезвычайных мероприятий, секция с полным доверием относится к тому, что временно бездействует один из самых драгоценных атрибутов народного верховенства». Любопытно отметить, что одновременно секция высказалась за поддержание свободы печати и петиций.

Кроме этих двух секций, столь же отрицательную позицию в отношении адреса 30 термидора заняли секции Гренелльского фонтана, Пик, Горы и Красного Колпака. Бурдон из Уазы, один из лидеров термидорианской правой, назвал адрес Музея «плодом коварства и интриги» и сообщил, что 9 секций с негодованием отвергли происки «интриганов и иностранцев», посланцев Робеспьера, Питта и Кобурга.

Характерно, что все перечисленные секции, кроме секции Горы, могут быть отнесены к числу мелко-буржуазных. Так секция Муция Сцевола населена была мелкой и средней буржуазией, а также рабочими — плотниками и каменщиками. Секция Гренелльского фонтана до революции носила аристократический характер, но после того, как дворяне эмигрировали, в ней остались только интеллигенты, мелкие торговцы и, отчасти, рабочие — строители.²⁴ Определенно мелко-буржуазной была секция Красного Колпака, несмотря на наличие в ней довольно большого числа рабочих, занятых в мебельной и строительной промышленности. В день 9 термидора секции эти либо колебались (секции Красного Колпака, Арси, Муция Сцевола), либо высказывались за Конвент (секции Пик, Хлебного рынка, Гренелльского фонтана) Как увидим дальше, часть этих секций впоследствии выступила в защиту якобинского «Дижонского адреса». Таким образом, приветствия, расточавшиеся Бурдоном из Уазы по их адресу, отразили временное сближение левых и правых термидорианцев, произошедшее на почве совместной борьбы против политических требований левой оппозиции.

Якобинский клуб принял петицию секции Музея в штыки. Не случайным, конечно, является то обстоятельство, что инициатива выступления принадлежала здесь правым термидорианцам Реалю, Дюфурни, которых Матьез прямо причисляет к числу дантонистов.²⁵ Еще в заседании 9 фруктидора Дюфурни обрушился на электоральный клуб. «Общество, собирающееся в помещении Епископства, собирается завтра поставить на обсуждение вопрос о том — будет ли народ восстановлен в своих избирательных правах. Предложение, сделанное Шалем в Конвенте о выборности членов революционного комитета, очевидно не случайно. Кто-то поработал над тем, чтобы в департаментах и в народных обществах в одно и то же время были внесены аналогичные предложения. Завтра они будут обсуждаться в парижских секциях. Нужно предупредить добрых граждан, чтобы они могли воспрепятствовать всем этим проискам»...²⁶

Реаль, выступивший сразу после Дюфурни, прочел текст адреса секции Музея. Выборность революционных комитетов должна, по мнению Реаля, неминуемо привести к торжеству деспотизма и аристократии. В заключение он «предложил якобинцам собраться в секциях, чтобы пропагандировать настоящие принципы и бороться с адресом, грозящим нанести смертельный удар свободе».²⁷

В заседании 11 фруктидора Клуб был извещен о неудаче, постигшей агитацию сторонников секции Музея. 13 фруктидора Карафф выступил в защиту революционного правительства и против требований неограниченной свободы печати. В заключение он принес жалобу на электоральный клуб, занявшийся, по его словам, «доносами на патриотов, выступавших в секциях против адреса Музея» «В уличных сборищах, — заявил Карафф, — аристократы исповедуют те же принципы».²⁸ Как видим, Реаль и Карафф, резко расходившиеся по вопросу о свободе печати, нашли, в данном случае, общий язык.

Между тем, движение, начавшееся в секции Музея, приобрело определенный, организационный центр. Таким центром стал электоральный клуб, заседавший в одной из зал канцелярии парижского архиепископа. В этом помещении в 1792 и 1793 гг. происходили собрания избирателей Парижского департамента.

По этой причине и клуб стал называться клубом избирательного собрания или просто электоральным (избирательным) клубом.

V

Электоральный клуб является бесспорно одним из самых интересных феноменов первого периода термидорианской реакции. В нем, несомненно, дан ключ к пониманию социологии и истории остатков «левой оппозиции». В нем перекрещиваются и стягиваются в один узел политические магистрали и исторические судьбы эбертистов, бешеных, Бабефа. Не случайно, конечно, что электоральцы должны были попасть в поле зрения марксистской историографии. Можно без всяких преувеличений утверждать, что политическая история рабочего класса в эпоху французской революции останется не написанной и не изученной до тех пор, пока не будет пролит свет на этот чрезвычайно неясный и противоречивый в своем рисунке эпизод термидорианской реакции.

К сожалению, объективные условия сложились так, что круг наших сведений об электоральном клубе чрезвычайно ограничен. Архивы молчат, и мы во время наших занятий в Archives Nationales тщетно стремились нарушить это молчание. Очевидно, не в лучшем положении оказался и сам Матьез, не приводящий в своем новом труде никаких новых данных, которые свидетельствовали бы об успешных архивных поисках. Общая же точка зрения Матьеза явно не выдерживает критики. Вместо того, чтобы вдуматься в своеобразную политическую физиономию клуба, он трактует его как какой-то проходной двор, в котором сталкивались и общались представители всевозможных политических течений. По словам Матьеза, «последние эбертисты, бывшие кордельеры, поддерживали Фрерона, смешивались с его молодцами и совместно выступали против якобинцев и «наследников Робеспьера».²⁹ Электоральный клуб и был, по мнению Матьеза, местом встреч фрероновской молодежи с экс-эбертистами. Это утверждение является плодом чистой фантазии французского историка.

Оно характерно для общей тенденции Матьеза, направленной к тому, чтобы снизить и обесславить вождей левой оппозиции, изображая их придурковатыми парнями, слепым орудием в руках Тальена и Фрерона. Так, Жан Варле для него «отчаявшийся индивидуалист» и даже «анархист»! Ниже мы еще увидим, какое чучело сделал Матьез из Бабефа.

С трибуны Конвента Бийо-Варенном в заседании 20 фруктидора брошено было обвинение электоральцев в эбертизме. В этот день у решетки Конвента появилась делегация клуба, представившая петицию с требованием неограниченной свободы печати и выборности общественных чиновников. Бийо-Варенн вспомнил роль клуба при Робеспьере. «Он принял участие в заговоре Эбера, сегодня, когда назревает новый заговор, его опять выдвигают на первый план». Бийо предложил переслать петицию в Комитет общей безопасности, что и было принято Конвентом.

Обвинение Бийо-Варенна вызвало чрезвычайно резкие возражения со стороны Бабефа. «Это общество, — писал Бабеф, — менее всего похоже на центр заговорщиков, быть может, оно является последним оплотом свободы».³⁰ По уверению Бабефа, электоральцы не имеют ничего общего с клубом, существовавшим в эпоху Эбера. Электоральцы организовались после смерти последнего короля. Бабеф удостоверяет, что он сам присутствовал на заседаниях электорального клуба. «Принципы, которые там проповедывались, заставляют меня предположить, что он (клуб) составлен из порядочных людей».

Одно несомненно, — адрес секции Музея и петиция электоральцев от 20 фруктидора формулируют одну и ту же политическую программу. В петиции, подписанной неким Креспеном (Crespin), в качестве председателя, и Дефрансэ (Defrance), в качестве секретаря, усиленно подчеркивается, что только благодаря узурпации народного суверенитета парижский муниципалитет стал орудием в руках Робеспьера. Как мы видим, это та же самая мысль, какую проводит адрес секции Музея. «Мы просим, — говорится в петиции электоральцев, — ...чтобы никогда не наносился ущерб принципам,веряющим одному народу право выбора должностных лиц».³¹ Тождество политической терминологии вскрывает тесную связь, установившуюся между руководителями электорального клуба и вожаками секции Музея.

В своем органе «Газета свободы печати» Бабеф в одинаковой степени отстаивал и секцию Музея и электоральцев. Изобличая Реаля и Дюфурни в посылке эмиссаров для борьбы с адресом Музея, Бабеф обвиняет газеты в том, что они солгали, «утверждая, будто подавляющее число секций отвергло петицию Музея, в то время как на самом деле, несмотря на всю ревность якобинских эмиссаров, она была принята в довольно большом количестве мест».³² В № 13 Бабеф насчитывает от 12 до 15 секций, присоединившихся к адресу Музея.

По отношению к электоральцам правые и левые термидорианцы проводили совершенно одинаковую линию, словно повинувшись молчаливому соглашению. Сравнительно рано начались репрессии против клуба и отдельных его руководителей. Адрес 20 фруктидора редактировал уже упоминавшийся нами Бодсон, занимавший пост судьи в трибунале первого округа. Он был арестован по постановлению Комитета общей безопасности, как об этом рассказывает Бабеф в № 7 своей газеты от 28 фруктидора. В № 10 Бабеф возвращается к Бодсону и рассказывает, что он был схвачен в помещении трибунала, при исполнении служебных обязанностей. Одновременно Комитет общей безопасности предписал арестовать делегата секции, орагствовавшего перед трибуной Конвента.³³

22 фруктидора депутация от секции Муция Сцеволы обратила внимание Конвента на происки электорального клуба и предложила ему закрыть клуб наравне с петицией секции Музея. Гупийо, под аплодисменты, заявил, что Комитет общей безопасности выследил авторов обеих петиций. Наконец, Рожэ-дюко внес предложение выселить электоральный клуб из занятого им помещения, что и было декретировано безо всяких дебатов.

Целый ряд секций, если верить Бабефу, предложил изгнать электоральцев свое гостеприимство. Особо отмечает Бабеф рвение, проявленное клубом улицы du vert Bois, расположенной в знаменитой секции Гравильеров. Клуб улицы Вербуа вел в свое время ожесточенную борьбу против Жака Ру и находился под влиянием и покровительством

Парижской Коммуны, руководившейся Эбером и Шометтом.³⁴

В конце концов электоральцы перебрались в залу секции Музея.³⁵ Теперь во главе их встал известный нам Легрэ, по крайней мере он подписал в качестве председателя адрес клуба от 10 вандемьера. 30 фруктидора делегация клуба вновь предстала перед Конвентом. Делегаты пришли вспомнить услуги, оказанные клубом делу революции, и учесть, что человек, обвинявший их, еще в ноябре 1792 г. всячески прославлял Дюмурье. В заключение они ходатайствовали об освобождении арестованных членов клуба Бодсона и Варле. В ответ на это председатель Бернар де Сэнт (de Saintes) подчеркнул необходимость поддержания революционного правительства и обещал, что Конвент удовлетворит петицию клуба, если найдет ее мотивы обоснованными и справедливыми.

Бийо-Варенн в очень резкой тираде отвел обвинение в апологии Дюмурье и подчеркнул, что он первый изобличил Бодсона как сообщника фракции Эбера. В заключение петиция электоральцев была передана Комитету общей безопасности

Этому событию Фрероновская газета посвятила следующие строки: «В заседании от 30 числа электоральный клуб оправдался в обвинениях, предъявленных Бийо-Варенном, и обвинил самого Бийо в том, что он прославлял Дюмурье, незадолго до падения этого негодяя»...³⁶

Выступление электоральцев оказалось однако совершенно бесплодным. По крайней мере, 7 вандемьера новая делегация по-прежнему добивалась освобождения Бодсона и Варле и возвращения отнятого помещения. Петицию и на этот раз сдали в комитеты, поручив им представить доклад в трехдневный срок. Тем не менее, утром 8 вандемьера помещение клуба было наводнено рабочими, во главе с архитектором. Эти «200 Геростратов», как их называет Бабеф, произвели полнейший разгром всей залы.

10 вандемьера электоральцы снова появились в Конвенте. На этот раз они предъявили собранию адрес, принятый их клубом 7 вандемьера III года Республики вандемьера III года Республики. На ряду с петицией секции Музея, адрес этот является важнейшим политическим документом, и поэтому на нем надо остановиться несколько подробнее.

Начнем с политических требований. Авторы петиции высказываются за восстановление парижского городского самоуправления. «Верните Парижу его секционные собрания, по два в декаду, которых едва хватает для обсуждения текущих дел. Верните Парижу его муниципалитет; законодатели, вы не потерпите, чтобы Парижская Коммуна одна лишена была бы полагающейся ей магистратуры, верните ей ее администрацию, члены которой, избранные народом, пользующиеся его доверием, помогут своими знаниями восстановить торговлю...

Верните, не дожидаясь наступления зимы. Вы видите, как редки стали, после практиковавшейся системы реквизиций, уголь, масло, дрова, мыло и все съестные припасы. Что будет с нами зимой, если вы не поспешите нам на помощь?»³⁷

Таким образом, политические требования петиции электоральцев совпадают с требованиями, сформулированными в адресе секции Музея. Лозунги выборности властей и восстановление органов парижского самоуправления объединяют все разновидности «левой оппозиции». Шаль, Бабеф, электоральцы, деятели секции Музея, все в одинаковой степени, борются за осуществление этих лозунгов. Именно здесь пролегает демаркационная линия, отделяющая эпигонов Эбера и Ру от термидорианцев левого и правого толка. Всякая попытка поставить знак равенства между политической идеологией электоральцев и правых термидорианцев грубо неправильна уже потому, что предполагает игнорирование этого центрального пункта в политической программе электорального клуба и его попутчиков.

Гораздо более специфическими оказываются экономические требования, запечатленные в петиции электоральцев. «Общество... занялось... изысканием средств, ведущих к оживлению торговли, которые помогли бы вернуть ей блеск, столь полезный для поддержания республики, и сделали бы ее настолько цветущей, что это устрасило бы коалицию деспотов... Общество прежде всего укажет вам, что если обстоятельства и сделали необходимым ряд чрезвычайных мероприятий, вроде конфискаций (prehensions) и реквизиций, то законы эти не могут быть соблюдаемы впредь без того, чтобы они не стали опасными, перестав приносить пользу, и что, кроме всего, трудно выполнимые сейчас, они станут совершенно невыполнимыми в будущем.

Общество констатирует, что та же судьба постигла закон о барышничестве, вызванный аналогичными обстоятельствами. Он способствовал усиленной наживе торговцев и привел к тем же последствиям, что и реквизиции, разорившие промышленность.

Начиная земледельцем и кончая богатым негодником, все опасаются быть заподозренными в нарушении этих законов. Их опасения имеют тем большие основания, что торговля и промышленность не могут быть ограничены, поскольку их оборот всегда зависит от степени мастерства, от богатства, от уровня коммерческих познаний...

«Верните народу полноту его прав, установите самую широкую свободу торговли» — так звучит окончательный синтез экономических и политических требований петиционеров.

Как известно, Бабеф, всецело разделявший политическую платформу электоральцев, особо оговорил свое несогласие с их экономическими лозунгами, взяв под защиту «законы против корыстолюбия».³⁸ В самом деле, чем объяснить фритредерскую манифестацию электоральцев, выступивших с поддержкой требований, выдвигавшихся торговой буржуазией и кулацкой верхушкой деревни? Вопрос этот уже ставился в марксистской историографии,³⁹ причем совершенно справедливо было отмечено, что аргументация авторов петиции выдвигает на первый план интересы купеческой буржуазии и буржуазных землевладельцев, во имя которых отстаивается неограниченная свобода торговли.

В другом месте мы постараемся показать, что экономическое положение Франции 1794 г. несомненно могло породить в рабочем классе, в городской бедноте фритредерские настроения. В свете этих настроений становятся понятными программные заявления петиции электорального клуба. Вопрос о форме, в которую облечены эти заявления, вопрос о стиле аргументации является, на наш взгляд, второстепенным. Характер аргументации не должен затемнять основной классовый смысл петиции, как документа, исходящего от органа, представлявшего интересы пролетарских беднейших слоев парижского населения.

Петиция, как уже указывалось, была зачитана в Конвенте 10 вандемьера. Петиционеры заявили о своем намерении разослать комиссаров по отдельным секциям, чтобы убедить их присоединиться к петиции. Комиссары должны были быть избраны наполовину из членов общества и наполовину из публики, присутствующей на собраниях электоральцев.

Конвент постановил передать петицию в Комитет общей безопасности. Ответная реплика председателя Андре Дюмона была суха и даже враждебна. «Разве вы забыли, — спрашивал он делегатов, — о существовании революционного правительства и о том, что Конвент намерен удержать его до заключения мира?»

Петиция электоральцев была встречена сочувственно в целом ряде секций. «Газета Перле» в № от 15 вандемьера извещает о собрании клуба, на котором было сообщено о присоединении к адресу секций Музея, Ситэ, Пантеона, Монмартрского предместья, Ломбар, Арси, Дома Коммуны, Гравильеров, Кэнз-Вен и Монтрейля и Революционной (section Revolutionnaire).⁴⁰ Действительно, часть перечисленных секций поспешила продемонстрировать перед Конвентом свою солидарность с принципами, выраженными в петиции Музея. В заседании 11 вандемьера это сделали Революционная секция и секция Музея. Солидаризуясь с петицией электоральцев, секция Музея выразила протест против адреса Дижонского якобинского клуба. По сообщению Бабефа, петиция была одобрена еще в целом ряде секций, помимо перечисленных «Газетой Перле». Так, у него фигурируют секции Тампля, Арсенала, Бонн-Нувель, Рынков, Мон-Блан, Северного предместья и Республики. Зато в его списке нет секций Пантеона и Дома Коммуны. Если суммировать данные «Газеты Перле» и Бабефа» то окажется, что петиция электоральцев прошла в 18 секциях. Бабеф подчеркивает также единогласное принятие петиции. По его словам, и в остальных секциях комиссары электорального клуба приняты были по-братски и только в силу условий регламента секционных собраний результаты голосования остались там не выясненными.

В числе секций, принявших петицию, нужно прежде всего отметить наиболее рабочие секции — Гравильеров, Бонн-Нувель и Музея. К ним примыкают секции Монтрейль и Кенз-Вэн, входившие в состав Сент-Антуанского предместья, а также секции Обсерватории, Пантеона, Республики, Монблана, Монмартрского предместья и Арси. В этих последних было значительное количество рабочих, что не мешало им сохранять довольно отчетливый, мелкобуржуазный характер. С другой стороны, петицию поддерживают крупнобуржуазные секции: Тамплъ, Сите, Арсенал, Революционная, Ломбар. Секции эти охватывали богатейшие кварталы Парижа. Их населяли верхи финансовой и торговой буржуазии. На первый взгляд кажется совершенно непонятным, что могло быть у них общего с рабочими и ремесленниками из секции Гравильеров и Бонн-Нувель. Не забудем, однако, что контакт крупно-буржуазных и рабочих секций ведет свое начало со дня 9 термидора. Именно тогда сложилась та «противоестественная коалиция», отголоски которой мы находим в группировке секций вокруг петиции электорального клуба. В день 9 термидора секции Тампля и Ситэ боролись рука об руку с секциями Гравильеров и Бонн-Нувель

Несомненно, симпатии, проявленные крупно-буржуазными секциями в отношении петиции электоральцев вытекают в первую очередь из ее экономических лозунгов. Политические лозунги петиции могли восприниматься в этих секциях лишь поскольку они были направлены к ослаблению революционного порядка управления. Вряд ли можно было увлечь зажиточную буржуазию перспективами восстановления парижского революционного самоуправления. Нужно также отметить позицию, занятую секцией Обсерватории. Эта секция 9 термидора служила оплотом Робеспьеровской Коммуны. Чуть ли не единственная из всех секций, она стала целиком на сторону Коммуны.⁴³ Ее выступление в пользу петиции электоральцев лишний раз подчеркивает колебания, охватившие широкие слои мелкой буржуазии. Как раз в это время мы наблюдаем зарождение течения, пытающегося сблизить левый фланг якобинцев с эпигонами эбертизма и бешеных. Представителем этого течения был Шаль, с другой стороны, сторонники сближения нашлись и в среде электоральцев. Иначе трудно объяснить появление делегации электоральцев в заседании якобинского клуба от 17 вандемьера. Оратор депутации принес жалобу на то, что представленное им общество было оклеветано в недрах якобинского клуба, и зачел текст знаменитой петиции. Оратор удостоился даже «братского лобзания» председателя клуба. Однако, по существу петиции, электоральцам оказан был решительный отпор. Терассон поставил вопрос о революционном правительстве. «Надо подчиняться установившему его закону. Закон предусматривает назначение всех должностных лиц Конвентом и его комитетами, и это, несомненно, противоречит принципам, выраженным в вашей петиции».⁴⁴ Файо подчеркнул, что якобинцы разделяют беспокойство по поводу продовольственного положения и чувства преданности Конвенту, выраженные в адресе. Но они не могут одобрить нападения на революционное правительство. Реплики ораторов электорального клуба прозвучали крайне неуверенно, и хотя один из них и выразил намерение итти рука об руку с якобинцами, собрание, по предложению Мора, вотировало простой переход к очередным делам.

Час для тактического блока между радикальной мелкой буржуазией и представителями пролетариата и городской бедноты так и не пробил, хотя натиск реакции отбрасывал влево и те группы левых термидорианцев, которые первоначально готовы были итти на коалицию с термидорианской правой для подавления левой оппозиции.

Вернемся, впрочем, к нашим электоральцам. На заседаниях клуба продолжались нападки на революционное правительство. Так газета «Республиканский курьер («*Courrier republicain*») от 19 вандемьера сообщает о том, что ораторы клуба «в последнем заседании громко утверждали, что у нас не будет мира до тех пор, пока существует революционное правительство и что необходимо установить, наконец, во Франции прочный и постоянный порядок».⁴⁵

Понятно, что термидорианские власти начали усиленно искать предлога для новых репрессий против клуба и его руководителей. В заседании 18 вандемьера Бурдон из Уазы выступил с формальным доносом на электоральцев. «Электоральный клуб был изгнан из помещения бывшего епископства, ставшего очагом анархии, он заседает теперь у самого вашего порога, в зале Музея. Знаете ли вы, что обсуждали там в течение последней ночи? Уничтожение Конвента. Было постановлено, что Конвент собрался только для суда над тираном и для выработки новой конституции и что, следовательно, сейчас он должен разойтись и уступить место разбойникам... стремящимся к убийству собственников и разграблению имуществ». 21 вандемьера Революционный комитет 4-го округа распорядился арестовать Легрэ, президента клуба.⁴⁶ 22 вандемьера в заседании клуба была оглашена рукопись № 27 «Народного Трибуна» № 33 и письмо Бабефа, извещавшего об его разрыве с издателем «Народного Трибуна» депутатом Жиффруа. Клуб постановил отпечатать, очевидно, на свои средства, номер газеты вместе с письмом.

Это постановление дало повод к новым репрессиям, о которых Конвент был оповещен Мерленом из Тионвиля, в заседании: от 5 брюмера. «...Бабеф, — заявил Мерлен, — укрылся в недрах «избирательного клуба», где он произнес речь еще более демагогическую, чем его первое выступление. Клуб заслушал ее и постановил напечатать от своего имени. Согласно закона Комитет общей безопасности предписал арестовать Бабефа, президента клуба и его секретарей за то, что они подписали это постановление, и наложить печати на все бумаги клуба».

История этого ареста Бабефа лишь отчасти может быть прослежена по архивным данным. Мы остановимся на ней, потому что в данном вопросе существует значительная путаница. Так, Адвизель вообще сомневается в том, что Бабеф был арестован, и склонен предполагать, что он в течение брюмера-фримера скрывался где-либо в самом Париже.⁴⁷ Дэвилль считает, что арест был крайне непродолжителен и фиксирует его между 22 вандемьера и 12 брюмера.⁴⁸ Матьез склоняется к версии Дэвилля и приурочивает арест к 3 брюмеру: «термидорианцы почти тотчас же его освободили. Они хотели попросту его предупредить».⁴⁹

На самом деле приказ об аресте Бабефа помечен 23 вандемьера. Его подписали члены Комитета общей безопасности — Collombel, Levasseur de la Meurthe), Clauzel, Reubell, Bentabole, Lesage, Senault, Monmayaut, Bourdon (de l'Oise) и Reverchon. Приказ предписывает заключить Бабефа в Люксембургскую тюрьму (la maison d'arret dite du Luxembourg) и наложить печати на его бумаги. Исполнение приказа поручено гражданину Ployer.⁵⁰

2 брюмера последовал донос на электоральцев со стороны депутата Калона (Calon), адресованный Мерлену из Тионвиля. Пересылая Мерлену печатный листок со статьей, посвященной электоральному клубу, очевидно, один из № «Народного Трибуна», Калон требовал примерного наказания «для чудовища, осмелившегося возводить контр-революционную клевету на народное представительство».⁵¹

Как бы в ответ на этот донос 3 брюмера последовало предписание об аресте президента и секретарей электорального клуба. Во введении указывается на то, что «электоральный клуб исповедует мнения, угрожающие общественному порядку». Особенно ставится клубу в вину то, что Бабеф, против которого комитет издал приказ об аресте, нашел в его среде единомышленников и соучастников. Сравнивая текст приказа с содержанием сообщения, сделанного Мерленом в Конвенте, мы приходим к тому выводу, что Бабеф не был арестован, по крайней мере до 5 брюмера.⁵² Действительно, в том и другом случае ничего не говорится о самом факте ареста, речь идет исключительно о приказе, о распоряжении, отданном Комитетом. Если бы Бабефа удалось арестовать, то об этом несомненно было бы упомянуто в постановлении Комитета общей безопасности от 3 брюмера. Таким образом, утверждение Матьеза, несмотря на его категорическую форму, остается чистой догадкой. Матьез, во-первых, ошибается, считая, что приказ об аресте Бабефа отдан был 3 брюмера, и, во-вторых, он фантазирует, рассказывая о термидорианцах, «почти тотчас же его освободивших». Матьезу хочется во что бы то ни стало, чтобы связь между термидорианцами и Бабефом была возможно более тесной, интимной, дружеской, и там, где доказательств не хватает, он занимается их сочинением.

Вернемся, однако, к нашим электоральцам. Клуб все же не был закрыт, хотя бумаги его и подверглись опечатанию. 12 брюмера в заседании электоральцев заслушан был внесенный Бабефом проект полной реорганизации клуба. К сожалению, мы не можем установить, был ли он оглашен лично самим Бабефом и последовало ли какое суждение по существу проекта.⁵³ По сообщению газеты «Вечерний вестник» («*Messenger du soir*») заседания клуба были прерваны после наложения печатей и возобновились в конце брюмера в одной из публичных зал секции Музея. Это было бывшее помещение Кордельерского клуба на Тионвильской улице (*rue de Thionville, cidevant Dauphine*). Та же газета указывает на то, что в заседаниях клуба принимает участие большое количество бывших якобинцев. Не забудем, что самый якобинский клуб был закрыт 22 брюмера. Поэтому нет ничего невозможного, что к этому времени могло обнаружиться некоторое сближение между якобинцами и электоральцами. «*Vedette*» в № от 30 брюмера прямо говорит об якобинцах, собирающихся в электоральном клубе.

«Патриотические и литературные анналы» за тот же день рассказывают об усиленных патрулях, окружающих Лувр, «место, предназначенное для собраний электорального клуба».⁵⁴

До каких-либо волнений дело однако не дошло. Секция Музея, по сообщению «Республиканского курьера» от 3 фримера, изгнала электоральцев из их помещения. «Было решено, — читаем мы в «Маленьком парижском листке» («*Petite Feuille de Paris*»), — не пускать якобинцев на порог. Говорят, — добавляет газета, — что они будут собираться в каком-то другом месте».⁵⁵ На этот раз опасения буржуазно-реакционной печати оказались напрасными. Лишенный помещения электоральный клуб распался.

Сделаем выводы. В лице электорального общества мы имеем дело с первой попыткой создать организационный центр, объединяющий распыленные силы «левой оппозиции». Политическая платформа, на которой сошлись представители всех течений, сводится к борьбе с революционным порядком управления во имя выборности властей, восстановлением парижского самоуправления и свободы печати. Из этой программы родился основной лозунг прерияльского восстания «Конституция 1793 года!»

Отношение правых термидорианцев к электоральцам было резко отрицательное. То, что заставило крупно-буржуазные секции в известный момент пойти за электоральцами, это, конечно, откровенное фритредерство их знаменитой петиции. Нужно, однако, подчеркнуть, что программа электоральцев не отражала специфических нужд рабочего класса. В этом отношении электоральцы стоят не выше уровня бешеных и эбертистов. Самое характерное в политической традиции, перенятой электоральным клубом у своих предшественников, это борьба за коммуну, за парижский муниципалитет. Борьба эта вскрывает социальные корни всего движения в его целом.

Чтобы покончить с нашим обзором «левых течений», скажем еще несколько слов о Бабефе и Варле.

VI

Альберт Матъез в своей «Термидорианской реакции» делает Бабефа сообщником и простым *alter ego* Фрерона. Было бы трудно оспаривать сочувствие Фрерону и Тальену и одобрение их политической деятельности, проскальзывающее в первых №№ бабефовой газеты. Из упоминавшейся нами речи Фрерона от 9 фруктидора Бабеф берет эпиграф для № 1 «Газеты свободы печати». Отстаивая свободу прессы, Бабеф всецело следует аргументам Фрерона, которого он в 7-ом № называет своим соратником и братом. В № 17 Тальен и Фрерон причисляются к «могучим чемпионам народных прав».⁵⁶ В том же номере Бабеф рассказывает о несостоявшейся дуэли Фрерона с якобинским депутатом экс-маркизом Шатоней-Рандон. Фрерон должен был бы, по мнению Бабефа, вспомнить, в подобном случае, «прекрасное поведение благородного и несчастного Камилла Демулэна»... Демулэн, для Бабефа, «великая жертва»! Настало время проклясть его убийство и пролить, не скрываясь, несколько слез над его могилой. Вызванный на дуэль, Демулэн отложил принятие вызова до того времени, когда родина перестанет нуждаться в его услугах: — «о, Фрерон, — пишет Бабеф, — бери в будущем пример с доброго Камилла, помни, что ты не принадлежишь себе, что отечество нуждается в твоих знаниях... и что, покушаясь на тебя, в твоём двойном звании депутата и публициста-просветителя, посягают на самый народ!»⁵⁷

Также открыто солидаризуется Бабеф с Тальеном и с Мерленом из Тионвиля. «О, Мерлен, — пишет он в № 5 своей газеты, — ты устранил главный камень преткновения, восстав наконец против этого правительства, которое все ненавидят, против этого кровавого правительства, которое друзья хотят стереть со страниц истории и чьи сторонники являются, несомненно, убийцами Тальена».⁵⁸

Рука об руку с открытым восхвалением представителей термидорианской правой идут проклятия и брань по адресу якобинцев. Достаточно вспомнить гневные инвективы против Барера в 11-ом №. Жозеф Лебон — для Бабефа палач и убийца. Такие же лестные эпитеты получают Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа, Каррье, Дюгэм, Левассер.

Немудрено поэтому, что и якобинцы видели в Бабефе такого же врага, как в Тальене или Фрероне. Не делая никакого различия между «Народным оратором» и «Газетой свободы печати», якобинцы, как на это жалуется сам Бабеф, преследовали и разгоняли продавцов этих анти-якобинских газет. И несмотря на все это, мы не имеем никаких оснований ставить простой знак равенства между Фрероном и Бабефом, как это делает Матьез. Главная ошибка Матьеза состоит в том, что он рассматривает политическую эволюцию Бабефа как факт его личной биографии, совершенно отрываясь от той социальной среды, которая должна была определяющим образом повлиять на практику и идеологию «Народного трибуна». Кроме того, Матьез не свободен от фактических ошибок и от крайне произвольных догадок. Об этом нам уже приходилось упоминать. Отметим хотя бы то упорство, с каким он повторяет свое ошибочное утверждение, что Бабеф «вышел из тюрьмы благодаря термидорианцам».⁵⁹

В другом месте Матьез строит очень смелую гипотезу об источнике финансовых средств, понадобившихся Бабефу для издания его газеты. Владелец типографии, в которой печатался

«Народный трибун», депутат Жиффруа «был одним из вождей заговора, направленного против Робеспьера». Матьезу этого достаточно, для того чтобы «усомниться в денежном источнике, позволявшем Бабефу основать его журнал».⁶⁰ Несколькими строками ниже Матьез заявляет: «если термидорианцы и давали деньги Бабефу, то сумма должна была быть крайне незначительна». И на том спасибо!

Совершенно возмутительно звучит обвинение Бабефа в том, что он примыкал к «золотой молодежи» Фрерона. Более того, по словам Матьеза, он «был одним из первых вождей этой молодежи». Сказано это Матьезом для красного словца. Доказательств он никаких не приводит. Между тем, мы не имеем никаких оснований умозаключать от идейной близости между Бабефом и Фрероном к наличию каких-либо прочных организационно-финансовых связей. Бабеф, так же как и вся «левая оппозиция», к которой он примыкал, имел свою политическую платформу, отнюдь не отвечавшую политическим устремлениям термидорианской правой. Бабеф поддерживал электоральный клуб и движение в секциях, связанное с знаменитым адресом Музея. Он высказывался за полнейшую выборность всех властей и за восстановление парижского революционного самоуправления. «Политическое воспитание, полученное нами в течение последних пяти лет, научило нас тому, что главным проявлением народного суверенитета является право народа выбирать своих чиновников, что, если правители существуют для и через управляемых, то необходимо, чтобы первые зависели от вторых....»⁶¹

По мнению Бабефа, декреты, сократившие число секционных собраний до одного в декаду и заменившие муниципальную администрацию Парижа системой исполнительных комиссий, нанесли смертельный удар свободе. «Нельзя с полной свободой высказывать свою волю на собраниях суверена, когда суверен сам лишен свободы созыва этих собраний».⁶² В секционных собраниях «народ должен отправлять учредительную власть и осуществлять постоянное наблюдение за действиями своих представителей». Не менее важную роль призван играть Парижский муниципалитет. Это сила, необходимая для гарантии свободы. В будущем, быть может, станет неизбежным повторение революции 31 мая. «Есть еще один довод, в силу которого необходимо требовать существования в Париже центрального муниципалитета. Необходимо всячески облегчить возможность объединения всего народа на тот случай, если нужно будет оказать сопротивление угнетению со стороны Сената».⁶³

При наличии подобной программы пути Бабефа и правых термидорианцев неминуемо должны были разойтись. И действительно, уже в № 26 «Народного трибуна» мы находим очень острую полемику с Фрероном. Последний в № 10 своего «Народного оратора» объявил Конвент сувереном «в миниатюре», чем и не замедлил вызвать решительный протест со стороны Бабефа. Решающим однако было то, что правые термидорианцы явно одобряли политику репрессий в отношении деятелей электорального клуба. «Фрерон и Тальен — читаем мы в № 27-ом «Народного трибуна» — вы не оправдываете данного вам названия — надежды народа... нужно, чтобы ваша популярность никого не вводила в заблуждение, нужно, чтобы вас ценили по настоящей вашей стоимости».⁶⁴ Бабеф вспоминает политический путь, пройденный Фрероном и Тальеном со дня 9 термидора. В своих газетах, в «Народном ораторе» и в «Друге законов», они дали превосходный образчик громких фраз, блестящей декламации, уснащенной разными республиканскими словечками. Однако, удары, наносимые ими, скользили по поверхности. Фрерон и Тальен как будто не замечали гигантских усилий электорального клуба в его борьбе за Права Человека. «Народный оратор» прошел мимо грозных инвектив Бийо-Варенна, направленных против клуба с конвентской трибуны, мимо ареста Бодсона, мимо разрушения зала, в которой заседали электоральцы, мимо наглого ответа Андрэ Дюмона на петицию, представленную в Конвент 10-го вандемьера».⁶⁵ «Я пока еще не обвиняю Фрерона, — пишет Бабеф, — но я подозреваю его в том, что он является одним из столпов узурпации народного суверенитета».

Приведенные строки лучше всего характеризуют природу взаимоотношений, сложившихся между Бабефом и правыми термидорианцами. Это не были союзники, поскольку у них отсутствовала договоренность по ряду важнейших, политических вопросов. Это были попутчики, связанные, на время, общностью некоторых⁶⁶, тактических лозунгов и глубоко враждебные по самому существу, по классовой своей природе.

Важнейшим этапом политической биографии Бабефа является, несомненно, разрыв его с депутатом Жиффруа, в типографии которого печатался «Народный трибун». Жиффруа, в прошлом дантонист, прикрывавшийся ультра-террористической маской, стал с началом реакции одним из заправил публицистической кампании против Робеспьеровского охвостья.⁶⁷ Приняв на себя печатание «Народного трибуна», Жиффруа несомненно руководствовался соображениями политического характера, продиктованными ему его право-термидорианской позицией. После выхода в свет № 26, от 19 вандемьера, произошел разрыв между владельцем типографии и редактором. 21 вандемьера Жиффруа написал Бабефу пространное письмо, проливающее любопытный и во многом неожиданный свет на социальный характер Бабефовской агитации. «Чтобы попасть в Конвент, — пишет Жиффруа, — крайние проповедывали аграрный закон. Те же люди возобновляют теперь агитацию за этот закон, или за что-нибудь ему подобное, для того чтобы получить места в законодательном собрании, призванном поддерживать народное и республиканское правительство, после того, как Конвент установит его на незыблемых основах».⁶⁸ Жиффруа упрекает Бабефа в том, что он говорит языком этих людей. Основная же ошибка Бабефа заключается в позиции, занятой им по отношению к революционному правительству. «Ты обрисовал яркими красками злоешие последствия режима, установившегося при революционном правительстве, и в этом ты был прав. Но до тебя на это указывали многие депутаты... ты не хочешь революционного правительства в духе Робеспьера. Об этом же заявлял неоднократно Конвент, но ты все же высказываешься за революционное правительство, настаивая на «необходимых мероприятиях» и «революционных распоряжениях». Это как раз то, что мы должны сохранить от революционного правительства, иначе говоря, это возврат к справедливости. Признайся же, что ты противоречишь сам себе; признайся же, со всей искренностью, что нужно уточнять смысл употребляемых слов»...⁶⁹

Намеки Жиффруа насчет проповеди «аграрного закона» можно сопоставить с цитированными выше словами Бурдона из Уазы о людях, собирающихся убивать собственников и грабить их имущества. Но что это? Буржуазная демагогия? Стремление вызвать панику в собственнических кругах или же это отголосок каких-то неизвестных нам социальных мотивов, проскальзывавших в агитации сторонников электорального клуба? Вопрос приходится оставить открытым за полным отсутствием фактических данных, которые позволили бы дать утвердительный или отрицательный ответ.

12 брюмера у электоральцев оглашен был принадлежавший Бабефу проект реорганизации клуба. Во вводной части отмечается кризис, переживаемый клубом. «Граждане, чем вы являетесь в настоящее время и чем должны быть?.. Ваше общество насчитывает 400 членов: где они? Обычно вас собирается 30—40 человек... Последнее ваше заседание дало картину движения вспять: никто не хочет быть мужественным до конца, опасаясь принести бесплодную жертву». Далее Бабеф развертывает замечательную программу реорганизации клуба. До сих пор, народные общества сохранили кастовый дух: их нужно демократизировать, отменив членские взносы и сделав доступ в них открытым для всех граждан. «Настоящее народное общество это то, в котором неимущие не стоят ниже имущих». Клубы должны быть также доступны и для женщин. «Не нужно ни реестров, ни архивов, ни протоколов, ни постоянного президиума». Реорганизованный клуб будет именоваться народным. Его лозунгами станут: «Свобода, хороший хлеб, изобилие и высокое качество предметов первой необходимости».⁷¹

Разрыв с Жиффруа не означал еще готовности Бабефа итти на сближение с термидорианской левой. Брошюры, выпущенные Бабефом в период его термидорианского подполья, пестрят анти-якобинскими выпадами. Бабеф несомненно отнесся с сочувствием к закрытию якобинского клуба».⁷² «Конвент — читаем мы в брошюре «Побитые платят штраф» — еще далеко не выполнил своей задачи, разрушив якобинизм в Париже. Он должен обрушить карающий меч на провинциальные разветвления этого клуба и восстановить, на их подлинных основах, народные общества».⁷³

Однако, приветствуя ликвидацию якобинского клуба, Бабеф, как видно и из приведенной цитаты, недоумевает и скорбит по поводу мероприятий Конвента, направленных к разрушению народных обществ. В это же время Бабеф ввязывается в брошюрную кампанию, направленную против Каррье, и, этим самым, еще раз играет на руку реакции. К этому эпизоду нам придется еще вернуться в несколько иной связи.

Как же определить политическую физиономию Бабефа в первые месяцы термидорианской реакции? Мы согласны с марксистской критикой, указавшей на то, что дававшаяся нами ранее⁷⁴ характеристика Бабефа, как банального анти-якобинца, недостаточна или, вернее, слишком широка. Это определение родилось из полемики с некоторыми марксистскими работами, в которых Бабеф не критически зачислялся по ведомству левых якобинцев. В настоящее время, сталкиваясь с концепцией Матьеза, нам нужно подчеркнуть моменты, выделявшие публицистику Бабефа из общей массы право-термидорианских брошюр и газет. Все же мы не можем согласиться с точкой зрения, согласно которой «Бабеф был в этот период никем иным, как типичным «бешеным»».⁷⁵ Автор, давший эту характеристику Бабефа, сам в высшей степени убедительно показал, что не может быть и речи о «бешеных» в эпоху термидорианской реакции, как о каком-то особом политическом течении. С большим правом можно было бы причислить Бабефа к эбертистам. В левой оппозиции, в том же электоральном клубе, эбертисты несомненно играли большую роль, чем эпигоны Жака Ру. И все же эбертисты, так же, как и «бешеные», утратили многие специфические, им присущие черты идеологии. С нашей точки зрения, для данной эпохи, нельзя говорить ни о «бешеных», ни о «эбертистах». Электоральный клуб был новым политическим образованием, в котором окончательно слились разнородные и некогда враждовавшие элементы радикальной «плебейской» оппозиции. Чтобы обосновать эту нашу мысль, скажем еще несколько слов о позиции, занятой в это время Жаном Варле.

Имя Жана Варле, одного из вождей «бешеных», уже упоминалось нами в ходе изложения истории электорального клуба. Варле был арестован 19 фруктидора, по постановлению Комитета общественной безопасности. Толчком к его аресту послужил поступивший в Комитет донос, изобличивший Варле в том, что он вел на улице агитацию в защиту гражданина Лекуантра. По утверждению авторов доноса, Варле «стал расхваливать Лекуантра, говоря, что он хороший и честный человек, который себя достойно вел».⁷⁶

Арест Варле вызвал вмешательство в его пользу со стороны секции прав человека. Кроме того, как мы знаем, электоральный клуб несколько раз требовал его освобождения. Участь Варле оказалась однако значительно более печальной, чем участь Легрэ. Легрэ выпустили 21 фримера III года. Что же касается Жана Варле, - то он оставался в тюрьмах

Плесси, Ла Форс и Консьержери вплоть до конца термидорианской реакции. Его освободили только после Вандемьерского восстания.⁷⁷

В газете «Республиканский Курьер», от 17 вандемьера, можно найти следующие строки, посвященные Варле. «Электоральный клуб продолжает увеличивать число своих членов. На вчерашнем его заседании была прочитана брошюра, озаглавленная «Берегитесь взрыва» и снабженная эпитафией «Пусть лучше погибнет революционное правительство, нежели принцип». Ее автор, молодой Варле, заключенный в настоящее время в тюрьме Плесси, открыто нападает на революционное правительство, которое он называет диктатурой. Это первый писатель, проявивший столько смелости. Самый памфлет является продуктом творчества разгоряченного ума, не считающегося с условиями места и времени».⁷⁸

В самом деле, памфлет «Взрыв», переизданный 15 вандемьера под заголовком «Берегитесь взрыва», содержал самые резкие нападки на режим революционного правительства и на руководящих деятелей термидорианской левой. «Нет сомнения, — заявляет Варле, — что своим заключением я обязан горьким истинам, высказанным мною с трибуны электорального клуба».⁷⁹ Особо достается в памфлете Бийо-Варенну: «Самый бесчестный из всех представителей народа Бийо-Варенн нашел очаг заговора в электоральном клубе, заседающем в помещении епископства действительно, господин Бийо-Варенн прав, если он видит заговорщиков в повстанцах 31 мая».⁸⁰ Параллельно с резкими выпадами против Бийо-Варенна, Барера, Вадье и всей верхушки левых термидорианцев, идет восхваление Тальена и, в особенности, Лекуантра. По мнению Варле, из тирании Робеспьера исчез только сам тиран. Самое же главное зло он видит в сохранении режима революционного правительства. «Что за общественное чудовище, что за шедевр маккиавелизма представляет собою это революционное правительство! Для всякого мыслящего существа понятия правительства и революции несовместимы»...⁸¹

В то время, как Бабеф оплакивает Камилла Демулэна, Варле сетует об ужасах террора: «Кровавые законы имели обратное действие, самые крупные собственники (les plus gros propriétaires), обвиненные в вымышленных заговорах, попадали под власть человекоубийственного трибунала, беспощадного обвинителя, глухого ко всем доводам защиты».⁸² В другом месте Варле прямо объявляет себя умеренным. «Революционеры кричат о модерантизме. Я высоко ставлю модерантизм, делающий меня человеческим, терпимым, разумно мыслящим. Хорошо же! Пусть я буду модерантистом!»⁸³

Приходится признать, что Варле зашел в своей борьбе с левыми термидорианцами гораздо дальше, чем Бабеф. Он докатился до прямой апологии «самых крупных собственников» и политического модерантизма. При несомненном совпадении исходных точек в агитации Бабефа и Варле, каждый из них привносил в свои публицистические произведения особые нюансы, особые оттенки политической мысли. Позиция Варле и электоральцев несомненно может быть логически связана с предыдущим развитием «бешеных» и эбертистов. Однако уже в первые месяцы термидорианской реакции прежние клички, прежние группировки утрачивают какую бы то ни было актуальность. Мы вправе поэтому говорить о левой оппозиции, возглавленной электоральным клубом, как о совершенно новом политическом образовании. От термидорианского Бабефа, от электоральцев, от «Газеты свободы печати» начинается тот исторический путь, в конце которого уже виднеется Вандомский эшафот.

ГЛАВА 2. АГОНИЯ ГОРЫ

Середина фруктидора может быть охарактеризована как эпоха необычайного роста активности якобинцев и всего представленного ими сектора радикальной мелкой буржуазии. Кажется, что именно тогда ими была ясно осознана опасность буржуазной реакции, а провал Лекуантра представлялся удачной исходной точкой для перехода от обороны к наступлению. 17 фруктидора последовало и исключение из состава клуба Тальена, Фрерона и Лекуантра. Параллельно с чисткой клуба от откровенно реакционных элементов идет консолидация и окончательная формулировка политической его платформы. Наиболее законченное выражение она получает в адресе Дижонского якобинского клуба. Он был зачитан с трибуны клуба 19 фруктидора, причем клуб постановил отпечатать его и распространить среди своих членов. Дижонцы требовали

немедленной организации окружных революционных комитетов, ареста всех «подозрительных», на основе закона 17 сентября, обращения к гражданам с предложением ставить местные власти в известность о «подозрительных», изменения закона о *question intentionnelle*, устранения бывших дворян и священников с занимаемых ими должностей и ограничения свободы печати, в рамках, совместимых с существованием революционного правительства.

Таково было содержание Дижонского адреса, получившего одобрение со стороны целого ряда провинциальных якобинских организаций.⁸⁴ Теми же идеями проникнут Марсельский адрес, датированный 5 фруктидором, адрес клуба в Оксерре и целый ряд других подобных же обращений. Якобинцы из Бержерака протестовали против «человекоубийственной терпимости» (*indulgence homicide*). В других адресах требовали прекратить режим «ложного милосердия, скрывающегося под маской правосудия».⁸⁵

«Зажигательный» (*incendiaire*), по выражению Бабефа, адрес Дижонских якобинцев⁸⁵ зачитан был в Конвенте 19 фруктидора.

Здесь его встретил сдержанный ропот части собрания, постановившего передать его на рассмотрение Комитета Законодательства.

Обстановка была такова, что правые и болото явно не решались идти на разрыв с якобинцами. Вспомним, что как раз в эти дни развертывалась борьба в секциях вокруг петиции Музея. Правые термидорианцы меньше всего были заинтересованы в сближении электоральцев и якобинцев. Поэтому они предпочли уклониться, на этот раз, от боя. В течение довольно долгого времени они рассчитывали на завоевание большинства в якобинском клубе. Очутившись за его пределами, они нуждались в некоторой передышке, в паузе для выработки новой тактики.

Между тем, очищенный клуб становился все более энергичным в своих высказываниях. В заседании 19 фруктидора был решительно осужден лозунг неограниченной свободы печати. Буассель, припертый к стене Лакомбом, поспешил заявить, что его понимание свободы печати не расходится с тем, какое дано в принципах Дижонского адреса. 21 фруктидора Дюгэм поднял вопрос о высылке за пределы страны «всех стремящихся погубить Республику». Его поддержали Каррье и Левассер. «Почему, — говорил Левассер, — родина, постоянно терзаемая происками предателей, должна отказываться от права удалять из своих недр вечных заговорщиков, членов двух упраздненных ею сословий...»⁸⁶

23 фруктидора решено было снарядить новую депутацию к решетке Конвента. При этом Каррье предложил, чтобы члены клуба всей массой двинулись в Конвент и там, поддержанные народом на хорах, представили бы свой новый адрес. С возражениями против подобной тактики выступил более осторожный Бийо-Варенн. В среде якобинского клуба он оставался представителем парламентских традиций Горы. «В Конвенте — заявил он — найдутся люди, готовые умереть за свободу».⁸⁷

Между тем в вечер 23 фруктидора произошло событие, крайне неблагоприятно отразившееся на судьбах якобинского движения. Стреляли в Тальена. Депутат был легко ранен в левое плечо. Стрелявший скрылся. Есть полное основание предполагать, что покушение было инсценировано, что это была чистейшая комедия, разыгранная для того, чтобы подогреть быстро остывавшую популярность вождя правых термидорианцев. Во всяком случае, событие было мастерски использовано правыми для развертывания агитации против якобинского клуба. 24 фруктидора в Конвенте разыгрались шумные, мелодраматические сцены. Мерлен из Тионвиля обвинил якобинцев в организации покушения на Тальена. В своей речи он искусно сплел в один клубок покушение на Тальена с дебатами, развернувшимися у якобинцев 23 фруктидора, и с процессом 32 граждан города Нанта. «Прочтите отчет о вчерашнем собрании якобинцев и вы увидите, что жертвы намечены, что к груди народных представителей приставлены кинжалы». Особое ударение сделал Мерлен на выступлении Каррье, предложившего, как мы знаем, массовую демонстрацию в стенах Конвента. В заключение он предложил, «если и не закрыть клуб, то во всяком случае запретить членам Конвента участие в его заседаниях». С ответом Мерлену выступил Дюгэм, указавший на то, что в речь Мерлена вкралось очень много неточностей. В ходе дальнейших прений Мерлена поддержали Бентаболь и Ревбелль. Дюран-Майан, вождь болота, предложил поставить более общий вопрос об организации политических обществ и клубов. «Не должны ли мы при существующих

обстоятельствах опасаться последствий разветвления якобинского общества? Не опасно ли для свободы народное общество, заседающее в Париже и имеющее 44 тысячи ответвлений в провинции?»

25 фруктидора адрес якобинского клуба представлен был Конвенту. Адрес составлен был в выражениях осторожных и вполне лояльных. Он содержал жалобы на притеснения патриотов и требовал неукоснительного проведения в жизнь так наз. закона 17 сентября.

Чтению адреса предшествовали выступления представителей провинциальных народных обществ, твердивших в унисон с адресом о реакционном засильи в департаментах. Болото, неустойчивое и бесформенное, качнулось, на этот раз влево. По предположению Моисея Бейля решено было напечатать адрес в конвентском бюллетене. Членов депутации встретили и проводили оживленными аплодисментами.

Под свежим впечатлением якобинской манифестации Конвент 26 фруктидора постановил назначить на последний день санкюлотиды перенесение в Пантеон праха Жан-Поля Марата. Это была последняя дань героическому прошлому революции и несомненная тактическая уступка якобинцам. Но уступка эта имела чисто внешнее, поверхностное значение. Народная, помпезная демонстрация, затеянная по случаю «пантеонизации» Марата, на самом деле означала твердое намерение болота ограничиться ничем нестоящим, но внешне-эффектным жестом

II

Усилив переписку с провинциальными филиалами клуба, якобинцы одновременно пытались вызвать в парижских секциях движение в пользу Дижонского адреса. В день первой санкюлотиды в заседание клуба явились представители секций Финистер, Бон-Консей, Горы, Шалье, Монблан и Тюильери. Секция Бон-Консей зачала адрес, представленный ею Конвенту. Представитель секции Горы сообщил о присоединении секции к Дижонскому адресу. На секционном собрании зачитан был, правда, анти-якобинский памфлет «Якобинцы сегодняшнего дня, призванные к порядку вчерашним якобинцем», но возмущенное собрание предало памфлет пламени и постановило отправить особую делегацию для братания с якобинским клубом. Представитель секции Шалье рассказал о событиях, разыгравшихся в секции Пантеона, где патриоты, обманутые несколькими втершимися в их среду аристократами, отвергли Дижонский адрес. Секция Шалье отправила к пантеоновцам своих представителей и адрес ее встречен был бурными аплодисментами. Но в дело опять вмешались интриганы, «несколько человек, недавно выпущенных из тюрем», и, в конце концов, Дижонский адрес был собранием отвергнут. В секции Монблан «аристократия и модерантизм» добились того, что на секционном собрании был зачитан «один из пасквилей, которыми завален бывший Пале-Рояль и которые оттуда попадают только в будуары куртизанок».⁸⁹ Зато, когда чтение было закончено, секция объявила заслушанный ею памфлет лживым и клеветническим. Она также приняла резолюцию, в которой подтверждала, что истинные якобинцы ни в чем не нарушили интересов отечества. Самый же памфлет был разорван в клочки и затоптан в грязи.

Классовая физиономия секций, манифестировавших на трибуне якобинского клуба, пестра и противоречива. Секция Горы и Тюильери принадлежат к числу крупно-буржуазных. Так, напр., секция Тюильери представляла центр крупной торговли Парижа с рядом больших магазинов и банкирских контор.⁹⁰ Такой же социальный облик имела секция Горы, район роскошных магазинов и кафе, квартал разврата и проституции высшего разбора.⁹¹ Остальные секции носят скорее мелко-буржуазный характер. Во всяком случае, в отношении секции Шалье можно отметить значительную состоятельность части ее населения. Что же могло толкнуть крупно-буржуазные секции на поддержку якобинцев? Мы вряд ли ошибемся, если будем расценивать их выступление как известный контр-маневр, предпринятый для того, чтобы парализовать агитацию электоральцев и сторонников петиции Музея. Это лишний раз подчеркивает всю неосновательность обычных представлений о блоке между крупной буржуазией и представителями городской бедноты. На самом деле рисунок классовых взаимоотношений за этот период гораздо более пестр и противоречив.

Для якобинцев, впрочем, крупно-буржуазные секции не могли стать сколько-нибудь серьезной и длительной опорой. Кроме того, и внутри отдельных секций возможны были колебания. Так, например, мелко-буржуазная секция Монблан, как мы уже знаем, в начале Вандемьера ушла из-под влияния якобинцев и присоединилась по адресу электорального клуба.

Одно должно было быть ясно руководящему ядру якобинского клуба. Теряя сочувствия конвентского большинства, якобинцы должны были искать опору в секциях и в народных обществах. В заседании от 3 санкюлота принят был адрес «ко всем народным обществам Республики», в котором подчеркивалась необходимость братского единения между якобинцами и народными обществами. В адресе яркими красками обрисована реакция, охватившая страну после 9 термидора. Возникла новая фракция, стремящаяся к роспуску народных обществ. «Люди, обогранные кровью, расхитители общественного достояния, сообщники Дантона и герцога Орлеанского»⁹² бесстыдно клеветают на якобинцев. Единственное, что остается делать, это противопоставить им согласие и сплоченное объединение всех патриотов.

Параллельно с этим якобинцы, в первых числах вандемьера, усилили борьбу в секционных собраниях. Бабеф в № 16 «Газеты свободы печати» решительно отвергает утверждение якобинцев, будто за ними идет большинство парижских секций. Он называет его смехотворным. Дальше Бабеф рассказывает об агитации, ведшейся Бассалем (Bassal) в секции Монблан. Если верить Бабефу, якобинцы созвали объединенное заседание гражданского и революционного комитета секции и пытались заменить им обычное пленарное заседание секции. С другой стороны мы знаем, что во время секционных собраний от 10 вандемьера якобинцы пытались помешать чтению доклада о положении страны, сделанного в Конвенте докладчиком комитетов Робером Линдэ. На это жаловались представители секций Конвенту в заседаниях 11 и 12 вандемьера. Волнения произошли в секциях Тампля, Лепеллетье и Монблан. В секции Лепеллетье особенно выделился бывший присяжный революционного трибунала Кретьен. Конвент декретировал арест Кретьена. Кроме того был арестован еще целый ряд якобинских агитаторов.⁹³

Результатом всей этой агитации была новая манифестация ряда парижских секций у трибуны якобинского клуба. Состоялась она 11 вандемьера, когда к якобинцам явились представители секций Пик, Лепеллетье, Республики, Бонн-Нувель, Пуассоньери, Горы. Заметим что секция Бонн-Нувель, по другим сведениям, присоединилась в эти дни к адресу электоральцев. Более последовательным представляется нам поведение секций Пик и Горы, выступивших в свое время против петиции Музея. Секции Горы и Лепеллетье принадлежат к числу крупно-буржуазных. Отметим только, что успех якобинцев в секции Лепеллетье был совершенно эфемерным. По крайней мере на следующий же день из этой секции поступил донос на Кретьена. Таким же случайным был, повидимому, успех якобинцев в рабочей секции Бонн-Нувель. Более органическую, классовую связь можно установить у якобинцев с секциями Пик и Пуассоньер, в которых преобладала, численно, мелкая буржуазия. В зачитанных адресах якобинцы всячески восхвалялись за свой патриотизм и даже «маратизм».

Документами декларативного характера являются для клуба, в первых числах вандемьера, доклад Комитета корреспонденции и речь Одуэна, произнесенная им в заседании от 7 вандемьера.

доклад и речь уделяют главное внимание вопросу о народных обществах. В этом смысле можно говорить о некотором переломе в тактике якобинцев. Если раньше они ограничивались отстаиванием революционного порядка управления, то теперь им приходится выдвинуть новый лозунг — защиты народных обществ.

III

Главным фактором, толкавшим влево якобинцев, было быстрое и решительное поправление конвентского большинства. Отметим здесь бегло главные его симптомы. Большой доклад Линдэ отражал еще состояние неустойчивого равновесия, характерное для первого периода реакции. Обходя вопрос о максимуме, центральный вопрос всей экономической политики Конвента, Линдэ точно также попытался обойти и наиболее щекотливые вопросы внутренней политики. В качестве универсального лекарства от всех зол Линдэ рекомендовал «единение и доверие». Доклад сам, несомненно, оптимистичен.

«Революция сделала некоторых людей несчастными, — говорил Линдэ, — но она никого не обрекла на отчаяние. В республике братьев, где упразднены все социальные различия, где хвастовство богатством повержено в прах, где полезный и трудящийся человек является всем, а бесполезный ничем — там не может быть места отчаянию». Особое внимание Линдэ уделил вопросам, связанным с положением народного просвещения и с экономической жизнью Республики.

Если доклад этот, нарочито смазывая самые острые вопросы внутри политической борьбы, должен был, по мнению его автора, способствовать установлению бургфридена в стенах Конвента, то в этом Линдэ несомненно жестоко ошибался. Уже первые числа вандемьера дали картину определенного крена вправо. 1 вандемьера очередным президентом Конвента избран был правый термидорианец Андрэ Дюмон. Значительная перегруппировка произошла также и в составе правительственных комитетов. Введя в состав комитета общей безопасности своих сторонников Бентаболя, Ревбея, Лапорта и Реверсона и завоевав там большинство, правые термидорианцы получили возможность начать систематическую борьбу с своими противниками. Мы знаем уже, что после 10 вандемьера начался арест якобинских агитаторов — Кретьена, Маршана, Клеманса и др. Как указывает Матьез, влияние якобинцев в секциях ослабело именно после этих арестов. Так секция Гренелльского фонтана, отвергшая, последовательно, петицию Музея (10 фруктидора) и адрес электорального клуба (20 вандемьера), вотировавшая свое присоединение к Дижонскому адресу (20 фруктидора), отметила это присоединение в собрании от 30 вандемьера и вскоре затем заняла позицию, резко-враждебную по отношению к якобинцам.⁹⁴

Опираясь на растущее и консолидирующееся буржуазно-реакционное большинство в Конвенте, правые термидорианцы смогли, наконец, вновь взять инициативу в свои руки. Еще 12 вандемьера загорелась в Конвенте полемика, вызванная тем, что Лежандр вновь выступил с обвинениями против Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Барера. Барер призвал на помощь своих бывших коллег Приёра (из деп. Кот-д'Ор) и Карно. После оживленной перепалки, Мерлен (из Тионвиля) предложил снарядить следствие по делу обвиненных депутатов. Спасло их, на этот раз, вмешательство Карно и Приёра. Карно засвидетельствовал, что «в Комитете общественного спасения все они высказывались против Робеспьера. Приёр подчеркнул, что все постановления, касающиеся общей полиции, подписывали только Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон.

Атака была, таким образом, отражена, но на следующий же день Пелле предложил запретить депутатам участие в политических клубах и народных обществах, а Дюбуа-Крансэ, расходясь с Пелле, выдвинул проект чистки парижского клуба. «Вам говорили, что якобинское общество совершенно переродилось со дня 10 термидора, но это не верно!» Конвент согласился с Дюбуа-Крансэ и передал вопрос на рассмотрение комитетов.

Через пять дней в заседании 18 вандемьера принят был адрес к французам, содержащий совершенно недвусмысленные угрозы по адресу якобинцев и электоральцев. «Революционное правительство, — читаем мы в адресе, — будет удержано впредь до полного уничтожения всех врагов революции, несмотря на лицемерный патриотизм тех, которые требуют конституционного правительства для осуществления своих пагубных замыслов». Однако, в то же время адрес резко отмежевывается от тех, «кто без усталости твердит о крови и об эшафотах, от «исключительных» патриотов, от людей крайних взглядов, обогатившихся во время революции и сомневающих в действии милосердия!» В данном случае, речь очевидно идет об якобинцах. Другой пассаж имеет в виду электоральцев. «Собственность должна быть священна. Прочь от нас системы, продиктованные безнравственностью и ленью... Пусть закон утвердит за каждым гражданином право собственности, как он утверждает за ним и все другие его права». Нужно, конечно, учесть ультра-демагогический характер всего адреса в целом, чтобы не впасть в произвольное толкование приведенного отрывка. Мы остережемся, во всяком случае, делать на его основе какие-либо выводы о коммунистических струях в агитации электоральцев.⁹⁵

После того, как адрес термидорианского Конвента получил полное одобрение целого ряда парижских секций, правые термидорианцы в заседании 25 вандемьера провели архи-реакционный закон о народных обществах, повлиявший самым роковым образом на судьбы якобинского клуба. Закон этот, в основном, воспроизводил постановления, содержащиеся в законе Учредительного собрания от 9 октября 1791 г. Он запрещал какую бы то ни было аффилиацию, федерацию, а также всякую корреспонденцию между отдельными народными обществами. Он запрещал также принятие, от имени обществ, всяких адресов и петиций. Списки членов народных обществ должны были быть сообщены окружным и коммунальным национальным агентам.

Характерно, что в горячей дискуссии, предшествовавшей принятию этого декрета, не выступили ни Бийо-Варенн, ни Колло д'Эрбуа, ни Барер, ни Дюгэм. Точку зрения якобинцев отражали Крассу, Дю-Барран и Ромм. Правые термидорианцы подавили левую одним количеством выставленных ими ораторов.

Якобинцы отбивались вяло и как-то неуверенно. Крассу ссылаясь на неприкосновенность права петиций, Дю-Барран — на заслуги народных обществ перед революцией. Нужно отметить, что правые термидорианцы все же подчеркивали, что речь идет не об уничтожении обществ, а о некоторой их реформе. Первая статья декрета принята была под аплодисменты. На самом же деле декрет 25 вандемьера означал смертный приговор народным обществам. Разрозненные, разьединенные, они обречены были на жалкое, призрачное существование. Великолепное оружие революционного порядка управления разбито было вдребезги.

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

IV

Разрушая революционные учреждения, правые возобновили кампанию против отдельных деятелей павшей диктатуры. Очередной их жертвой намечен был Каррье. Внешний толчок к травле Каррье дал начавшийся 22 фруктидора процесс 94 граждан города Нанта, обвинявшихся в «федерализме». Подсудимые, в свою очередь, выступили с рядом обвинений по адресу членов нантского революционного комитета, арестованных за всякие хищения незадолго до 9 термидора. Члены комитета, фигурировавшие на суде в качестве свидетелей, назвали имя Каррье, как лица, непосредственно руководившего их политической деятельностью. В результате подсудимые были оправданы, и это дало возможность правым начать свои выпады против Каррье. Первым выступил, в заседании от 24 фруктидора, Мерлен из Тионвиля. Мерлен обвинил Каррье в том, что он провоцировал, незадолго до 9 термидора, арест Реаля, с тем чтобы лишить его возможности выступить защитником обвиненных нантских граждан.

С начала Вандемьера началась брошюрная и газетная кампания против Каррье. Ее открыл право-термидорианский публицист Мэз, выпустивший 7 вандемьера брошюру, озаглавленную «Нояды или Каррье в революционном трибунале». Брошюра эта, по отзыву «Республиканского Курьера», «произвела самое сенсационное впечатление».⁹⁶ На следующий же день в Конvente, при обсуждении положения в Западных департаментах, возобновилась атака на Каррье. Характерно, что в этот момент правые термидорианцы готовы были принять сторону вандейцев против Каррье. Мерлен (из Тионвиля) заявил, что в Вандею стекаются люди, опасующиеся «восстановления царства Робеспьера», и что вандейские волнения, сами по себе, не представляют никакой опасности для «дела свободы». Карно подчеркнул два пути, которым можно следовать, ставя своей задачей умиротворение Вандеи. Один путь огня и железа, другой — милосердия. «Этот путь — продолжал Карно, — и был моим!» Карно подпевал Бийо-Варенн, пытавшийся свалить всю ответственность за вандейскую политику на Робеспьера. В конце концов Конвент декретировал арест генералов Тюрро и Карпантье. Арест Тюрро вотирован был по инициативе Бийо-Варенна.

Вокруг Каррье начала образовываться зловеющая пустота. Особенно печальным было для него, что даже ближайшие его друзья и единомышленники не имели мужества возвысить голос в его защиту. 22 вандемьера Мерлен из Тионвиля вновь поднял вопрос о «последователях Нерона». Конвент постановил арестовать генерала Лефевра, повинного, якобы, в организации «Нояд» (массовых утоплений), капитана Массе и четырех солдат, исполнителей приказов Лефевра. По предложению Дюмона, решено было также начать процесс членов Нантского революционного Комитета.

Процесс действительно начался 25 фруктидора и главные обвиняемые тотчас же начали попытки переложить на Каррье ответственность за осуществление на практике террористического режима. «Пусть появится, — говорил 1 брюмера подсудимый Гулэн, — перед судом трибунала человек, возбуждавший наши головы, руководивший нашими действиями, насилувавший наши убеждения, направлявший наши шаги, пусть появится Каррье!.. пусть он оправдает своих несчастных агентов или же пусть он проявит мужество и один примет на себя всю вину».⁹⁷

Так был дан правым термидорианцам повод официально вмешаться в процесс. Трибунал направил заявление Гулэна в Комитет общей безопасности. Надлежало только установить процедуру допроса и следствия. Этим Конвент занялся 24 вандемьера. Было выдвинуто несколько предложений и, в конце концов, решено передать вопрос на рассмотрение комитетов. Знаменательно, что в этом же заседании один из депутатов, не названный по имени в «Мониторе», предложил освободить и восстановить в правах всех членов Конвента, арестованных до 9 термидора. Предложение это, правда, не прошло, но самая возможность подобного выступления лучше всего показывает успехи, сделанные за это время реакцией.

Дискуссия возобновилась 2 брюмера, когда от имени Комитета внесен был проект, по которому всякий донос против членов Конвента должен был быть рассмотрен первоначально комитетом, а затем передан на суждение особой комиссии, члены которой должны были избираться посредством жеребьевки. По докладу комиссии Конвент должен был затем определить вопрос о виновности обвиняемого, с тем, чтобы в случае утвердительного ответа дальнейшая его участь решалась революционным трибуналом. Такой порядок создавал для термидорианской правой легализованный инструмент, с помощью которого она собиралась уничтожить своих врагов.

Первым должен был пасть Каррье. Проект, внесенный 2 брюмера, был окончательно утвержден только 8 числа. В ходе дискуссии левые вели себя по-прежнему вяло и пассивно. Дюгэм резонно указал 6 брюмера, что ни один из депутатов, побывавших в миссии, не будет пощажен доносчиками, однако вся его аргументация призвана была защитить проект комитетов, дававший, по мнению Дюгэма, достаточно гарантии обвиненным депутатам. Также бледно выступал Ромм. Перечитывая конвентские прения, чувствуешь, что левые потеряли трибуну. Их должно было подавлять болото, еще вчера безмолвное, трепещущее, безвластное — болото, теперь всячески выражающее свою активную враждебность по адресу Горы.

Тотчас после утверждения проекта Клезель, от имени комитетов, предложил назначить комиссию для расследования дела Каррье. Члены комиссии, в числе 21, были избраны в тот же вечер. Среди них оказался, между прочим, и Ромм. Ничто так не подтверждает нашего представления о растерянности и бесхребетности якобинской политики, как роль, сыгранная во всем этом деле Роммом. Мелко-буржуазная историография а la Claretie, воссоздавшая героические образы «последних монтаньяров», предпочитает обходить молчанием это щекотливое обстоятельство. Конечно, ошибка Ромма не была его личной ошибкой. Но факт остается фактом. Ромм, выступивший 21 брюмера с докладом от имени комиссии 21 стал несомненным орудием право-термидорианской провокации. В докладе Ромма бросается в глаза социальная мотивация, в силу которой комиссия сочла нужным подтвердить направленные против Каррье обвинения. «Каррье угрожал арестовать и расстрелять всех торговцев и негоциантов. Он с трибуны народного общества декламировал против богатых, проповедывал проскрипцию и раздел их имущества между своими сателлитами. Он хотел восстановить народ против купцов. Он приказал арестовать всех маклеров, посредников, продавцов, покупателей и покупщиков...»

Одним словом, Каррье проводил, несомненно уклоняясь в эбертизм, политику, всем своим острием направленную против купеческой буржуазии, экономически господствовавшей в Нанте. В этом и была главная его вина. Обвинения же во всевозможных эксцессах, в устройстве оргий, в насилиях над женщинами шиты были белыми нитками. Это признал и сам докладчик Ромм, начавший очевидно понимать, какую неприглядную роль играет он во всей этой истории. По его словам, комиссия не имела возможности разобраться в обвинительном материале. На этой фразе он был прерван шумом в зале. Боден заявил, что Ромм один из всей комиссии оспаривал

подлинность документов, поступивших в ее распоряжение. Интервенция Ромма запоздала. Под аплодисменты и крики «да здравствует Республика!», Конвент декретировал арест Каррье.

V

Личная драма Каррье, в брюмере III года республики, тесно переплелась с трагедией политического представительства мелкой буржуазии. Наступили сумерки богов. Преследуемые на улицах, избиваемые золотой молодежью, оплеванные и облитые помоями на страницах брошюр и журналов, эпигоны славной Горы доживали последние свои дни.

Якобинский клуб, после принятия нового закона о народных обществах, стал трупом, но и в таком виде он тормозил быстрый, поступательный марш реакции. Поэтому его и надо было устранить с пути термидорианской Франции. Сделать это было тем более легко, что якобинское руководство растерялось и допустило ряд крупных тактических ошибок. Декрет 25 вандемьера, о народных обществах, воспринят был совершенно пассивно. В вечернем заседании Клуба, имевшем место в самый день принятия декрета, Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа объяснили свое молчание в Конвенте тем, что, будучи много раз оклеветанными и обвиненными, они боялись своим выступлением испортить дело. Крассу пытался даже защищать принятый Конвентом закон, утверждая, «что он неминуемо придаст народным обществам новую крепость».⁹⁸ Даже Гужон признал, «что декрет более благоприятен для народных обществ, чем это можно было предположить».⁹⁹

На следующий день Левассер прочел в Клубе текст нового закона. В оцепенелом зале воцарилось полное молчание. У многих проступили на глазах слезы. Однако, одними слезами нельзя было помочь делу. Люди XVIII века, даже революционеры, плакали охотно и обильно по самым разным поводам. Здесь же психическую угнетенность усилили крупнейшие ошибки тактического порядка. Прежде всего нужно отметить, что в якобинском руководстве имелись две разнородные группировки. Одна обнимала Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и бывших членов правительственных комитетов. К другой принадлежали Дюгэм, Ромм, Гужон, Файо, Левассер и вся группа будущих жертв прериала. Наличие этих двух течений засвидетельствовано в мемуарах Левассера. Первое представляет собою левых термидорианцев, в точном смысле этого слова. Второе также примыкает к термидорианской левой, но имеет более робеспьеристский, классически-якобинский оттенок.¹⁰⁰ Бийо и его друзья были непосредственными участниками 9 термидора. В противоположность им группа Дюгэма и Левассера состояла из людей, афишировавших, правда, в свое время, сочувствие термидоровскому перевороту, но не принимавших в нем никакого активного участия. Мы имеем здесь дело с дифференциацией, отразившей социальную пестроту того разносоставного слоя, каким являлась французская мелкая буржуазия на исходе XVIII века.

«Нас побудило сблизиться несчастье, — пишет в своих мемуарах Левассер, — каковы бы ни были ошибки бывших членов революционного правительства, они все же навсегда были связаны с делом республики... Быть может, это и была, с нашей стороны, серьезная ошибка».¹⁰¹ Посредником между двумя фракциями выступил Лежен. По уверению Левассера, голоса Бийо, Колло и Барера потеряли всю свою прежнюю силу. Хуже было то, что полное единство в тактике осталось недостижимым. В деле Каррье Ромм сыграл двусмысленную роль, Дюгэм выступал вяло и неохотно. Все ограничилось довольно жидкой ораторской манифестацией в заседании Клуба 13 брюмера. Крассу, указывая на политическую важность процесса, подчеркнул вместе с тем, что только шуаны могут изображать дело так, что народ восстанет, если Каррье не будет оправдан. При этих словах на трибунах раздались крики: «нет, нет, мы не хотим восставить».¹⁰² Образная и сильная речь Бийо-Варенна, в которой он говорил о спящем льве, который должен проснуться и поглотить своих врагов, имела своим практическим результатом только то, что на следующий же день, 16 брюмера, в Конвенте правые повели планомерную атаку на клуб.

Так, Бентаболь обвинил якобинцев в том, что они призывают к возмущению, к бунту. При этом он зачел отрывок из речи, произнесенной накануне Бийо-Варенном. «Против кого же хотят они восстать? очевидно, что только против Конвента». Заседание выдалось очень бурное. Бийо протестовал против утверждений Бентаболя. «Никто не сможет

отрицать, — заявил он, — что протезировали контр-революционерам и поражали тех, кто служил революции». Припертый к стене Тальеном, он заявил с места, что никогда не одобрял политики Каррье. Лежандр аттестовал якобинцев как политических корсаров, а Клозель среди внезапно наступившей тишины заявил, что по сведениям, полученным в Комитете общей безопасности, якобинцами руководит эмигрантский Комитет в Швейцарии.

Когда 16 брюмера депутация якобинцев явилась в Конвент, чтобы там протестовать против неслыханной клеветы Клозеля, то встречена она была в высшей степени неприветливо. Клозель повторил свое обвинение в призывах к восстанию. Мора, говорившего о чистоте намерений, руководивших якобинцами, встретили ропотом. В конце концов, по предложению Ревбея, декретирован был простой переход к очередным делам.

Через несколько дней после этого, 19 брюмера, последовала атака «золотой молодежи» Фрерона на якобинский клуб. Выходы и входы в помещения заняты были Фрероновскими молодцами, вооруженными дубинками. Раздались возгласы: «Долой якобинцев!» Град камней посыпался в двери и окна. В этот момент в самом клубе разыгрались мелодраматические сцены. Один из членов клуба поднял пику, украшенную красным колпаком. Крики «Да здравствует Республика! Да здравствует Конвент!» смешивались со звоном разбиваемых стекол. Наконец, банда была рассеяна с помощью подоспевшей вооруженной силы. Заседание закончилось призывом и увещанием к спокойствию. «Не забудем, — так звучали заключительные слова Приера (из деп. Марны), — что Конвент остается пунктом объединения».¹⁰³

Надежды на Конвент, при сложившейся обстановке, были более чем наивны. Реакционная печать постаралась изобразить погром 19 брюмера как народное, анти-якобинское движение. Что касается правых термидорианцев, то они сейчас же использовали события для постановки вопроса о клубе во всей его принципиальной широте. Дебаты начались 20 брюмера с выступления Дюгэма. Дюгэм указал на контр-революционный характер анти-якобинской манифестации. Особенно жаловался он на бездействие и даже попустительство, оказанное властями. Его поддержал депутат Дюруа, будущая жертва прериала. Он оказался случайным свидетелем дебоша на улице Онорэ. Завсегдатаи Пале-Рояля забрасывали грязью и камнями выходивших из помещения клуба и грубо оскорбляли женщин. Патрули циркулировали около клуба, не вмешиваясь в происходившее побоище. Дюруа неоднократно прерывали всякими возгласами с мест. Его сменил Ревбель, произнесший резкую речь против якобинцев. «Уже в течение некоторого времени, — говорил Ревбель, — люди, подкупленные фракцией, замешивались в уличные сборища и там агитировали против Конвента, желая узнать настроения публики. Первый день им это удалось, но на следующий же день у народа открылись глаза и бывшие были сами побиты». По Ревбелю дело выходило так, что возмущенный народ сам преследовал якобинцев. Неоднократно прерываемый Рюампом и Дюгэмом, он все же дочел свою речь до конца и в заключение предложил на время прервать заседания якобинского клуба. Версию, предложенную Ревбеллем, поддержал его будущий коллега по Директории Летурнер.

Дюгэм вторично взял слово и попытался восстановить истинную картину происшествий. Он рассказал о том, как ему в лицо брошен был камень. Любопытно отметить, что Дюгэм поставил выступление «молодцов» из Пале-Рояля и с улицы Вивиен в связь с декретом о снятии секвестра с имуществ иностранцев, обсуждавшимся в утреннем заседании 19 брюмера. Декрет этот, по его мнению, угрожал благополучию спекулянтов, участников ажиотажа.

В конце концов, собрание постановило передать все дело на рассмотрение правительственных комитетов.

Участь якобинского клуба была решена. Еще на следующий день депутация секции Друзей отечества попыталась замолвить перед Конвентом слово в пользу якобинцев. Петицию секции зачитывали два раза при общем шуме и возбуждении. Но ее не стали обсуждать и прямо перешли к заслушанию известного нам доклада Ромма о деле Каррье.

В тот же вечер, 21 брюмера, состоялось последнее заседание якобинского клуба. Оно открылось пением революционного гимна: «Veillons au salut de l'empire». Почти тотчас же у дверей клуба возобновилась свалка. Заседание, начавшееся в возбужденной

нервной атмосфере, было крайне непродолжительным. Монестье предложил якобинцам разойтись и с доверием отнестись к предстоящему решению комитетов. Собрание было закрыто под возгласы: «Да здравствует Республика! Да здравствует Конвент!»¹⁰⁴

Якобинцам не суждено уже было собраться еще раз. 22 брюмера Конвент, по предложению, внесенному от имени комитетов депутатом Леньело, декретировал немедленный роспуск клуба, закрытие помещения и передачу ключей секретарю Комитета общей безопасности. Кратенькое сообщение Леньело сопровождалось аплодисментами и криками «браво!».

Ликвидация якобинцев прошла при полной пассивности народных масс. Полицейские рапорты отмечают спокойствие и порядок, царившие в Париже в эти критические для якобинцев дни.

VI

Закрытие якобинского клуба, тем не менее, является крупнейшим переломным пунктом в развитии термидорианской реакции. Мы определили уже первый период реакции как эпоху, когда главными антагонистами выступали «нувориши», новая спекулянтская буржуазия, представленная правыми термидорианцами, и мелкая буржуазия, возглавляемая Горой. С закрытием клуба один из антагонистов безвозвратно уходит со сцены. Социологическое содержание первого периода исчерпано. То, что следует за днем 22 брюмера, является эпилогом, концовкой. Существенно важно отметить, что мелкая буржуазия отказывается в дальнейшем от изолированных выступлений, что она ищет союзника в рабочем классе и что поиски эти начинаются чуть ли не на следующий день после ликвидации клуба.

Термидорианские газеты от 24 брюмера полны рассказов о попытках только что распущенных якобинцев поднять волнение или даже восстание в рабочих предместьях и в частности в Сент-Антуанском предместьи. «Они пытались, собраться, — пишет газета «Vedette», — и были рассеяны».¹⁰⁵ «Республиканский курьер» сообщает о сборище якобинцев в помещении бывшей церкви Кэнз-Вен в Антуанском квартале. Об этом же более пространно докладывал Конвенту, 25 брюмера, Арман (из деп. Мезы). По его словам, в заседании народного общества Кэнз-Вэн явились «неизвестные, называвшие себя якобинцами и членами электорального клуба». Они обратились к «доблестным гражданам Антуанского предместья», с просьбой принять их в свое число. «Перед вами — говорили они — несчастные и преследуемые якобинцы». Они позволили себе ряд выпадов против Конвента, но, в конечном счете, успеха у собравшихся не имели. По словам Армана, собрание своим презрительным молчанием показало, что сообщники Робеспьера не могут рассчитывать на сочувствие разрушителей Бастилии и трона. Комитеты расследовали дело и предписали арест главных смутьянов, неких Трувиля и Тиссо.

Сообщение Армана дало повод Тальену поставить вопрос о продовольственном положении Парижа и о торговле. «Народ, работающий в мастерских и мануфактурах, за нас — заявил Тальен. Такую же оценку событиям дал и Фрерон в № 32 своего «Народного оратора». «Доблестные и трудолюбивые обитатели предместья — по его словам — с негодованием отнеслись к тому, что преступление и восстание рассчитывали найти в них покровителей».¹⁰⁶

Еще более красочно расписал неудачу якобинцев Бабеф в своей брошюре «Путешествие якобинцев в четыре части света».¹⁰⁷ «Санкюлоты Антуанского предместья» не захотели их даже слушать. «Рассуждайте разумно, — заявили они, — ваш жаргон нам не известен. Это язык варваров. А этого языка мы не понимаем!» Бабеф опровергает дальше сообщение газет о появлении якобинцев на заседаниях электорального клуба. Это ложь, изобретенная теми, кто хочет скомпрометировать народные общества.

Прав или не прав Бабеф, но на лицо имеется несомненная попытка якобинцев расширить свою социальную базу. Сам Бабеф еще не дозрел до мысли о необходимости блока с якобинцами. Тем не менее и он отмечает с известным удовлетворением конвентское выступление Барера и Одуена в заседаниях от 24 брюмера. Выступления эти знаменовали несомненную попытку части якобинского руководства перейти к новой тактике. Барер поставил вопрос о подготовке перехода к конституционному правительству, к введению на практике конституции 1793 г. Предложение это означало разрыв с платформой революционного правительства и решительный шаг налево, в

направлении программных лозунгов электорального клуба.

Таким образом, в событиях последних дней брюмера уже проступают контуры новых политических лозунгов и нового соотношения классовых сил. С другой стороны, этому накопчиванию сил мелко-буржуазного и пролетарского лагеря соответствует быстрая консолидация всех элементов буржуазной реакции. Подробный рассказ об отдельных этапах этой реакции не входит в задачи нашего исследования.

Ограничимся поэтому только приведением самых необходимых хронологических дат.

VII

Для характеристики роста реакции в течение фримера и нивоза важны два факта. Это процесс и казнь Каррье и возвращение жирондистов.

Мученический путь Каррье начался 3 фримера, в тот день, когда Конвент, после продолжительной и мужественной защиты Каррье, признал его виновным в совершении ряда тяжких преступлений. Процедура обвинительного вотума совершилась посредством поименного голосования. Стоит упомянуть о том, что вожди Горы позорно предали своего товарища. Дюгэм голосовал за обвинительный приговор. Правда, он, мотивируя свой вотум, указал Конвенту на Тальена и Фрерона как на вождей «диктаторской фракции». Но этот выпад не мог изменить основного, политического смысла принятого им решения. Примеру Дюгэма последовали Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенн, Ромм, Файо, Мор, Левассер (из деп. Сарты), Линдэ, Камбон, Бурботт, Дюкенуа, Дюруа, Субрани и др. будущие жертвы прериала, все, за исключением отсутствовавшего Гужона, голосовали за приговор. Из 500 голосовавших 498 высказались безоговорочно в пользу обвинения, двое с оговорками.

Каррье тотчас же предстал перед революционным трибуналом, разбиравшим дело членов Нантского революционного Комитета. 26 фримера Каррье, вместе с двумя членами Комитета, Пинаром и Гранмэзоном, приговорен был к смертной казни.¹⁰⁸ Приговор был приведен в исполнение на следующий же день. Голова Каррье покатила на эшафот под улюлюканье уличных зевак и крики «Да здравствует Республика!»

Позорное отступничество и малодушие, проявленное Дюгэмом, Роммом и их единомышленниками, не спасло их от повторных обвинений в сообщничестве с казненным Каррье. Дюгэм дошел до того, что после оглашения результатов поименного голосования предложил довести о них до сведения армии, чтобы та «знала, из каких достойных людей состоит национальное представительство». Тем не менее, он продолжал оставаться мишенью термидорианских публицистов. Так напр., Баралер выпустил памфлет под заглавием: «Великий гнев доктора Дюгэма, не сумевшего спасти своего друга Каррье...»¹⁰⁹

Не менее резко о Дюгэме отзывался Бабеф в своем памфлете «Хотят спасти Каррье...», вышедшем в свет около 17 брюмера.¹¹⁰

«Свирепый Дюгэм, ты дал санкцию чудовищным опустошениям, ты оправдывал убийц, уничтоживших одну четверть всего населения Франции, человек с душой варвара, ты молчал об этом также, как они. Жестокосердые! Где только республиканцы выискали таких представителей, как вы. Какой злой гений привел их к палачам вместо того, чтобы указать людей, умудренных опытом».¹¹¹ По мнению Бабефа, план сообщников Каррье состоит в том, чтобы запугать трибунал и принудить его оправдать «западного палача», под предлогом, что содеянные им зверства нужны были для спасения родины. Не довольствуясь перспективами простой казни для Каррье, Бабеф считает, что она должна быть особо мучительной. «Все требуют смерти Каррье, она цель всеобщих желаний, она необходима для спасения Республики... быть может, в соответствии с положениями философии и политики будет правильно потребовать особого рода казнь для этого чудовища, для этого врага человеческого рода... Нет, для таких вырожденков недостаточно одного удара гильотины. Тени их жертв восстанут против столь незначительного жертвоприношения...!»¹¹²

К темам, связанным с делом Каррье, Бабеф вернулся в брошюре «Жизнь и преступление Каррье», появившейся не раньше самого конца фримера. В этой брошюре воспроизведены обычные нападки на Каррье и на весь террористический режим, сдобренные сенсационными разоблачениями, заимствованными из Вилатовских памфлетов.¹¹³

Казнь Каррье была несомненно зловещим признаком роста реакции. Но еще более показательным и политически важным было другое событие — возвращение жирондистов. Вопрос о восстановлении в правах изгнанных из Конвента, жирондистских депутатов поставлен был, как мы уже знаем, впервые 29 вандемьера. Речь шла о 67 депутатах, подписавших протест против революции 31 мая 1793 г. и находившихся ко дню 9 термидора в тюремном заключении. Первая попытка арестованных депутатов обратить на себя внимание относится к самому началу, вандемьера, когда они выступили с открытым письмом к членам Конвента и ко всему французскому народу. 22 вандемьера Конвент поручил своим комитетам представить, в кратчайший срок, доклад по этому делу. Термидорианская правая впрочем не очень спешила пойти навстречу просьбам и жалобам заключенных жирондистов. Речь ведь шла о радикальнейшей переоценке ценностей, о ломке прочно установившейся революционной традиции, считавшей 31 мая днем спасения Республики.

Не надо, кроме того, забывать, что правые термидорианцы и жирондисты представляли интересы двух существенно отличных групп крупной буржуазии. Правые термидорианцы были представителями нуворишей, только что вылупившихся из скорлупы спекуляции хищений, ажиотажа и казнокрадства. Жирондисты оставались связанными со старой, солидной, торговой, по преимуществу, буржуазией, потерпевшей немаловажный материальный ущерб в годы революции. Речь шла и о том, чтобы приобщить эту старую буржуазию к власти и противопоставить наметившемуся блоку якобинцев и электоральцев консолидацию всех сил буржуазной реакции.

В ходе дебатов 1 брюмера и выявились колебания, охватившие значительную часть термидорианцев. «Конвент утвердил революцию 31 мая, — заявил Тальен, — он вредил праздник в ее честь, нужно, чтобы это постановление исполнялось». Положение чрезвычайно запутал Камбон, попытавшийся скомпрометировать правых, намекая на связи их с дантонистами и изображая самый день 31 мая как результаты комплота между Робеспьером, Дантоном и Пашем. Начало террористической системы положено было еще в эпоху Законодательного Собрания, когда Тальен, от имени Парижской Коммуны, заявил о предстоящем избиении арестованных священников. Так утверждал Камбон. Тальен возражал ему гневно и решительно. «Вы хотите, — бросил он левой, — перенести берега Луары на берега Сены!»

Обсуждение вопроса об экс-жирондистах отсрочено было, таким образом, свыше чем на полтора месяца. Время работало на жирондистов. Постепенно они один за другим выпущены были из тюрьмы. Ряд брошюр, принадлежавших перу Редерера, Эдм Пти, Баралера и др., подготовлял «общественное мнение» к этому неизбежному результату правой политики, окончательно усвоенной лидерами термидорианцев. Самое «возвращение» декретировано было самым будничным образом, 18 фримера, по докладу Мерлена (из Дуэ), без каких-либо прений, под аплодисменты и возгласы: «Да здравствует Конвент!» Первоначально предложенный список был тут же пополнен еще несколькими депутатами, в том числе знаменитым американцем Томасом Пэнном.

К моменту голосования декрета 18 фримера верхушка Горы парализована была возобновившимся нападением на бывших членов правительственных комитетов. 15 фримера, пользуясь вновь всплывшим на поверхность делом Бедуэнской Коммуны, сожженной по приказу члена Конвента Менье, Лежандр и Дюмон поставили вопрос об ответственности Барера и его товарищей за террористический режим в департаментах. «Граждане, — зывал Лежандр, — судите виновных! Иначе вас осудит потомство!»

Тут настало время Лекуантра взять реванш за свою фруктидоровскую неудачу. Он потребовал у Конвента рассмотрения собранных им материалов, и собрание поручило это дело трем комитетам.

Все это имело результатом то, что запуганные «комитетчики» и их друзья с верхушки Горы сохраняли в заседаниях полнейшее молчание. Молчали они и тогда, когда жирондисты, торжественно занявшие 19 фримера свои депутатские места, сделали вылазку с целью добиться восстановления полномочий своих коллег, объявленных вне закона, по декрету от 28 июля 1793 г. Мерлен (из Дуэ) предложил компромиссное решение, по которому депутаты, лишившиеся мандата, в силу этого декрета, избавлялись от каких-либо судебных преследований, но, вместе с тем, навсегда утрачивали свои депутатские полномочия. Жирондисты, новое правое крыло собрания,

подняли ужаснейший скандал. Председательствующий три раза прерывал заседание. «Неужели вы дадите злословию повод утверждать, что вы закрыли якобинский клуб только для того, чтобы открыть Тампль» — говорил Мерлен, намекая этим на монархические симпатии жиронды. В конце концов, Конвент утвердил предложение комитетов.

Как мы видим, термидорианцы, допуская жирондистов к власти, стремились обеспечить за собою гегемонию во вновь возникшем блоке крупнобуржуазных интересов.

Между тем Париж находился накануне нового взрыва классовой борьбы. Наступал новый период в развитии реакции, когда она должна была столкнуться вплотную с рабочим классом, пребывавшим до того времени в состоянии полнейшей летаргии.

То, что вывело его из этой летаргии, был продовольственный кризис, порожденный крутым поворотом в экономической политике, относящимся к самому концу 1794 года. Нам и надлежит теперь обратиться к внимательному изучению экономической стороны первых месяцев термидорианской реакции.

ГЛАВА 3. КОНЕЦ МАКСИМУМА

Центральным моментом всей экономической политики первых месяцев термидорианской реакции оставался вопрос о максимуме. Знаменитый закон 29 сентября 1793 г. сыграл громадную, положительную роль в судьбах буржуазной революции. Только благодаря максимуму, благодаря начаткам государственного регулирования народного хозяйства возможно было самое спасение французской революции от ее многочисленных, внешних и внутренних врагов. Принятый под прямым давлением рабочей массы и ее политических представителей «бешеных» товарный максимум, вопреки традиционно-отрицательной оценке, встречающейся у целого ряда историков,¹¹⁴ там, где он исполнялся, и поскольку он исполнялся, вполне отвечал задачам охраны потребительских интересов рабочего класса.¹¹⁵ Правда, саботаж максимума, в интересах торговой буржуазии и кулаков, получил самое широкое распространение еще в течение зимы 1793—1794 гг.¹¹⁶ Развязывание свободного товарооборота приводило к быстрому росту цен и делало предметы первой необходимости недоступными широким массам населения.¹¹⁷ Наметившийся с весны 1794 г. поворот в экономической политике якобинцев в сторону сближения с купеческим капиталом и с имущей верхушкой деревни привел к значительным отступлениям от принципов закона 29 сентября 1793 г. и тем самым форсировал распад системы максимальных цен.¹¹⁸

Экономическое положение городского и сельского пролетариата должно было ухудшиться еще и потому, что параллельно с переломом в политике якобинского руководства максимум заработной платы все чаще и чаще применялся как инструмент борьбы с экономическими требованиями рабочего класса. Террористическое законодательство, направленное против сельскохозяйственного пролетариата, увенчало эту линию якобинской политики, с весны 1794 года твердо ориентировавшейся на зажиточные слои городской и деревенской буржуазии.

Тем не менее, пока существовал максимум, эта политика, и до и после 9 термидора, не могла не оставаться сугубо компромиссной и половинчатой. Экономический кризис революции должен был больнее всего ударить по рабочему классу, по широким слоям городской бедноты. Худо ли, хорошо, но товарный максимум выполнял роль известной плотины против натиска спекулятивной горячки. Именно поэтому политическая стабилизация реакции должна была привести к отмене закона 29 сентября 1793 г.

Перейдем теперь к непосредственной теме настоящей главы, к изучению судеб максимума после 9 термидора. В основу нашего изложения положены будут рукописные источники и, в первую очередь, реестры центрального бюро по максимуму, хранящиеся в Нац. Архиве, в Париже, под шифрами Fiss и F12 и содержащие копии писем, рассылавшихся Центральным Бюро и Комиссией торговли местным муниципальным органам, народным обществам и агентам исполнительной власти. При этом обращении бюро резюмирует вкратце местные донесения, что и дает возможность восстановить их содержание.

Попытаемся теперь дать краткий обзор этой переписки, выделив несколько стержневых вопросов, вокруг которых можно будет сгруппировать наш материал. По месту, занимаемому в переписке, преобладающую роль играют постоянные жалобы на неисполнение максимума. Они следуют, одна за другой; утомительно однообразной вереницей проходят эгоисты, Скупцы, плохие граждане, дурные и нерадивые администраторы. Подчас жалобы эти носят совершенно общий, даже отвлеченный характер. Так, округ Лонжэ (Longeais) просто жалуется на то, что максимум не исполняется «ни купцами, ни рабочими».¹¹⁹ Иногда однако агенты стремятся дать и более точное представление о тех слоях и группах населения, которые, по их мнению, являются зачинщиками срыва максимума. Так в жалобе национального агента округа Тоннер (Tonnerre) фигурируют трактирщики, отказывающиеся продавать по ценам максимума, и купцы, отговаривающиеся тем, что у них не осталось товара.

В то же время администраторы сетуют на фабрикантов мыла, закупающих по деревням жиры по ценам, превышающим ставки максимума.

Средства к уклонению от исполнения закона вообще очень разнообразны. Вот, например в округе де л'Эгль (de l'Aigle) торговцы кожей придумали новую, сложную номенклатуру для отдельных сортов кожи. И все это с той целью, чтобы изъять эти новые сорта из-под действия обнародованных уже ставок максимума. В других случаях меняется не только номенклатура товаров, но и самый характер производства. Полотняная фабрика в округе Мауеппе, как выясняется из письма Комиссии к агенту, от 22 брюмера, «использует всех почти своих рабочих для выделки платков»,¹²⁰ или, иначе говоря, товара, не подверженного таксации. Комиссия предлагает агенту принять меры к восстановлению прежнего производства, туманно указывая на неуклонное стремление властей выработать справедливые ставки для фабрикуемых полотен.

Однако, все же, гораздо чаще, чем торговцы и фабриканты, фигурируют в качестве нарушителей закона зажиточные земледельцы — les cultivateurs. Циркуляр комиссии от 8 фруктидора, обращенный к агентам округов d'Evreux, Pontaudemer, Bernay, Louviers, Andelys и Verneuil, констатирует ряд нарушений максимума при продаже шерсти. В округе Lusignan земледельцы прекратили снабжение рынков маслом, сыром, яйцами, они предпочитают сами потреблять эти продукты или вывозят их в соседние округа, где еще не опубликованы ставки максимума. Администраторы округа жалуются на то, что «голодовка является результатом алчности, проявленной жителями деревни... которые занимаются тайной продажей своих продуктов скупщикам».¹²¹ А комиссия предлагает им принять все меры для прекращения всяких тайных сделок, направленных к тому, «чтобы удовлетворить чувственность богатого и лишить неимущего самых необходимых припасов».¹²²

Совершенно аналогичные заявления поступают из северо-западных департаментов. В Лилле ведется «постыдная торговля семенами (graines grasses) и растительными маслами. 10 термидора администраторы Аррасского округа жалуются на «секретные маневры», предпринимаемые в деревнях с целью подорвать снабжение аррасских рынков. 9 термидора национальный агент округа Sauveterre доносит о полнейшей безрезультатности всех его попыток наладить снабжение рынков продовольственными припасами. Попытки эти разбиваются о стену «алчности и злонамеренности». 13 термидора агент округа Beaugency жалуется на то, что максимум не исполняется в Орлеане. 30 мессидора помечено донесение агента округа Falaise о том, «земледельцы отказываются снабжать рынки маслом и яйцами»¹²³ по ценам максимума. 24 термидора наступает очередь администраторов Ла Рошели. Они указывают на то, что максимум совершенно не, выполняется, жители угоняют свой скот в соседние округа и там продают его по ценам, значительно превышающим ставки максимума

То, что бросалось в глаза всем администраторам, это «искусственное», как они выражались, происхождение кризиса. Урожай 1794 г. был очень хорош. Хлеба собрали вдоволь. «Наш долг — говорил Кутон в заседании Конвента от 2 мессидора — сообщить Конвенту, что никогда еще Франция не обладала такими богатствами, никогда земля не была так плодоносна, никогда трудолюбивые и чистые руки не приготавливали такого изобилия, никогда не обрабатывалось и не засеивалось столько земли в течение одного года. Таково положение во всей почти Франции за исключением нескольких округов, где урожай побит градом ...»

Что это не был простой казенный оптимизм, доказывается целым рядом показаний и, в частности, компетентными свидетельствами конвентских комиссаров. Маллармэ, посланный в департамент La Meuse et la Moselle, рассказывает в одном из своих донесений о полах, пугавших крестьян перспективами полнейшего бесплодия их полей. «Случилось обратное, — пишет Маллармэ, — потому что никогда еще земля, покрытая ростками зеленеющей надежды, не обещала таких сокровищ».¹²⁴

На фоне пышного, обильного урожая особенно резко выделялся острейший продовольственный зажим, наметившийся в целом ряде округов к концу лета 1794 г. Донесение из Mans от 17 мессидора утверждает, что город Mans и большие коммуны находятся в состоянии голодовки, «несмотря на исключительно удачный урожай». Земледельцы отказываются привозить хлеб на рынки, где он продается по максимальным ценам. Саботаж кулацкой верхушки, сосредоточившей у себя основную массу всей хлебной продукции, приводит к образованию нелегального рынка, где сделки между продавцами и покупателями происходят в совершеннейшей тайне. «Продавцы и покупатели действуют согласованно, так что не могут возникнуть никакие доносы»,¹²⁵ констатирует агент округа de Moulins в письме от 12 фруктидора. В результате, граждане, соблюдающие максимум, лишены всего».¹²⁶

Такой же искусственный характер носит голодовка и в других округах Республики. В целом ряде документов подчеркивается, что нуждаются именно мало обеспеченные, неимущие слои населения. «В твоём округе, — пишет комиссия национальному агенту в Sancerre, — ежедневные нарушения закона о максимуме приводят к тому, что богач, снабженный всем необходимым, проявляет себя тираном по отношению к народу, заставляя его платить втридорога за продукты, в которых он нуждается».¹²⁷ Почти в тех же выражениях описано положение в округе d'Argenton. И здесь «бедные граждане в полной нужде. На рынках совершенно нет хлеба», и этот столь необходимый продукт продается по ценам, значительно превышающим ставки максимума. Его покупают граждане, достаточно богатые для этого, или же бедняки, подгоняемые безвыходной нуждой».¹²⁸

То, обо что действительно разбивались все попытки местных властей — это тайные сделки, продажа хлеба по вольным ценам, в которой одинаково были заинтересованы и продавцы и покупатели. На такие сделки действительно некому было донести. «Меры предосторожности, принимаемые и продавцами и покупателями, — сообщает агент округа Brutusle Magnanime, — делают невозможным наказание нарушителей закона».¹²⁹ Целый ряд, других донесений содержит аналогичные жалобы на «мистерии» нелегального рынка. Этот молчаливый сговор легко объяснить, если учесть, что нарушители закона принадлежали к одной и той же классовой группировке, заинтересованной в скорейшей ликвидации максимума.

Все факты, с которыми мы до сих пор оперировали, совершенно типичны и излагаются они почти стереотипно. Картина срыва максимума установлена была еще в труде Тарле. Нам важно отметить другое. Закон нарушался и саботировался и при Робеспьере. Казалось бы, переворот 9 термидора должен был повлечь за собой крутой перелом, вызвать немедленную отмену закона 29 сентября, парализовать все усилия властей, направленные к проведению максимума. На самом же деле подобная гипотеза меньше всего отвечала бы действительному положению вещей. День 9 термидора совершенно не отразился на практической линии центральных и местных властей. И до и после 9 термидора закон исполнялся скверно. С другой стороны и до и после 9 термидора центральные и местные власти прилагали все старания к тому, чтобы заставить население соблюдать максимум. Не может быть и речи о том, что закон 29 сентября вдруг стал одинаково «не мил» представителям всех общественных классов и что после падения Робеспьера у него сразу же не осталось ни одного сторонника, ни одного защитника.

В наших документах встречается достаточно указаний на то, что Комиссия торговли довольно отчетливо представляла себе классовое значение максимума, как мероприятия, направленного, прежде всего, на улучшение экономического положения беднейших, неимущих слоев населения. К требованиям рабочих Комиссия стремится отнестись с максимальной доброжелательностью. Так, например, рабочие, занятые в государственных магазинах округа Франсиады, протестовали против снижения

заработной платы, произведенного на основе, постановления Комитета общественного спасения от 13 прериаля. В ответ на этот протест Комиссия предлагает агентам по экипированию представить свои соображения, для того, чтобы возбудить перед комитетом ходатайство о распространении на Франсиаду парижских ставок и этим поддержать «требования этой интересной части общества».¹³⁰

При случае Комиссия подчеркивает политическую важность рабочего вопроса. Так, 28 мессидора Комитет утвердил к исполнению тариф оплаты рабочих, занятых в строительстве и ремонте портов, мостов и набережных. Отправляя 8 фруктидора 25 экземпляров этого тарифа парижскому агенту снабжений (Agence provisoire des subsistances de la Commune de Paris), Комиссия в препроводительном письме указывала на то, что дело идет о поддержании порядка и общественного спокойствия. «Мы уделяли серьезное внимание защите интересов рабочего и пытались привести заработную плату в соответствие с характером его труда и стоимостью продуктов питания».¹³¹

Через целый ряд документов красной нитью проходит мысль о том, что от соблюдения максимума зависит материальное положение малоимущих слоев населения. Убеждая агента округа Louhans принять все меры к исполнению закона, Комиссия указывает, что в противном случае «неимущий класс, — эта самая интересная часть общества, — окажется лишенным всех тех преимуществ, которые предоставлены ему законом».¹³² Еще более точное указание мы находим в письме Комиссии к агенту округа d'Ormont от 16 фруктидора. Комиссия хвалит агента за его рвение, за то, что он стойко отстаивает интересы граждан и «в особенности малоимущих (les moins fortunés), которых благодетельный закон о максимуме хочет избавить от происков эгоизма, алчности и зложелательства».¹³³

Такую же мысль можно найти в обращении к агенту округа Bazas от 24 брюмера. Комиссия выражает надежду, что принятие агентом мер приведет к самому решительному действию «на неимущий класс народа, который слишком долго осуждался алчностью на самые жестокие лишения».¹³⁴

В письме к администраторам департамента Кальвадос Комиссия подчеркивает отчаянное положение «малоимущих классов», с трудом добывающих себе необходимое пропитание.¹³⁵ Комиссия занята, гласит дальше письмо, установлением правильного соотношения между стоимостью продуктов и заработной платой. Более того, в обращении к народному обществу кантона Soucy Комиссия прямо говорит о неимущем классе населения, «несущем на себе все тягости революции».¹³⁶ Именно этот класс и является жертвой многочисленных нарушений закона. «Неимущий класс, — читаем мы в другом документе, а именно в письме к нац. агенту округа Davallon, — не имеет средств к существованию, именно поэтому он нуждается в особом покровительстве закона».¹³⁷

Местные власти, по мнению Комиссии, должны в первую очередь заботиться о снабжении беднейших, неимущих слоев. «Помни, — читаем мы в обращении к агенту округа St.Dizier, — что продовольствование значительной части населения находится всецело в твоих руках».¹³⁸ Образование нелегального рынка приводит к срыву максимума и к быстрому исчезновению предметов первой необходимости. От этого страдает неимущий, бедняк.

Таковы были общие принципы, положенные в основу деятельности Комиссии. Подчеркнем, впрочем, что все эти заявления носят сугубо декларативный характер. В декламациях Комиссии чувствуется давящая сила инерции правительственного аппарата. Все эти обращения, письма и циркуляры еще ничего не говорят о жизнеспособности закона и о тех социальных силах, которые действительно готовы были бороться за его исполнение. Ничего не говорят об этом и донесения отдельных агентов. Низовые инстанции правительственного аппарата обнаруживают подчас полнейшее нежелание и неумение противостоять нарушителям закона. Гораздо симптоматичнее вмешательство целого ряда народных обществ, выступающих в защиту нарушаемого закона. Эта страница в истории максимума, за период термидорианской реакции, до сих пор совершенно игнорировалась историками решительно всех «школ» и направлений. Дело в том, что ни один историк не захотел порвать с обычным представлением о судьбах максимума. 9 термидора, в общепринятом шаблоне, это пучина, внезапно поглотившая закон 29 сентября. После падения Робеспьера аппарат продолжает механическое отправление своих функций. Решительно никто не заинтересован в соблюдении закона, и фактическая

его отмена предшествует на несколько месяцев юридической его ликвидации. Наличие целого ряда петиций народных обществ, высказывающихся в пользу максимума, позволяет нам категорически отвергнуть подобную концепцию. Петиции вскрывают внутренний механизм классовой борьбы, ведущейся вокруг максимума. Правда за редкими исключениями мы можем судить об их содержании только по ответным письмам и обращениям Комиссии. Во всяком случае, на основе имеющегося в нашем распоряжении материала мы сможем поставить вопрос о тех социальных силах, которые в эпоху термидорианской реакции вели борьбу за соблюдение закона 29 сентября.

Попробуем теперь остановиться на тех петициях, содержание которых может быть нами восстановлено по ответным письмам Комиссии. Не надо забывать, что народные общества могли быть рупорами разных, зачастую враждебных классовых интересов. Петиция народного общества Beauprest от 10 мессидора содержит, например, жалобы на нарушение максимума поденщиками и сельскохозяйственными рабочими. Авторы петиции жалуются на плохой урожай. Совершенно очевидно, что мы, в данном случае, имеем дело с общественным мнением деревенских кулаков, борющихся с экономическими требованиями батрачества и заинтересованных в том, чтобы скрыть истинные размеры хлебной продукции.²¹⁷

Иными интересами руководствуется, конечно, народное общество местечка Parly в округе Auxerre, когда оно подчеркивает продовольственную нужду неимущих классов. Отметим, что в целом ряде случаев народные общества берут на себя инициативу борьбы с нарушителями законов. Укажем в качестве примера обращение республиканского общества местечка Mory от 3 фруктидора, предлагающего ряд мер к поддержанию максимума.²¹⁸ Совершенно аналогичный характер носят петиции народных обществ в Senii, от 6 вандемьера, в Saen от 25 вандемьера, в Pontaudemer, в округе Darney, и т.д. Иногда в петициях прямо указываются «конкретные носители зла». Так напр. народное общество в Gex доносит 13 термидора на торговцев и суконных фабрикантов.²¹⁹ Впрочем, чаще встречаются более общие ссылки на эгоистов и недоброжелателей.

Перед всеми этими обществами стоит один вопрос: как добиться исполнения закона? Они совершенно не сомневаются в целесообразности максимума. Общество друзей свободы в Autan в обращении, помеченном дополнительным днем II года, признает «максимум при существующих условиях совершенно необходимым».²²⁰ Все зло происходит от нарушения закона, вторит ему республиканское и революционное общество коммуны округа de Joigny в обращении, адресованном Конвенту. «Последствия несоблюдения максимума пагубны как для всей Республики, так и для округа Joigny».¹³⁴

Народные общества сплошь и рядом берут на себя инициативу предложения разных мероприятий, направленных к поддержанию максимума. Так, упомянутое уже общество в Autan выдвигает проект создания особого агентства или комиссии, которая будет уполномочена изобличать нарушителей закона и наблюдать за действиями местной администрации. В других случаях, члены общества пытаются воздействовать на «эгоистов» подачей личного примера. Так, в округе Darney члены общества поклялись не продавать и не покупать никаких продуктов по ценам, превышающим ставки максимума. Результат этой клятвы оказался совершенно неожиданным. Рынки опустели и воцарилась полнейшая голодовка. Ясно, что члены общества выступали не столько как продавцы, сколько как потребители и покупатели.

Народное общество Вьенны (de la Vienne) занялось вопросом о максимуме в конце термидора. До нас дошел полный текст принятых им решений. Общество считает необходимым принятие чрезвычайных мер для выполнения «благодетельного закона».¹³⁵ Враг закона — «эгоист, не признающий чужого блага». Считая необходимым оживить земледелие и торговлю, при точном соблюдении максимума, Вьеннская директория настаивает на том, чтобы в каждом округе был назначен особый наблюдатель, избираемый народным обществом и утверждаемый окружной администрацией. Этот наблюдатель должен будет, между прочим, следить «за всеми операциями купцов и фабрикантов» и выяснять причины расширения и уменьшения торговли. На особое жюри наблюдателей возлагается обязанность рассматривать дела, возникающие по обвинению торговцев и земледельцев в инертности. Наконец, крестьяне, уклонившиеся от выполнения реквизиций, должны наказываться штрафом и в случае рецидива зачи-

зачисляться в разряд «подозрительных».

В борьбе, ведшейся, вокруг максимума, не всегда можно было рассчитывать на содействие местных властей. Муниципалитеты зачастую были захвачены кулаками и торговцами. Так агент округа Mont-Unite призывает правосудие обрушиться на «торговцев из больших коммун, на купцов и богатых собственников, заделавшихся членами муниципалитетов и подающих пример нарушения закона».¹³⁶ По мнению агента округа d'Aurillac «главнейшей причиной срыва максимума является нерадивость властей, призванных наблюдать за его исполнением».¹³⁷

В округе Montdidier, по донесению нац. агента от 6 вандемьера, среди членов администрации имеются прямые нарушители законов. Иногда встречаются и более конкретные указания на отдельные промахи и ошибки местных властей. Так, агент округа Beaugency жалуется на мягкость, проявленную местным журу в отношении бакалейщика некоего Неппе, обвиненного в нарушении закона. Доносы идут не только от агентов, но и от частных лиц. Так, например, Комитет общественного спасения получил письмо из Безансона, подписанное citoyenne polonaise, в котором эта гражданка жаловалась на «нерадивость и коррупцию членов местной администрации».¹³⁸ Комиссия предложила ей назвать поименно нарушителей закона и принесла ей свои поздравления по случаю проявления столь пылкого патриотизма.

Очень любопытное положение создалось в округе Mamers. Здесь председатель народного общества обратился с письмом в комиссию гражданской администрации (commission des administrations civiles), в полицию и трибунал, указывая на грубые нарушения максимума, в которых повинны местные власти, подающие пример несоблюдения закона.¹³⁹ Одним словом налицо все элементы классовой борьбы, в которой демократическое народное общество выступает против буржуазно-кулацкого муниципалитета.

В борьбе этой национальные агенты играют весьма значительную роль. В наших документах мы часто наталкиваемся на строгие выговоры Комиссии по адресу отдельных агентов. Очень часто они опаздывают с рассылкой и опубликованием таблиц максимума. Были погрешности и более серьезные. Вот что мы можем прочесть в циркулярном обращении к «национальным агентам разных округов», от 5 вандемьера. «Комиссия не хочет верить тому, что, облеченный доверием народа, ты пренебрег в этом пункте самыми насущными интересами: она предпочитает думать, что ты принял все необходимые меры к искоренению существующих злоупотреблений или же что ты не был о них осведомлен...»¹⁴⁰

Как правило, однако, агенты вполне добросовестно относились к исполнению своих обязанностей. Иногда даже приходилось умерять их пыл. Так напр., в округе Гап (Gap) народное общество, по предложению агента, постановило просить разрешения установить гильотину на площади Равенства «для устрашения негодяев, нарушающих закон о максимуме». Воздавая должное активности и твердому поведению агента, Комиссия в своем ответе от 2 вандемьера сочла необходимым протестовать против «бесчеловечного и тактически вредного» (impolitique) предложения народного общества. «Законоучитель ведь это отец большого семейства, горящий при наказании своих детей», восклицает Комиссия. «Если ты хочешь казнить смертью нарушителей максимума, то какие же кары останутся для мятежников, заговорщиков и отцеубийц?»¹⁴¹ В заключение Комиссия предлагает агенту действовать в рамках существующих законов.

Ответ Комиссии носит несомненные следы «политического модерантизма». Однако этот модерантизм всецело дотермидоровского происхождения. Директория округа d'Argentan приняла постановление, направленное против «эгоистов и злоумышленников», причем в основу его положила закон против скупщиков, знаменитый закон 26 июля 1793 г. Комиссия аннулирует постановление окружной Директории, потому что оно противоречит закону 12 жерминаля, значительно смягчившему постановления закона о скупщиках. Действительно статья 8 закона 26 июля 1793 г. устанавливает смертную казнь для всех уклонившихся от своевременной подачи декларации.¹⁴² Статья 7 закона 12 жерминаля заменяет смертную казнь конфискацией утаенного товара. Смягчение налицо, однако не забудем, что самый закон 12 жерминаля был детищем якобинской диктатуры. После издания этого закона торговцы, говоря словами Матьеза, «почувствовали себя в безопасности»¹⁴³ («и l'aise»). Смертная казнь сохранялась впредь только для лиц

нарушающих, в контр-революционных целях, обращение предметов первой необходимости. Одновременно был упразднен институт комиссаров по надзору за перекупками (commissaire aux accaparements). Таким образом, если Директория округа d'Argentaui попала впросак, то это потому, что она забыла о существовании закона, изданного в самый разгар террористического робеспьеровского режима. И это, конечно, не случайно. Везде, где мы хотим проследить самые корни оппортунистических сдвигов и колебаний в области экономической политики, мы должны восходить не к дню 9 термидора, а к ранней весне 1794 г. или, если угодно, точнее, к эпохе, наступившей после разгрома эбертистов.

Итак, мы видим, что на местах, в первые месяцы термидорианской реакции шла довольно напряженная борьба между сторонниками и противниками максимума. Можем ли мы считать усилия защитников максимума абсолютно безрезультатными? Конечно нет. Исследователь не имеет права игнорировать встречающиеся в документах прямые указания на успешное осуществление максимума. Вот например, земледельцы округа Сен-Кантен сдали по ценам максимума, и восхищенная Комиссия «рукоплещет счастливым результатам рвения»,¹⁴⁴ проявленного национальным агентом. В Вандомском округе агенту удалось заставить соблюдать максимум при продаже молодого вина, и опять Комиссия «рукоплещет» зрелищу административного рвения. Изредка попадаются и более общие сведения о том, что в таком-то округе максимум соблюдается с большой строгостью. Подобное указание мы находим в обращении народного общества коммуны Clamecy от 11 термидора.¹⁴⁵ Снова аплодисменты и медоточивые поздравления со стороны Комиссии. Нужно отметить один характерный штрих. Местное, локальное исполнение максимума почти всегда влекло за собой утечку хлеба и других предметов первой необходимости в соседние округа, где хозяйничали «эгоисты и злоумышленники». Об этом свидетельствуют целые десятки документов. Приведем несколько наиболее типичных примеров. Еще 1 термидора агент - коммуны Sancerre жалуется на жителей соседних коммун, закупающих все припасы по ценам, превышающим ставки максимума, в то время как жители Sancerre, «ретивые» в исполнении закона, остаются без ничего. Округ Clamecy, хваставшийся безукоризненным соблюдением максимума, жалуется в I дополнительный день II года на нарушения закона в соседних округах.¹⁴⁶ Еще более красочную картину рисует нам нац. агент округа Romorantin. В одних местностях, по его словам, царит изобилие, в других голод. Все это происходит потому, что кое-где администраторы «предаются преступной беззаботности или же сознательному бездействию», в то время как рядом «власти, стремящиеся выполнить свой долг, наблюдают за пунктуальным выполнением максимума».¹⁴⁷ В результате, «купцы-эгоисты направляют свои товары в местности, где их жадность рассчитывает остаться безнаказанной».

Совершенно аналогичные жалобы раздаются в середине термидора из округа La Ferte-Bernard. «Свирепая нужда царит в пределах коммуны Ferte, строго соблюдающей постановления закона, в то время как соседние города, нарушающие его, утопают в изобилии».¹⁴⁸ В коммунах Nogent и Bonnetable мясо продается по ценам, превышающим в полтора раза ставки максимума.

В конце концов, явление это приняло, настолько массовый характер, что комиссия выработала 28 брюмера особый циркуляр для рассылки «разным агентам». «Мы узнали, — говорится в циркуляре, — что максимум не соблюдается в твоём округе... в результате чего соседние округа лишены всего необходимого, в то время когда изобилие царит в коммунах, уклоняющихся от исполнения закона. Вот злоупотребление, чреватое самыми серьезными последствиями и вызывающее справедливые нарекания».¹⁴⁹ Дальше следует стереотипное увещание и предложение удвоить рвение и энергию в преследовании нарушителей закона.

Циркуляр 28 брюмера на наш взгляд является заключительной страницей в истории разложения системы максимальных цен. У власти явно не было импульсов к продолжению борьбы с купеческим и фермерско-кулацким капиталом. И именно в силу этого на очереди дня оставалась одна только дилемма. Или легализовать вольный рынок, к которому не могла получить доступ городская и деревенская беднота, или терпеть постоянное, безнаказанное, нагляднейшее нарушение закона. Отметим лишь, что изобилие, о котором говорят наши документы, свидетельствует только о наличии

хлеба и других продуктов, о физической их находимости на рынках и в лавках. Это изобилие отлично совмещалось с головокружительным ростом цен, делавшим предметы первой необходимости совершенно недоступными для самых широких слоев населения. Иначе говоря, изнанкой изобилия должен был стать голод.

Попробуем в заключение выяснить, насколько отразились в наших документах общие тенденции экономической политики, подготовившие законодательную ликвидацию максимума. Прежде всего, мы находим указания на целый ряд петиций, исходивших по преимуществу от отдельных групп торговцев и промышленников и содержавших предложения пересмотра отдельных статей закона. Приведем наудачу несколько примеров. Суконные фабриканты коммуны Лонгви просят повысить ставки максимума для саржевых гладких тканей (*des Etoffes rases ou serges*). По мнению Комиссии, сформулированному в письме к агенту от 16 фруктидора, требования фабрикантов совершенно не обоснованы. Аналогичное ходатайство возбуждают кожевники и сапожники округа *d'Arcis-sur-Aube*. Они особо жалуются на то, что ставки на кожу в округе Труа значительно выше, чем в их собственном. С большой петицией выступают хлопчатобумажные фабриканты города Нанта. Они прямо указывают на то, что точное следование максимуму совершенно уничтожит фабрики, и требуют установления новых ставок, которые соответствовали бы возросшей цене на левантийский хлопок и учли вздорожание рабочей силы. Петиция эта очевидно относится к концу термидора или к началу фруктидора. В обширном послании, адресованном национальному агенту в Нанте, от 12 фруктидора, Комиссия предлагает ему навести необходимые справки и проверить цифровой материал, содержащийся в петиции фабрикантов. Петиции подобного рода обычно прямо направлялись Комитету общественного спасения, поэтому-то в наших реестрах они появляются эпизодически. Это первые отзвуки роста фритредерских настроений, первые симптомы готовящегося перелома правительственной политики.

В самом деле, начиная с конца фруктидора поползли по французской провинции слухи о предстоящей ликвидации максимума. Закон 29 сентября 1793 г. был установлен на один год и срок его действия подходил к концу. 22 фруктидора национальный агент Орлеанского округа сообщает комиссии, что «алчность внушает земледельцам уверенность в том, что максимум уже аннулирован».¹⁵⁰ Сетуя на частые нарушения закона, агент округа *Moulins la République*, в письме от 25 фруктидора также ссылается на широко распространенную уверенность в предстоящем истечении срока действия максимума. Уверенность эта разделялась не только «эгоистами» и земледельцами. Она находила сторонников и среди представителей местной администрации. Некто Rauglet, владелец бумажной фабрики, ходатайствовал перед властями округа *Issoudun* о снижении ставок на сырье, необходимое для его производства, и получил ответ, сводившийся к тому, что его ходатайство не подлежит рассмотрению в виду состоявшейся отмены максимума. Этот случай имел место, повидимому, тоже в конце фруктидора. В округе *Tarbes* все в том же фруктидоре распространился слух о том, что действие максимума на хлеб прекращается с 1 сентября. В округе *d'Ambert* в связи со слухами об отмене максимума развилась пропаганда, повлекшая за собой самые пагубные результаты. Закон окончательно перестал соблюдаться. Аналогичные случаи имели место еще в целом ряде округов. Однако, на этот раз все сомнения разрешались очень просто. Комиссии достаточно было сослаться на постановление Конвента от 21 фруктидора, которым срок действия максимума продлен был на один год. «Конвент настаивает на тщательном исполнении закона»,¹⁵¹ сообщает комиссия в своем ответе национальному агенту в Орлеане: «После декрета 21 фруктидора никто не посмеет пользоваться всякими вымышленными слухами как предлогом для невыполнения закона»,¹⁵² читаем мы в обращении к агенту округа *Moulins la République*. Декрет 21 фруктидора несомненно придал новый импульс угасавшему административному пылу и в центре и на местах. Начался новый поток писем, циркуляров и обращений. Однако вряд ли он мог что-либо изменить в создавшемся положении. Ведь дело было не только в том, что притупились обычные орудия административного воздействия, и не в том, что плохо, с перебоями, с остановками работала вся машина революционного правительства. Все это были мелочи, сравнительно с общими изменениями курса правительственной политики, державшей отныне сторону тех слоев и классов, которые менее всего были заинтересованы в сохранении максимума.

17 фримера Конвент постановил передать вопрос о максимуме на обсуждение своих комитетов. Тогда-то и в Комиссии поняли, что для закона 29 сентября пробил последний час. Правда, письма и обращения Комиссии комментируют постановление Конвента очень сдержанно, в высшей степени туманных выражениях. «Чтобы положить конец всем злоупотреблениям — читаем мы в письме к Тулузскому агенту... Конвент предложил своим комитетам разработать вопрос о средствах к оживлению и возрождению торговли». ¹⁵³ «Конвент занят обсуждением плана возрождения торговли, чтобы положить конец стесняющим ее путам — пишет Комиссия в округ Монпелье. ¹⁵⁴ О каких путах идет тут речь, Комиссия скромно умалчивает.

Корреспонденция, занесенная в реестры бюро максимума, обрывается на последних числах фримера Циркулярные обращения, административный пыл, патриотические примеры народных обществ — все оказалось напрасным. Максимум был поглощен девятым валом политической реакции.

Обзор использованных реестров позволяет нам сделать некоторые выводы общего порядка. С самого начала нас в сущности интересовали три основных вопроса: исполнялся ли вообще максимум, какова была практика местной и центральной власти в отношении закона 29 сентября, и правильно ли утверждение о полной беспочвенности максимума, о социальной пустоте, в которой он, якобы, повис после 9 термидора? ¹⁵⁵

На первый из поставленных вопросов мы можем теперь, на основании изученных источников, ответить отрицательно. Документы рисуют нам картину всестороннего разложения системы максимальных цен. Конечно, нельзя говорить о том, что максимум совсем не соблюдается. Этот закон, «презираемый», по колоритному выражению наших источников, все еще остается преградой, или вернее осколком прежней преграды против безудержного развертывания спекулятивных методов накопления. Более того, правительственный аппарат, в общем, работает на его поддержание очень ревностно, хотя больше на бумаге, в центре и более вяло на местах. Правда, кое-где звенья низового аппарата усваивают себе самостоятельную линию поведения, срывают закон и саботируют его. В общем же, повторяем, в работе аппарата сказывается давящая сила инерции. 9 термидора скользит по поверхности, не оставляя никаких следов. Для всей истории максимума 9 термидора вообще не образует никакой вехи. От весны 1794 г., когда наметился первый сдвиг, когда была ослаблена первая пружина, вплоть до начала зимы мы присутствуем при изменениях чисто количественного порядка. И никогда на всем этом отрезке времени количество не переходит в качество.

Третий из поставленных нами вопросов мы формулировали нарочно «наивно». Историк-марксист в праве дать на него, априорно, отрицательный ответ. И его поддержат источники. Из них мы узнаем о борьбе, ведшейся вокруг максимума, о движении народных обществ в пользу, нарушаемого закона. В праве ли мы говорить о том, что за народными обществами стоит рабочий класс, беднота? Все, что мы знаем о социальном составе этих обществ, заставляет нас удержаться от утвердительного ответа на этот вопрос. В сельских и небольших городских коммунах они комплектуются из мелкой буржуазии. «Мы отмечаем — пишут администраторы округа де Гонесс (de Gonesse) — что максимум чаще применяется к розничным торговцам, чем к фабрикантам, оптовикам, мануфактурщикам и всем тем, кто сбывает принадлежащие им товары не непосредственно всей массе санкюлотов, а торговцам-посредникам». ¹⁵⁶ В результате, мелкая, розничная торговля подсекается в самом корне. Мелкие торговцы бросают свое ремесло. Приведенный отрывок с большой убедительностью вскрывает экономические стимулы, в силу которых мелкие торговцы и ремесленники должны были занять анти-фритредерскую позицию. Основная товарная продукция сельского хозяйства и сельской промышленности должна была достаться оптовику-перекупщику. Мелкий производитель лишался нужного ему сырья, розничный торговец — необходимых ему для перепродажи товаров. Именно, в силу этого, опасения перед последствиями внезапного торжества фритредерских идей в эту пору гораздо более активно и болезненно, воспринимались именно мелкой буржуазией. Мир мелких хозяйчиков, мелких торговцев на близком расстоянии мог ощутить грозное дыхание спекулятивной горячки, несшей ему неминуемое разорение. Несколько иначе осознавал свои экономические интересы рабочий класс. Интерес рабочего к максимуму осенью 1794 г. значительно ослабел, в его среду получили некоторый доступ прямо фритредерские настроения. Попробуем разобраться в причинах

этого явления.

II

Материал полицейских донесений, относящихся к термидору и фруктидору, позволяет нам утверждать, что в эту пору продовольственное положение в Париже было относительно сносным. Голода не было, несмотря на острую нехватку целого ряда продовольственных продуктов. Так, донесение 14 термидора констатирует спокойствие, царящее на всех рынках, и большое скопление народа при раздаче угля. На центральный рынок (La Halle) прибыло много овощей, масла, яиц. В донесениях от 18 термидора также указывается на порядок, господствующий в секциях при распределении растительного масла и сала. Конечно, снабжение рынков недостаточно, но спокойствие и тишина нигде не нарушаются. Более нервное настроение царит в мясных лавках. Донесение от 21 термидора упоминает даже о свалке в дверях лавки во время раздачи мяса, «Жители предместий Жермен и Марсо, — читаем мы в донесении от 23 термидора, — жалуются на плохое снабжение рынков».¹⁵⁷ Несмотря на это, «народ — как свидетельствует рапорт Жерома и Баллэ (Ballay) от 25 термидора — проявляет прежнее благоразумие и, отчетливо сознавая причины временной нехватки продовольствия, со спокойствием ожидает возвращения жнецов».¹⁵⁸

В самом конце термидора наступило некоторое, правда, временное улучшение. Рапорт от 27 числа извещает о подвозе масла (20 с лишним тысяч ливров), яиц и сыра. «Рынки снабжены хорошо», — читаем мы в донесении от 29 термидора.¹⁵⁹ Через несколько дней картина опять меняется. Все жалуются на продовольственные затруднения и тем не менее повсюду царит полнейший порядок. (Донесение от 7 фруктидора.) Народ сетует на плохую выпечку хлеба (донесения от 9 и 10 фруктидора), на закрытие винных лавок. Происходят волнения при раздаче угля. (Донесение от 16 фруктидора.) Впрочем, тон полицейских донесений по-прежнему дышит уверенностью и оптимизмом. Первые тревожные признаки появляются не ранее 20-х чисел фруктидора и заметно умножаются к концу месяца. Многозначительное ударение на продовольственном вопросе встречается в рапорте Лекамюса и Оливье от 22 фруктидора. «Рабочие ропщут и жалуются на трудности, с которыми сопряжена добыча предметов первой необходимости: масла, свечей, мыла и т.д. «Особенно опасаются приближающейся зимы».¹⁶⁰

Уже с конца фруктидора растут и множатся страхи, вызванные призраком холодной и голодной зимы. К большому неудовольствию полицейских властей всякие шушукания и разговоры на «продовольственные темы» начинают принимать политическую окраску. 25 фруктидора, около 11 часов дня на Центральном рынке (la Halle) собирается толпа, начинаются разговоры о том, что теперь народ не счастливее, чем во время Робеспьера. Ничего нельзя достать, цены страшно возросли. Рапорт 27 фруктидора указывает на то, что общественное мнение обвиняет Комиссию (очевидно Комиссию снабжения) в неспособности и даже в злых умыслах. «Но есть и такие, которые прямо нападают на Конвент».¹⁶¹

Приблизительно в это же время усиливаются жалобы на неисполнение максимума. Как и во всей Франции, так и в Париже 9 термидора не оказало никакого непосредственного влияния на функционирование системы максимальных цен. Указания на нарушения закона 29 сентября носят в начале несомненно единичный характер. Так рапорт 17 термидора сообщает о злоупотреблениях, имевших место при продажах с публичных торгов.¹⁶² Двумя днями позже Жером и Ивер жалуются на бакалейщиков в предместьях Жак и Марсо, продающих масло по ценам, превышающим ставки максимума.¹⁶³ В рапорте от 23 термидора содержатся аналогичные жалобы на крестьянок (femmes de campagnes), разносящих по частным квартирам яйца и масла.

Нет никаких оснований предполагать, чтобы в этот первый месяц реакции закон о максимуме исполнялся хуже, чем накануне падения Робеспьера.¹⁶⁴ Было бы также неправильно утверждать, что рабочий класс высказывался против максимума. Обычно, для обоснования подобной точки зрения ссылаются на рабочих, провожавших криками «К чорту максимум!» телегу, отвозившую на эшафот Робеспьера и его друзей.¹⁶⁵ Эта уличная сценка, рассказанная газетой «Вечерний вестник» («Mesager du Soir») в № от 14 термидора слишком часто подвергается неправильному истолкованию. Прежде всего, о каком максимуме идет речь в этой газетной заметке? Совершенно очевидно, что тут

имеется в виду не самый закон 29 сентября 1793 г., а тариф заработной платы, выработанный и утвержденный Парижской коммуной 5 термидора, за четыре дня до падения Робеспьера. Об этом неопровержимо свидетельствует текст заметки. Рассказав о недовольстве рабочих и о их поведении в день казни Робеспьера, газета продолжает: «Комитет общественного спасения признал большую часть этих требований справедливой и обоснованной, в виду того, что этот максимум не был согласован с максимумом на продовольственные припасы и предметы первой необходимости».¹⁶⁶ Как видим, газета говорит о разных максимумах, что вполне согласуется с обычной тогда терминологией. Таким образом, протест рабочих относится всецело к максимуму заработной платы, или еще точнее, к тарифу 5 термидора.

И в термидоре и в фруктидоре народ не столько жалуется на самый закон, сколько на пагубные последствия его нарушения. «Наблюдая частые случаи неисполнения максимума, — читаем мы в донесении от 10 фруктидора, — народ начинает опасаться дальнейшего обострения продовольственного кризиса, в течение зимнего времени».¹⁶⁷ В таком же стиле высказываются и агенты, жалующиеся на несоблюдение спасительного закона и настаивающие на принятии решительных мер против его нарушителей. Одним словом, и здесь повторяется картина хорошо нам известная по данным изученной нами переписки Центрального бюро максимума. Перелом в настроениях парижан падает, приблизительно, на самый конец сентября — на начало вандемьера. Только на третьем месяце реакции срыв максимума приобретает характер массового явления. Наиболее болезненно срыв этот ударяет по неимущим группам городского населения и поэтому не мудрено, что рабочий класс испытывает чувство глубочайшего разочарования и начинает прислушиваться к лозунгам полной свободы торговли, выдвигаемым правыми термидорианцами и электоральцами.

Цены, по которым продавались товары на нелегальном вольном рынке, начали неизменно расти. В августе четверка (boisseau) картофеля стоила 3 франка, фунт (livre) масла — 40 су, фунт баранины — 25 су.¹⁶⁸ В течение октября цена масла возросла до 2 и даже до 3 франков. Сахар продавался по 8,5 франков фунт. Цена на мясо сохранилась прежняя. Зато только с громадным трудом можно было достать дрова и уголь.

Начиная с первых чисел вандемьера, полицейские рапорты становятся все более тревожными. Донесение 3 вандемьера констатирует «полнейшее безразличие, с которым относятся к нарушениям максимума. Его считают гильотинированным». 4 вандемьера Мерси и Виар, в своем рапорте, дают чрезвычайно выпуклую картину экономического положения столицы. «Торговая аристократия отважно подымает голову. Кажется, что равнодушие, проявляемое в отношении нарушений закона о максимуме, подготавливает ее окончательное торжество... Мы не устанем повторять, что ропот вокруг продовольственного вопроса все усиливается и возрастает по мере приближения зимы».

Инспектора, наблюдающие за рынками, и торговцы съестными припасами жалуются на нарушения максимума и на опасности, которым они подвергаются при бесплодных попытках привести его в исполнение. Ажиотаж в полном разгаре, оптовики тревожатся, шумят, пишут, совершают поездки, чтобы захватить всякого рода товары и продают их затем с большой прибылью».¹⁶⁹

Безнаказанные нарушения максимума начинают порождать мысль я том, что только полнейшая свобода торговли может вернуть «изобилие». В Jardin National говорили... о максимуме, что он совершенно бесплоден и даже вреден, и что в случае его упразднения на первых порах чувствовалась бы дороговизна, но что затем цены должны были бы упасть и притти к обычному уровню».¹⁷⁰

Jardin National, это место гуляний буржуазной публики, но вот на рынках заговорили о максимуме. «Вчера, — читаем мы в донесении от 14 вандемьера, — на рынках la Halle, требовали свободной продажи продовольственных припасов, отмены максимума и свободного товарооборота, который является единственным средством к устранению продовольственного кризиса».¹⁷¹ «Мелкие торговцы, торговавшие мясом на рынке de la Halle, утверждают, что при восстановлении свободы торговли продукты стали бы продаваться по прежним ценам».¹⁷²

Донесение от 16 вандемьера констатирует глубокий кризис всей системы максимальных цен. «На рынках все продается по ценам, превосходящим ставки максимума». «Народ находит максимум невыполнимым и считает неограниченную свободу торговли единственным противоядием от всех бедствий».¹⁷³ Та же мысль проводится в рапорте Жерома и Оливье от 17 вандемьера. «Большая часть народа хочет полной свободы торговли, включая свободу перекупок и вывоза, полагают, что тогда вернется изобилие и что продукты сначала вздорожают, но потом цены начнут падать благодаря установлению конкуренции».¹⁷⁴

В газете «Республиканский Курьер», в № от 19 вандемьера читаем: «Изобилие вновь начинает царить на рынках Парижа; можно найти масло, яйца... правда, их продают по ценам, расходящимся с максимумом, но полиция и правительство предпочитают «laissez faire, laissez passer»».¹⁷⁵

При всем том материал полицейских донесений остается слишком пестрым и противоречивым, чтобы можно было извлечь из него какой-либо окончательный вывод. Проф. Добролюбский, пользовавшийся тем же источником, полагает, «что парижское население также разочаровалось в максимуме и ждало изобилия от введения полной свободы торговли».¹⁷⁶ Делая этот вывод, Добролюбский игнорирует, однако, противоположную тенденцию, которую легко можно наблюдать в целом ряде рапортов парижской полиции. Кроме того, он недостаточно учитывает одно обстоятельство объективного порядка, несомненно наложившее свой отпечаток на субъективные настроения различных слоев парижского населения. До самого конца 1794 г. Париж переживал продовольственный кризис, но не знал голода. Посмотрим еще раз, на что жалуются парижане в конце осени и в начале зимы. Самые большие волнения вызывает недостаток топлива, а не продовольственных припасов. По донесению от 5 брюмера «не прекращаются жалобы на отсутствие угля, свечей и дров».¹⁷⁷ Рапорт от 8 брюмера рассказывает о длиннейших очередях за свечами и углем. В результате на улице Bourg l'Abbe произошла свалка в хвосте женщин, стоявших за свечами.

Пресса также уделяет немало внимания топливному кризису. «Французская Газета» от 12 брюмера указывает на нехватку дров, «становящуюся все более грозной по мере приближения зимы».¹⁷⁸ Ту же мысль проводит «Республиканский курьер». «Мы на пороге зимы, вот-вот замерзнет река, а дров нет совершенно; чтобы получить вязанку, граждане становятся в хвост и простаивают по два, по три дня».¹⁷⁹ Газета предлагает вырубить Булонский и Венсенский лес

Такие же волнения происходят из-за недостатка угля. Полицейские инспектора и вооруженная сила не могут воспрепятствовать ночным сборищам, где раздаются возгласы: нам нужен уголь!¹⁸⁰ Около очередей шныряют перекупщики, спекулянты, торгующие талонами, на которых отмечается занятое в очереди место. За эти талоны платят по пяти ливров.

Недостаток топлива был, конечно, тяжким бедствием для неимущих слоев парижского населения. Зима, как уже упоминалось, наступила рано. Была она очень холодной, с заморозками, с обильным снегом. Но все же продовольственный кризис был в это время менее ощутителен, чем кризис топливный. «Предметы первой необходимости становятся менее редкими, чем раньше», писал «Республиканский Курьер» в № от 6 брюмера.¹⁸¹ В полицейских донесениях мы находим прямые указания на то, что снабжения рынков улучшаются: «на рынках много мяса, — пишут Леру и Орнэн в донесении от 4 фримера, — оно хорошего качества, но очень дорого».¹⁸² Вообще говоря, жалуются не на отсутствие тех или иных продуктов, а на их дороговизну. «Продукты продаются по ценам, недоступным малообеспеченному человеку», — читаем мы в донесении от 14 брюмера.¹⁸³ В одном и том же донесении мы можем найти указания на большой подвоз масла, яиц, солений и жалобы на «чудовищную дороговизну» продовольственных припасов.¹⁸⁴ Не раньше конца ноября появляются первые намеки на затруднения с хлебом, на то, что «в некоторых булочных хлеб можно достать только с трудом».¹⁸⁵ И то эти указания носят единичный характер. Да еще в начале декабря начала исчезать соль. За этими исключениями мы не находим в полицейских донесениях жалоб на нехватку продуктов, на недостаточный их подвоз, на плохое снабжение рынков. Все зло заключалось, повторяем, в дороговизне.

И население Парижа и авторы полицейских донесений совершенно справедливо возлагали ответственность за рост цен на купеческую, торговую буржуазию. «Купцы не хотят обуздать свою жадность», сообщают авторы рапорта от 7 фримера. На следующий день агенты доносят о женщинах с рынка des Enfahts Rouges, собирающихся совершить набег на купцов, если они не перестанут взвинчивать цены. Несмотря на это, в течение последних месяцев 1794 г. вплоть до отмены максимума Париж не знал сколько бы то ни было серьезных продовольственных беспорядков. Это обстоятельство само по себе указывает на то, что кризис при всей его значительности далеко не достиг еще своего апогея.

Между тем, в течение ноября-декабря цены возросли очень значительно. Цена на масло поднялась с 52 су за фунт (la livre) до 3 ливров 10 су, черное мясо продавалось по 20, 26 и 30 су; свинина и солонина на рынках стоили 40 и 45 су за фунт. Соль возросла уже до 7 су за фунт. Яйца стоили теперь 5—5,5 ливров. Наконец резко поднялись цены на мыло, соду и поташ (potasse).¹⁸⁶

Что касается правящих термидорианцев, то они склонны были приписать нехватку топлива и затруднения с продовольствием бездействию и прямому злоупотреблениям робеспьеровской администрации. По крайней мере, эту мысль развивал Кошон в своем докладе Конвенту от 13 фримера. До 9 термидора снабжение города находилось в ведении Коммуны. После упразднения этого «заговорщического центра» его функции в части, касающейся продовольствия, перешли в Комиссию торговли. Сама по себе, эта административная ломка не могла не повлечь за собой некоторых перебоев в работе правительственного аппарата. Но помимо этого, мероприятия, намеченные робеспьеровскими муниципальными властями, по мнению Кошона, были совершенно недостаточны. Потребности населения в продовольствии и в топливе исчислены были совершенно произвольно. К этому присоединился саботаж' крестьян, отказывавшихся продавать свой хлеб по установленным ценам. Благодаря этому в снабжении Парижа, сразу же после 9 термидора, могла образоваться значительная брешь. Однако Комиссия торговли сумела предотвратить наступление кризиса и хлеб, присланный из Гавра, покрыл дефицит. «Благодаря этому, — заявил Кошон, — мы не испытываем сейчас никакой нужды, и Париж с избытком снабжен хлебом, хотя потребление его и возросло на одну треть».

Угрожающее положение с топливом всецело объясняется нераспорядительностью прежнего муниципалитета. Порубка леса началась слишком поздно. Мелкие коммуны, расположенные в окрестностях Парижа, сплошь и рядом перехватывают и задерживают дрова, предназначенные для столичного потребления. Что касается угля, то угольщики кое-где прекратили работу, полагая, что их труд оплачивается слишком низко. Кроме того, кузницы и слесарные мастерские стали применять в широких размерах древесный уголь вместо каменного, так как подвоз каменного угля прекратился из-за закрытия канала de Briare. Для борьбы с топливным кризисом Комитет общественного спасения пошел, по словам Кошона, на ряд чрезвычайных мероприятий. Были разосланы особые комиссары в департаменты, расположенные к северу и востоку от Парижа, наложены взыскания на муниципалитет коммуны Clamesy, задержавший транспорт с дровами, предназначенными для Парижа и т.д., и т.д.

Все эти меры, как мы еще увидим впоследствии, не дали никаких ощутительных результатов. Во всяком случае, топливный кризис вызван был причинами, не имеющими непосредственного отношения к максимуму. Вместе с тем явная беспомощность административных мероприятий не могла не породить в населении недоверие к правительственным органам, ведавшим снабжением Парижа. Неудачные действия правительственных комиссий подрывали самый принцип административной опеки и правительственной регламентации. Этим создавалась благоприятная почва для проникновения фритредерских настроений в самую толщу парижского населения. И тем не менее, даже в декабре, когда решались судьбы максимума, обитатели столицы не были единодушны в своих оценках и высказываниях. Огульно отрицательного отношения к максимуму, как уже указывалось нами выше, нельзя вычитать из источников и в частности из полицейских документов Олара. Показания агентов на этот счет сбивчивы и противоречивы. «С нетерпением ожидают... решения судьбы максимума, общественное мнение как будто высказывается против этого закона» — читаем мы в рапорте от 20

фримера.¹⁸⁷ «Все только и заняты дороговизной продуктов и трудностью их нахождения, — пишут 2 нивоza Леру и Шампенуа, — все горячо жаждут обещанной отмены закона о максимуме».¹⁸⁸ Но вот приближается день ликвидации максимума. Рапорт от 4 нивоza признает, что отношение к этому декрету различное. «Большая часть одобряет упразднение максимума, но опасается, что жадность купцов вызовет новое повышение цен. Другие хотят, чтобы Конвент дополнил свое благодетельное мероприятие, отменив систему реквизиций».¹⁸⁹ Донесение от 5 нивоza говорит также глухо: «народ, измученный дороговизной, строит всевозможные догадки о последствиях восстановления свободы торговли».¹⁹⁰ Несколько более определенные заявления можно найти в газетах. Так в «Политических, национальных и международных новостях» от 6 нивоza находим следующие строки, посвященные отмене максимума: «Одни полагают, что это мероприятие усилит дороговизну, другие, что оно ее уменьшит». Газета предлагает считаться с возможностью резкого скачка цен до той поры, пока не скажутся результаты конкуренции. Еще более определенное суждение находим в «Gazette française», в № от 5 нивоza. «Известная и, к сожалению, многочисленная часть населения, привыкшая жить сегодняшним днем, совершенно неспособна оценить мотивы, по которым был отменен этот нелепый закон. В особенности женщины, забывшие вчерашний день и помнящие только завтрашний, начинают хмуриться и несомненно начнут роптать, если продолжится начавшийся рост цен...»¹⁹¹

О последствиях отмены максимума нам придется говорить особо в другой главе нашего исследования. Ропот, которого так опасалась «Gazette française», начался очень скоро. Уже 5 нивоza, т.е. через день после отмены максимума, народ высказывал свое растущее недовольство по поводу непрерывного роста цен на предметы первой необходимости.¹⁹² Опасения буржуазных газет были не напрасны. Этот ропот предвещал роковые бури жерминаля и прериала.

Подведем итоги. Отношение рабочего класса к максимуму в первые месяцы реакции не было сколько-нибудь единодушным. Рабочий, как продавец своей рабочей силы, был стеснен ставками максимума. Как потребитель он перестал ощущать пользу от закона, с того времени, когда власти оказались бессильными в борьбе с образованием нелегального вольного рынка, на котором продукты обращались по ценам, недоступным для рабочего. По мере того, как прогрессирует распад системы твердых цен и следовательно ухудшаются условия защиты интересов широких масс потребителей, в рабочей среде пробиваются некоторые фритредерские тенденции, отразившиеся в известной петиции электорального клуба. Однако, в той же среде мы наблюдаем и прямо противоположные настроения, зафиксированные в источниках и нашедшие отражение в позиции, занятой Бабефом. Эти настроения нужно объяснить тем, что, несмотря на многочисленные нарушения товарного максимума, он, до последнего момента, служил некоторой преградой бурному натиску спекулятивного накопления. К концу 1794 г. это был труп, но труп, лежавший на пути победоносного противника. Поэтому-то его и поспешили убрать.

III

Проследим теперь постепенную подготовку и оформление законодательной ликвидации максимума. Попутно мы коснемся также основных тенденций в экономической политике первых месяцев термидорианской реакции.¹⁹³

К пересмотру, к ревизии отдельных постановлений закона 29 сентября приступили еще до падения Робеспьера, впрочем, исподволь, по причинам и поводам чисто эмпирического порядка. После падения Робеспьера Комитет общественного спасения только продолжал и развивал намеченную ранее политическую линию.

Однако, на ряду с этим еще поздней осенью встречаются мероприятия, конкретизирующие и разрабатывающие основные положения максимума.¹⁹⁴

Таким образом в области применения закона о максимуме переворот 9 термидора не вызвал никаких немедленных изменений в установившейся административной практике. То принципиально новое, что было привнесено в рутину этой практики, восходит еще ко времени Робеспьера.¹⁹⁵ Частичный отказ от прямолинейного, буквального исполнения закона имел место в самый разгар террора. Именно тогда начался кой-какой перелом в сторону свободной торговли, путем изъятия из действия максимума целого ряда дорогих тканей. В мероприятиях этих покровительство отдельным отраслям текстильной

промышленности идет об руку с защитой потребительских интересов крупной буржуазии.

И в вопросах фиксации заработной платы политика Комитета только воспроизводит те приемы и методы воздействия на рабочих, какие были установлены еще в Робеспьеровскую эру. Особенному давлению подвергались сельскохозяйственные рабочие. Налагая на деревню определенные обязанности по снабжению городов и армии, Комитет в то же время делал определенную ставку на богатеющую, кулацкую часть деревни. Приведем пример. 18 фруктидора Комитет объявляет под реквизицией всех до сих пор еще не реквизированных работников (*journaliers et manouvriers*),¹⁹⁶ обычно работающих в деревне, и направляет их на сбор винограда. Заработная плата фиксируется следующим образом. За основу берется плата 1790 года, и полученная цифра увеличивается в полтора раза. Иначе говоря, самый принцип исчисления тот же, что и в законе 29 сентября 1793 г., но не надо забывать, что к осени 1794 г. соотношение рыночных цен и ставок максимума изменилось в сторону невыгодную для рабочих. Всякие коалиции в целях уклонения от реквизиции или повышения заработной платы караются 15-дневным заключением. Мы видим здесь новое проявление политики, покровительствующей имущим слоям деревни, восходящей еще к эпохе якобинской диктатуры.

Вопрос о системе максимума был впервые, после переворота 9 термидора, поставлен перед Конвентом 11 фруктидора в докладе, сделанном от имени Комитетов земледелия, законодательства и общественного спасения депутатом Эшассерио. Речь шла о пересмотре закона 11 сентября 1793 г. и о согласовании его с декретом Конвента от 8 мессидора, установившим новый порядок реквизиции хлебных излишков. Высказавшись против репрессивных мероприятий, предусмотренных законом 11 сентября,¹⁹⁷ Эшассерио счел нужным подчеркнуть, что в некоторых пунктах Комитет всецело остается на почве, созданной этим законом. В частности, по мнению Эшассерио, таким неприкосновенным пунктом является максимум. Ясно, что в конце августа правящая группировка была далека от мысли о возможности немедленной отмены максимума. Наоборот, в заседании 25 фруктидора Конвент по докладу председателя Комитета торговли и снабжения Виллера без прений продлил действие закона 29 сентября 1793 г. еще на один год, т.е. до 1 вандемьера IV года. А между тем уже намечалась постановка тех общих вопросов экономической политики, какие с неизбежностью подготавливали принципиальный пересмотр проводившейся до сих пор системы.

28 фруктидора правый термидорианец Эдм Пти внес в Конвент проект, вменявший, между прочим, в обязанность Комитетов земледелия, торговли и финансов представить проект мероприятий, способных вернуть свободу торговле и уменьшить цены на предметы первой необходимости.

Из предложения Пти прошел один только пятый его пункт. «Клянемся, — воскликнул Бурдон, — заняться этими большими вопросами. Этим путем мы возродим Республику, этим путем мы восстановим единодушие в наших рядах». В том же духе высказывались и остальные ораторы, Камбон, Камбула, Мерлен (из Тионвиля) и Тюрио.

Через два дня, 30 фруктидора, депутат Блютель от имени Комитета торговли и снабжений сделал обширный доклад, посвященный «общим размышлениям о торговле».¹⁹⁸ Блютель прямо заявил, что «слишком долго голос Комитета торговли заглушался гибельными махинациями тиранов». Дальше он коснулся «неосуществимой химеры о равенстве имуществ» и перешел к обоснованию той мысли, что одна торговля может удовлетворить потребность родины. «Подыдем торговлю, подыдем промышленность!» — восклицал Блютель. «Конечно, — признался он, — в торговлю вкрались кой-какие злоупотребления, низкие спекулянты спекулировали на народном бедствии», но «не будем больше смешивать честного коммерсанта с жадным перекупщиком...»

Проект, внесенный Блютелем, предусматривал разрешение ввоза во Францию промышленного сырья, необходимого для работы французских промышленных предприятий и освобождение импортируемого сырья от реквизиций и от права преимущественной покупки со стороны правительственных органов. Проект Блютеля носил, как видим, компромиссный характер и, строго говоря, вообще не затрагивал вопроса о максимуме. Между тем кризис сырья был вызван явно невозможностью покупать за границей по рыночной цене и продавать во Франции по максимальной. Тем не

менее, даже в таком виде проект Блютеля прошел не сразу. Обсуждение его было отсрочено до 26 вандемьера. В этот день проект был представлен вторично, причем докладчик Жиро, секретарь Комитета торговли и снабжений, указал на то, что за время, протекшее со дня первого рассмотрения декрета, «мотивы, его обуславливавшие, еще усилились, число петиций, направляемых в Комитет, еще увеличилось, и в полной мере выявилась необходимость в срочном порядке притти на помощь бездействующим отраслям промышленности. После этих заявлений Жиро декрет был принят без всяких дальнейших возражений.

В заседании 2-й санюлотиды (18 сентября) с пространнейшей речью выступил один из представителей болота Изоре. Основное его положение свелось к следующему: «свобода торговли бесспорна, но эта свобода должна защищать наиболее честных купцов, следующих максимуму, правилам торговли и своей совести». В заключение своей речи Изоре предложил проект декрета, подтверждавший таксацию цен на зерно, муку и фураж и упразднявший все остальные виды максимума. На следующий день после Изоре экономическими вопросами занялся правый термидорианец Дюбуа-Крансэ. Впрочем, он не пошел дальше рассуждений самого общего характера.

В то время, как в Конвенте стали подыматься единичные голоса, открыто отстаивавшие интересы торговли и промышленного капитала, самый Комитет общественного спасения остерегался выступать с какими-либо предложениями новаторского характера. Характерен для тогдашних настроений Комитета доклад Линдэ, сделанный им в заседании 4-ой санюлотиды. В нем содержится краткая характеристика состояния отдельных отраслей народного хозяйства. «Торговля Франции представляет сегодня зрелище обломков и руин: имел место настоящий заговор против торговли, и Робеспьер стремился уничтожить ее в конце. Дух разрушения пронесся над Францией и поразил в одно и то же время и земледелие и торговлю; он разрушил шелковые мануфактуры и положил конец культуре тутового дерева, составлявшей главную опору южных департаментов. Он экспортировал за границу наши масла, чтобы подорвать отечественное мыловарение». Сравнительно благополучно обстоит дело с земледелием. Оно «сделало большие успехи, невероятные усилия, но и оно нуждается в помощи». Дальше следует краткий очерк положения дел в отдельных торгово-промышленных центрах. Торговые города, вроде Лиона (Commune-Affranchie), Марсели, Бордо, Нанта разорены. Суконное производство Седана пало. Но как преодолеть экономический кризис? Никаких конкретных указаний на этот счет Линдэ, в сущности, не дает, тем более далек он от мысли о ревизии максимума. Пожалуй, единственным конкретным пожеланием Линдэ остается всяческое поощрение национального экспорта. Кроме того, он подчеркивает необходимость политически-правовых гарантий, в которых могла бы развиваться торговая и промышленная деятельность.¹⁹⁹

Не только Комитет, но и отдельные представители термидорианцев, выступавшие в Конвенте, избегали еще прямо ставить вопрос о максимуме. Так, 5 вандемьера большую речь в Конвенте держал Лежандр. Он также подробно обрисовал экономическое положение Франции. Констатируя, что торговля больше не существует — в результате злоупотребления реквизициями и открытой войны, объявленной фабрикантами и купцами, считавшимися врагами Республики, Лежандр, в противоположность Линдэ, пессимистически оценил положение земледелия, которое он нашел «парализованным», и в частности виды на урожай. Никаких попыток пересмотра максимума Лежандр не дал, хотя он попутно резко критиковал систему реквизиций.

Между тем, комитеты решили создать совещательную коллегию при комиссии торговли. Постановление комитетов было доложено 9 вандемьера Конвенту. Докладчик Эшассерио счел нужным подчеркнуть классовый смысл предложенного мероприятия. «Вы внушите, — говорил Эшассерио, — доверие иностранным купцам, вы внесете это доверие в сердца всех тех, кто здесь, в самой Франции, занят торговлей или промышленной деятельностью». В состав коллегии дошли: 2 купца, 4 фабриканта, 1 банкир, 2 земледельца и 1 чиновник.

В начале III года были приняты два постановления, заново фиксирующие и максимум и реквизиции. Проект, касавшийся реквизиций, был внесен в Конвент 4 брюмера. Между внесением проекта и окончательным его утверждением прошло почти 3 недели, так что под конец он был утвержден в один день с проектом максимума на зерно, хлеб и фураж.²⁰⁰ Этот последний был внесен на рассмотрение Конвента 14 брюмера Эшассерио. Докладчиком выступил Линдэ. Он признал, что в комитетах поднимался вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения максимума. Но «когда были подсчитаны текущие потребности данного года, когда вскрылись махинации ажиотажа, спекулянтов и может быть даже аристократов», тогда вопрос решился сам собой. «Отмена максимума означала бы невозможность какого бы то ни было урегулирования цен, какого бы то ни было обуздания жадности». В основу новой расценки зерна, муки и фуража Линдэ предложил положить цены 1790 г., увеличив их наполовину. Таким образом, к хлебу применялся тот принцип исчисления максимальных цен, который еще декретом 29 сентября 1793 г. распространен был на все предметы первой необходимости и на заработную плату.

Обсуждение проекта Линдэ было отсрочено, однако, по настоянию Тальена, которого поддержали Беффруа и Камбон. 17 брюмера проект декрета после новой проработки в Комитете вернулся в Конвент и был утвержден им 19 брюмера. Крупнейшей уступкой кулацкому крестьянству было то, что цены 1790 г. увеличивались на 2/3, а не на 1/2, как это имело место согласно закону 29 сентября.²⁰¹

Прежде чем вплотную заняться максимумом, Конвент предпринял несколько частичных попыток ревизии прежней системы экономической политики. Еще 26 вандемьера был принят декрет, освобождавший импортируемое во Францию сырье от реквизиций. В конце брюмера Комитет торговли принял проект декрета, фактически изымавшего из-под действия максимума «все продукты, доставляемые внешней торговлей, и, в частности, колониальные товары».²⁰³ В проекте указывалось, что все эти продукты остаются в свободном распоряжении купцов, и комиссия торговли, в случае надобности, покупает эти товары у владельцев по цене, устанавливаемой обоюдным соглашением (*de gre a gre*).

В дальнейшем своем прохождении проект этот претерпел некоторые очень существенные изменения. Докладывался он Конвенту 6 фримера депутатом Жиро. К первоначальному его тексту добавлен был пункт, обязывавший торговцев сообщать муниципальным властям сведения относительно количества и качества ввезенных ими товаров. Как сообщил сам Жиро, это делалось для того, чтобы оградить народ от спекулянтов-перекупщиков. Выпущен был пункт, предоставлявший купцам право продавать свои товары комиссии торговли по свободно-установленным ценам. Декрет получился таким образом довольно неясный. Правда, изъятие из-под реквизиции, установленное декретом 26 вандемьера для импортируемого сырья, распространено было на все виды импортных товаров. Но зато вопрос о максимуме в применении к импортным товарам был разрешен несколько двусмысленно. Действительно, что понимали авторы декрета под словами «свободное распоряжение» (*libre disposition*)? Означает ли это простую свободу от реквизиции, или же следует предположить, что импортируемые товары были освобождены от действия максимума? Очевидно, расплывчатость формулировки надо будет отнести за счет колебаний в правящей среде, проявление которых нам приходилось отмечать неоднократно.

Между тем, 12 фримера Конвент утвердил другой немаловажный проект, касающийся товаров, захваченных у неприятеля, в качестве военной добычи. Проект вводил распродажу с аукциона всех захваченных товаров. Приобретенные на аукционе товары приравнивались к продуктам внешней торговли и следовательно могли перепродаваться дальше, по рыночным ценам. Исключение составляли только товары, запрещенные к продаже, и продовольственные припасы, нужные флоту и сухопутным войскам.

Декрет 12 фримера в значительной степени удовлетворил торговые круги, жадно ожидавшие окончательной отмены максимума. По крайней мере представители Конвента в Бресте и Лориане поспешили сообщить о «благоприятных последствиях» закона 12 фримера. «С момента, когда закон стал известен в Лориане, цены на товары, принадлежащие бывшей Индийской компании, упали на одну треть... Повсюду царит

радость... Этот давно желанный закон возвращает мануфактурам сырье, которого они были лишены в течение долгого времени».²⁰⁴

Декреты 6 и 12 фримера пробили первую крупную брешь в здании, воздвигнутом законом о максимальных ценах.²⁰⁵

Соотношение сил внутри Конвента складывалось решительно неблагоприятно для закона 29 сентября 1793 г.

17 фримера Конвент заслушал пространнейший доклад Эшассерио «о настоящем положении промышленности и торговли и о средствах восстановить их на подлинных основах политической экономии». В этом докладе проводилась та мысль, что все беды, обрушившиеся на французскую торговлю, проистекли от забвения истинных основ экономической политики.

Эшассерио предложил также проект декрета в двух разделах и 18 параграфах. Первый параграф гласил: «Закон обеспечивает торговле покровительство, свободу и безопасность». Проект предусматривает также: учреждение особого совета торговли, возвращение всех ремесленников и рабочих, эмигрировавших из-за отсутствия заработков; обследование, через компетентных лиц, состояния мануфактуры и фабрик; кредитование предпринимателей и ремесленников, пострадавших в годы революции; премирование экспорта; пересмотр таможенных тарифов; спешную достройку сооружаемых каналов, ежегодное обнародование имен наиболее отличившихся «мануфактуристов, фабрикантов и рабочих» и т.д.

В проекте этом суммировались все предложения, уже ранее высказывавшиеся с трибуны Конвента, все — кроме одного и самого главного — кроме отмены максимума. Тибодо нашел проект декрета мало удовлетворительным и предложил Конвенту уполномочить комитеты представить доклад об изменении или полной отмене максимума.

В прениях выступило еще четыре оратора. Все они поддерживали Тибодо.

Конвент постановил напечатание доклада Эшассерио и предложил комитетам обсудить вопрос о максимуме в связи с вопросом об общем направлении экономической политики.

Комитеты принялись с необычайным рвением за исполнение директивы Конвента.

Доклад, составленный Жиро, и проект декрета об отмене максимума были доложены Конвенту в заседании 2 нивоа.

Он начал доклад с пространного исторического обзора вопроса о дороговизне. Переходя к оценке последствий максимума, Жиро нашел их совершенно плачевными. Единственный выход, по мнению докладчика, заключается «в скорейшем» устранении всех законов, разрушающих и стесняющих торговлю. Целесообразность этого мероприятия представляется ему совершенно бесспорной, поскольку речь идет о продуктах промышленности.

Несколько сложнее обстоит дело с продуктами земледелия. Жиро признал этот вопрос неясным, «нерешенным еще для многих из наших коллег». Он также считал вполне обоснованным опасение быстрого взвинчивания цен на предметы первой необходимости в первый момент после устранения максимума. Но, с другой стороны, максимум наносит неисчислимый вред земледелию. Он должен быть упразднен, хотя при этом свободу торговли и земледелия нужно как-то согласовать с необъятными потребностями государства. Потому-то предложенный проект и предусматривал сохранение за правительственными агентами предпочтительного права на закупку необходимых продуктов. Характерно также, что резко обрушиваясь на систему реквизиций. Жиро в своих выводах, в тексте предложенного им декрета, совершенно не касается реквизиций. В дискуссии, по докладу Жиро, происходившей 3 и 4 нивоа, большинство ораторов высказалось за отмену максимума. Только четверо из выступавших высказали сомнение в целесообразности немедленной ликвидации системы твердых цен.

Открывший дискуссию Лекуантр²⁰⁶ поставил под сомнение своевременность отмены максимума на хлеб и фураж. Он соглашался только на такое повышение ставок максимума, при котором взятая за исходную точку цена 1790 г. увеличивалась в два раза. На ряду с этим он подчеркивал необходимость целого ряда полицейских мероприятий и строгого контроля над исполнением максимума.

Лекуантра поддержал Селлье, высказавшийся против отмены максимальных цен на хлеб. Такая отмена была бы, по его мнению, крупнейшей политической ошибкой, которой не замедлят воспользоваться все враги свободы. Некоторые колебания проявились также и в речи Пелле.

4 нивоза в пользу максимума выступил Ноэль Пуант. Об этом выступлении одобрительно отозвался Бабеф, ставивший в особую заслугу Пуанту то, что «он открыто высказал сомнение в благодетельности, с точки зрения настоящего народа, последствий отмены максимума».²⁰⁷ «Богатые купцы, — заявил Пуант, — оскорбляют народную нищету и грозятся, что они в скором времени начнут принимать ассигнации на вес, в уплату за пищу для бедняков... Я сомневаюсь в том, что отмена максимума вернет нам изобилие... я опасаюсь, что ею воспользуются спекулянты».

Выступление Ноэля Пуанта вызвало резкую отповедь Барайона. В зале чуть не произошла свалка. После того, как порядок был восстановлен, Конвент последовательно принял 5 статей проекта и окончательно утвердил закон об отмене максимума.

Текст закона несколько отличается от текста проекта, представленного Комитетом торговли.²⁰⁸ Число статей увеличено с 10 до 16. И проект, и утвержденный текст продолжили срок действия реквизиций, наложенных отдельными дистриктами и коммунами впредь до получения необходимого количества зерна и, во всяком случае, не позже чем на 2 месяца. Окончательный текст развил это постановление в том смысле, что округам предоставлено было, в случае дальнейших заминок в снабжении рынков, объявить под реквизицией торговцев и обязать их снабжать рынки в порядке выполнения реквизиций. Срок действия этой статьи ограничен был одним месяцем, со дня издания закона. Разумеется, что при всяких реквизициях реквизируемые продукты должны были оплачиваться по рыночным ценам. Далее закон 4 нивоза объявил (ст. IX закона) абсолютную свободу обращения хлебного зерна, возвращаясь, в этом отношении, к нормам, установленным Конвентом в законе 8 декабря 1792 г.

Наконец, 9 нивоза Конвент принял особую прокламацию, свидетельствующую об известных опасениях, прочно укоренившихся в правящей термидорианской среде. С кислой миной авторы прокламации признают, что на первых порах нетерпение граждан, пожелавших ценою любых затрат запастись необходимыми продуктами, в соединении с суровостью зимней погоды, вызвало значительный рост цен. Зато они обещают, что в течение нескольких дней «скажутся счастливые результаты декрета, злонамеренно оклеветанного, но продиктованного заботами о спасении народа».

Так завершился цикл метаморфоз, проделанных Конвентом в области экономической политики. Постигнув, в свое время, железную необходимость таксации цен, пройдя через суровые испытания закона 29 сентября 1793 г., пролив не мало крови для поддержания максимума, Конвент вернулся к исходным позициям буржуазного фритредерства. Ведь все аргументы, которыми располагали термидорианцы против максимума, приводились уже с трибуны Конвента в иные времена, в иной обстановке. Не давая никаких данных для решения вопроса об экономических последствиях максимума, показания термидорианцев должны быть оценены исключительно с точки зрения тех реальных, классовых интересов, какие защищались ими в конце 1794 г.

Крупная торговая буржуазия, купцы-оптовики, тысячею нитей связанные с хозяйственной жизнью торговых приморских центров — вот собственно тот социальный слой, который руководит кампанией против максимума. «Честные купцы» инспирируют комиссаров Конвента, «честные купцы», не удовлетворенные половинчатостью законов 6 и 12 фримера, форсируют полную отмену максимума, «честные купцы» торжествуют на следующий день после падения ненавистного закона. Идею торжества фритредерства отражает социальный и политический триумф крупного торгового капитала.

На ряду с крупной торговой буржуазией, термидорианцы защищают и интересы зажиточных имущих слоев деревни, тех фермеров-кулаков, которые широко пользуются наемным трудом и активно участвуют в хлебной торговле. Самое слово *cultivateur* для них синоним крепкого крестьянина, имеющего обязательно одного или нескольких батраков.

Таким образом, фактическая, а затем и юридическая отмена максимума продиктована в первую голову интересами торговой буржуазии и имущего крестьянства. Что касается депутатов, настроенных против отмены максимума, то они отражали в своих выступлениях колебания, которым подвержены были известные слои мелкой буржуазии рабочего класса. Если голос их не прозвучал достаточно решительно, то это объясняется политической обстановкой, обрекавшей на неуспех всякую парламентскую акцию последышей Горы и их ближайшего окружения. Ни один из видных монтаньяров, как известно,²¹⁰ не принял участия в происходившей дискуссии.

Максимум пал не потому, что он вдруг стал одинаково ненужен, одинаково вреден для всех социальных слоев. Он пал, потому что в результате длительной классовой борьбы были разбиты и обессилены те общественные классы, которые в свое время вызывали его к жизни. Он пал, потому что победила крупная буржуазия.

ГЛАВА 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ПЕРВОГО ПЕРИОДА ТЕРМИДОРИАНСКОЙ РЕАКЦИИ

Хотя раскол анти-робеспьеристского лагеря и произошел по линии политических вопросов, тем не менее и в прессе, и в громадном потоке брошюр, и в протоколах Якобинского клуба можно найти целый ряд высказываний по вопросам социально-экономического порядка. Правда, в дебатах клуба экономические вопросы играли относительно второстепенную роль. Первой социальной проблемой, поставленной в порядок дня клуба, был вопрос о распродаже национальных имуществ. Он был поднят депутатом Дюкенуа, припомнившим в заседании 19 фруктидора, что его коллега Изорэ и он сам еще несколько месяцев тому назад указывали с трибуны Якобинского клуба на необходимость продавать национальные имущества мелкими клочками.²¹¹ При этом он сослался на пример, когда после кассации незаконно произведенной продажи кусок земли, шедший за 33 тысячи ливров, был разделен на мелкие участки и продан затем за 132 тысячи ливров. Монетье всецело поддержал Дюкенуа и подчеркнул необходимость издания такого закона, который ограничил бы размер продаваемых участков несколькими арпанами земли. Только при этом условии эмигрантская недвижимость сможет попасть в руки санкюлотов.

Выступление Дюкенуа и Монетье положило начало целой кампании в Конвенте, энергично поддержанной виднейшими якобинскими лидерами. Уже в заседании 21 фруктидора депутат и член Клуба Гастон (Gaston) обрушился на существующее положение вещей, при котором имущества, отобранные у «изменников и бандитов», на общую сумму в 6 миллиардов, находятся в руках неверных администраторов. В результате, жиреет кучка в 300 тысяч расточителей и пиявок. Законы, призванные воспрепятствовать этому, просто не исполняются. Гастон потребовал, «чтобы имущество монахов, эмигрантов и священников» было отчуждено навсегда. На этом он был прерван требованиями перехода к порядку дня. Термидорианец Виллер заявил, что он не сомневается в чистоте намерений своего коллеги, но что рвение Гастона завело его слишком далеко. Бентаболь потребовал отсылки предложений Гастона в Комитет. Однако, поддержанный Гужоном, Гастон продолжил свою речь. «Я хочу, — заявил он, — чтобы каждый санкюлот мог приобрести хотя бы маленький клочок земли». После него выступил Тальен, очень кстати вспомнивший, что интересы земледелия могут пострадать при слишком большом дроблении земельной собственности. Он предложил Комитету согласовать вопрос и, в конце концов, это предложение, поддержанное Бентаболом, и было принято Конвентом.

Самое разделение голосов за и против интерпелляции Гастона конечно не случайно. Реплики Гужона и Тальена очень выукло подчеркивают их принадлежность к различным классовым группировкам.

22 фруктидора в Конвенте выступил Дюкенуа. «Я прошу, — заявил он, — Комитет законодательства выработать проект, который предоставит бедным возможность воспользоваться благами революции и не позволит богатым монополично захватывать национальный домен». Дюкенуа был поддержан другим якобинским депутатом Файо, прочитавшим доклад, в котором он настаивал на том, чтобы национальные имущества распределялись небольшими участками между мелкими собственниками и лицами,

вообще лишенными собственности (non-proprietaires). Доклад. Файо весь пропитан отчетливо выраженными эгалитарными тенденциями. «Недопустимо, — указывал Файо. — чтобы несколько частных лиц могли, не трудясь сами, пользоваться плодами чужого труда... Мы не возродимся, пока все французы не станут трудиться для общего блага». При правильном распределении национальных имуществ они могли бы стать базой революционного правительства. «Общее благо — это равенство». Между тем, в действительности только богачи, жадные до округления своих владений, «только собственники становятся покупателями, да и иначе и не может быть при принятом, до сих пор, способе отчуждения... Какое дело неимущему труженику до того, кто приказывает ему орошать своим потом чужое поле, будут ли это монахи-бенедиктинцы или соседний скупщик (ассарагеур)? Что выиграет человечество от перемены собственника?» Далее Файо подчеркнул, что только при господстве равенства возможен подъем земледелия. Остается вопрос об ассигнациях, но он не настолько важен, чтобы идти в сравнение с другим, более общим вопросом, затрагивающим интересы всего народа. До сих пор ассигнации были ипотекой на национальные имущества, пусть они будут ипотекой на всю территорию Республики. В заключение Файо предложил проект декрета из шести статей. Согласно проекту часть национальных имуществ предназначается для даровой раздачи «защитникам отечества, их вдовам и сиротам».²²¹ Весь остаток должен быть распределен между мелкими собственниками и «республиканцами», вовсе лишенными собственности. При этом выплата стоимости таких мелких участков рассрочивается на 20 лет.

Правые термидорианцы приняли проект Файо в штыки. 27 фруктидора в Конвенте выступил Лозо и, от имени комитетов, начисто отверг основные положения проекта. Ход его аргументации следующий. Для субсидирования войны, для развития революции необходимо было заменить в денежном обращении золото и серебро ассигнациями. Только стабильность ассигнаций может обеспечить доведение войны до поражения всех деспотов. Проект Файо означает, по существу, национальное банкротство и гибель общественного кредита, потому что он разрушает ипотечную систему, лежащую в основе бумажно-денежного обращения. Подрыв курса ассигнаций вызовет исключительно резкое вздорожание всех продуктов и закон о максимуме не сможет тут ничем помочь. «Мы все убеждены в недостаточности этого революционного закона. Злоупотребления, вызванные им заставляют нас с нетерпением ожидать того момента, когда мы сможем от него отказаться». Наконец, против проекта Файо можно выдвинуть еще одно соображение более общего порядка: «в Республике с 24-миллионным населением невозможно, чтобы все были земледельцами... лица свободных профессий, негоцианты, различные торговцы, ремесленники, каменщики, сапожники, простые рабочие приносят такую же пользу Республике, как и земледельцы». Между тем «если каждый обязан будет обрабатывать свой клочок земли или свой виноградник, торговля и промышленность придут в совершенный упадок».

Таким образом в докладе Лозо удачно сочетались интересы крупнейших покупателей национальных имуществ и более общие интересы всего промышленно-капиталистического развития Франции. Последующая дискуссия была непродолжительна. Против Лозо выступил, в сущности, только один Гастон. Он прямо заявил, что принятие предложения комитетов будет иметь самые губительные последствия. Против Гастона высказались Тюрио, Дэрю (Desrues) и Бурдон (из Уазы). Бурдон сообщил собранию, что одно только разглашение проектов Файо вызвало падение курса ассигнаций на 33%. С большим пафосом подчеркнул он, что Конвент «всегда смотрел отеческим взглядом на класс неимущих, на самый ценный класс всего народа». Что касается опасений за судьбу национальных имуществ, то они плохо обоснованы, существует ведь известный «общественный стыд» (une pudeur publique), который удержит богача и не позволит ему отнимать у бедняка причитающееся ему достояние.

Наконец итог дискуссии подвел Камбон. Он также подошел к вопросу с точки зрения финансовых интересов и потребовал, чтобы Собрание энергично высказалось против всякой попытки нарушить установившийся порядок распродажи, и громогласно заявил о том, что «собственность будет тщательно охраняться». Предложения Камбона были приняты при гоме аплодисментов.

Так окончился якобинский маневр, представляющий собою первую попытку эпигонов Горы выступить с определенной социальной программой. В чем заключается объективный смысл этого маневра? По Матьезу, это апелляция к рабочему классу, апелляция к тому же являющаяся «плагиатом» знаменитых Вантозовских законов.²²² Верно ли это утверждение? Конечно нет. Проекты Гастона, Дюкенуа и Файо имеют в виду деревенскую бедноту, малоимущие и пролетаризованные слои деревенского населения. Попытка Лозо представить Файо как чистого «аграрианца» носит определенно демагогический характер. Также нельзя сводить все дело к простому плагиату вантозовских актов. За проектами Файо и др. стоит целая традиция якобинской политики. Декрет 3 июня 1793 г. о разделе национальных имуществ в общинах, не имеющих общинных земель, предусматривал отведение достаточного участка из земель, принадлежащих эмигрантам, «для того, чтобы выделить по десятине земли каждому главе семейства, который владеет меньшим количеством земли, или не владеет ею вовсе».²²³ Декрет 13 сентября 1793 г. видоизменил это положение, закрепив за главами семейств, не владеющих землей и проживающих в коммунах, где нет общинных земель, «возможность купить земли эмигрантов на 500 ливров каждый с рассрочкой платежей поровну на 20 лет без начисления процентов».²²⁴ Вантозовские законы, кроме того, совершенно не касались уже существующего комплекса национальных имуществ. Уже это одно снимает вопрос о «плагиате». Общее между всеми этими декретами и проектами то, что они в равной степени объединены мелкобуржуазным эгалитарным духом. Для нас сейчас важнее выяснить, в какой мере весь описанный нами «маневр» может повлиять на социально-классовую характеристику якобинской группы.

Относительно периода, непосредственно предшествовавшего 9 термидору, недавно было высказано мнение, сводящееся к тому, что именно в это время в якобинской деревенской политике... «решительно проявлялись и преобладали эгалитарные устремления».²²⁵ Тов. Фридлянд, высказавший это мнение, ссылается при этом на известный доклад Изоре, от 3 флореаля, на декрет об осушке болот, от 12 прериала, на прения в Якобинском клубе 1 флореаля и т.д.

Отнюдь не отрицая наличия эгалитарных тенденции в этих декретах и докладах, мы должны подчеркнуть, что подлинная классовая установка якобинцев сказалась не тут, а в их знаменитом законодательстве о сельскохозяйственных рабочих. Объективно законодательство это оказалось направленным против беднейшей части деревни, во имя отстаивания интересов кулацкой верхушки деревенского населения. Вся практика местной якобинской администрации совершенно недвусмысленно свидетельствует о том, что ее представители выступили как прямые агенты деревенского кулака.²²⁶ Эгалитарные тенденции Изоре и Дюкенуа так и остались тенденцией, кстати сказать, встретившей в высшей степени сдержанное отношение у официальных представителей правительства — у Колло д'Эрбуа и Кутона.²²⁷ Эти декларативные заявления разнились, как небо от земли, от повседневной, будничной практики якобинских властей, накануне 9 термидора.

Что же означало, в условиях быстро крепнущей реакции, возобновление эгалитарных устремлений, принявших теперь, кстати сказать, гораздо более радикальное и конкретное обличье, чем весной 1794 г. Мы имеем дело с определенным маневром, но не больше. Мелкая буржуазия, якобинского склада, ищет себе союзников слева, в беднейших слоях деревенского населения. Она перенимает, в силу определенных тактических соображений, представительство интересов этих слоев. Но и в ее собственной среде существуют известные колебания по этому вопросу. вспомним, хотя бы, выступления Камбона. Наталкиваясь на упорное сопротивление термидорианского большинства, диверсия якобинцев терпит решительное крушение.

II

Посмотрим теперь, как осмысливали деятели якобинского клуба свою социально-классовую позицию в городе, среди городского населения.

Экономические вопросы всплыли в заседаниях клуба только в конце фруктидора конечно не случайно. Это связано с первыми тревожными симптомами ухудшения продовольственного положения. В заседании 21 фруктидора по предложению Дюгэма общество приняло проект закона против ажиотажа и переслало его в Комитет финансов.²²⁸ Но в самый фокус экономические вопросы попали несколько позднее, а именно 11 брюмера (1 ноября). Первым заговорил о дороговизне член клуба Буассель,

автор небезызвестного «Катехизиса человеческого рода», любопытный представитель дореволюционного утопического социализма.²²⁹ Он указал на ряд злоупотреблений в снабжении Парижа, на то, что продается сырая мука, порченный сыр и т.д. После него выступал неизвестный член общества, попытавшийся опровергнуть утверждение Буасселя о дурном качестве сыра. Его реплика была прервана ропотом в зале, вынудившим оратора покинуть трибуну. Мор пытался убедить собрание в том, что качества муки вызваны исключительно тем, что хлеба после окончания сбора урожая долго лежали под открытым небом и подверглись воздействию обильных дождей. В начавшейся перепалке один из членов клуба жаловался на постороннюю публику, позволяющую себе всякими возгласами прерывать неугодных ей ораторов. Иначе оно и не могло быть. Затронутые вопросы носили слишком актуальный характер. Нельзя не отметить, что настроения присутствующих были очень противоречивы. Оратора, попробовавшего защищать злополучный сыр, разоблаченный Буасселем, выгнали. Очевидно, сыр был с душком. Но затем прогнали и другого оратора, который «изобличал торговцев, стесняющих и тормозящих обращение товаров для того, чтобы взвинчивать цены, и потребовал производства у них домашних обысков».²³⁰ Впрочем, т.Моносов слишком поспешно толкует этот «ропот» как результат «известной зажиточности слоев, поставляющих кадры рядовых якобинцев».²³¹ Если соблюдать полную точность в изложении прений, то придется отметить, что согласно протоколу оратор был прерван тогда, когда начал жаловаться на булочников, выпекающих плохой хлеб. Не нужно забывать, что шумели и галдели не «рядовые якобинцы», а толпа, наполнявшая хоры. Совершенно невероятно, чтобы эта толпа солидаризировалась с булочниками. Оратора прервали скорее, потому, что вся дискуссия казалась недоедающей толпе ненужной, бесплодной. Дюгэм, заняв трибуну, начал с того, что попытался успокоить толпу. «Правительство, — заявил он, — принимает все меры к снабжению Республики. Я не знаю, почему хотят теперь воскресить старые страхи...» По мнению Дюгэма, продовольственный кризис обусловлен тремя причинами — войной, алчностью и эгоизмом перекупщиков и низкими происками заговорщиков. «Общий максимум (le maximum universel) был подарком Питта, но терпение народа обратило его на пользу общему благу... Не нужно думать, что максимум сам по себе составил несчастье Республики, наоборот, он спас ее, являясь противовесом жадности торговцев».²³² Система реквизиций, по мнению Дюгэма, сама по себе хороша, но под влиянием воплей Шабо и Эбера ей придали слишком расширительное толкование. Сейчас положение существенно улучшилось. Открылись новые, неисчерпаемые ресурсы. Но «наши враги хотят повернуть нас из одной крайности в другую», предлагая вернуть неограниченную свободу торговли. «Смешно накладывать максимум на сливы, абрикосы и вишни, но также смешно оставить все на произвол жадности богатого скупщика. Надо остерегаться и того и другого».²³³ Правительство уже наметило ряд мероприятий, подлежащих утверждению Конвента. Его цель наладить снабжение армий и больших коммун, предоставив все остальное действию свободного обмена. Что касается дороговизны, то ее не может устранить никакой максимум. Она вызвана чрезмерным увеличением бумажных денег. Цены снизятся только тогда, когда Конвент изымет часть их из обращения.

Выступление Дюгэма несомненно имело декларативное значение и также несомненно, что тов. Моносов ошибается, полагая, что «Дюгэм выдвигает положения, сходные с требованиями электоральцев — ослабление максимума и доведение реквизиций до минимума».²³⁴ Во-первых, электоральцы требовали совсем не этого. Во-вторых, выступление Дюгэма заострено против фритредерства, против лозунга свободы торговли, объединившего электоральцев и правых термидорианцев.

Не будучи защитниками закона 29 сентября 1793 г. в полном его объеме, якобинцы высказывались против неограниченного фритредерства, начертанного на знамени термидорианской правой.

Как мелкий производитель или как розничный торговец, мелкий буржуа заинтересован был в мероприятиях, сковывающих безграничный размах крупнобуржуазного, спекулятивного накопления. И когда Дюгэм говорил о крайностях свободной торговли, он занимал позицию, всецело вытекающую из экономического положения представленных им слоев мелкой буржуазии.

Перейдем теперь к социальным воззрениям якобинцев. Общий способ представления классово-борьбы у якобинцев был таков, что для них на первом плане оказывался антагонизм бедных и богатых, патриотов и «расхитителей общественного доверия». С.Моносов совершенно правильно указывает, что якобинцы очень ясно сознавали, «что ядро их новых врагов составляет возродившаяся крупная буржуазия, выросшая, как гриб, на военных поставках, злоупотреблениях, спекуляции и нарушении революционных законов».²³⁵ Примеров этому очень много. Так 19 фруктидора на заседании клуба явилась депутация Общества друзей свободы и равенства, заседающего на улице Севр, и представила «исповедание веры», включающее, помимо пункта о необходимости поддержания революционного правительства, также и требование, чтобы богатые эгоисты были лишены возможности влиять на политику правительства».²³⁶

В заседании 23 фруктидора Каррье говорил: «После революции 9 и 10 термидора новая фракция стала во главе умеренных и расхитителей (des dilapidateurs); мы видели, как электоральный клуб, в котором фабриковались все заговоры, явился к решетке Конвента и представил контр-революционную петицию, требовал народных выборов, разрушения революционного правительства и неограниченной свободы печати, которая пошла бы на пользу одной аристократии»...²³⁷

Как видно из этого отрывка, даже электоральный клуб — оппозиция слева, трактовался якобинцами как оппозиция справа, как представитель интересов консервативной буржуазии.

В том же заседании Бийо-Варенн говорил о «бывших министрах, сосредоточивших в своих руках целые миллионы и домогающихся гибели Республики», имея в виду экс-комиссаров, вроде Тальена и Барраса, стремительно проделавших метаморфозу вращаясь в ряды нуворишей.

В день 3-ей санюлотиды Крассу разразился следующей репликой, по поводу проекта обращения к департаментам: «Невозможно, чтобы в чистой демократии 24 миллиона людей зависели от одного миллиона и чтобы трудолюбивый народ был в некотором роде на жаловании у нескольких лиц, располагающих достоянием в силу случая, интриги или хищения... Якобинцы, всегда защищавшие права народа и объединившиеся со всей нацией вокруг демократической конституции, призванной, охраняя права каждого, поставить всех на место для того, чтобы партия бедняков и трудолюбцев не была в зависимости от партии праздных богачей, якобинцы должны блюсти за тем, чтобы не установилась подобная система».²³⁸

Еще более отчетливую характеристику находим мы в речи Одуэна, произнесенной в заседании клуба 7 вандемьера III года (28 сентября). Фракция порядочных людей — «это профессиональные лентяи, наследственные богачи, люди, ставшие миллионерами благодаря хищениям, низостям и преступлениям; беспощадные эгоисты, извращеннейшие сибариты: они держат прекрасный стол, объедаются наиболее изысканными блюдами, напиваются лучшими винами, заменяя добродетель чувственностью и родину желудком».²³⁹

Иначе говоря, это аристократы всех мастей, умеренные, «снисходительные». В конечном счете они стремятся к восстановлению монархии и к порабощению миллионов санюлотов.

Однако и эту страстную филиппику против бессовестных сибаритов Одуэн считает необходимым пополнить следующим заявлением: «Пусть нам не говорят, что наша цель — это грабить богатых, пусть они сохраняют свои плохо или хорошо приобретенные богатства — народ просит только хлеба и работы, он сумеет удовольствоваться этим; пусть только богатые представят ему по крайней мере возможность мирно вкушать плоды его работы, его усталости, его добродетели». Таким образом, вся декламация против нуворишей оказывается выстрелом вхолостую, бессильным протестом мелкой буржуазии, органически неспособной к социально-радикальным выводам, противоречащим всей ее классово-природе.

Еще более радикальные высказывания находим мы в газете «Друг народа», первые шестнадцать номеров которой редактировались левым якобинцем Шалем, близким по некоторым своим высказываниям к эбертистам и электоральцам».²⁴⁰ «Друг народа» был широко известен членам клуба, так в заседании 5 брюмера был прочитан № 9 газеты,

встреченный «бурными аплодисментами».²⁴¹ Собрание, по предложению Ромма, постановило бесплатно раздать этот номер членам и гостям клуба.

У Шалья мы находим любопытный взгляд на конечные цели революции и на ее движущие силы. «Нам говорят, — читаем мы в № 3, от 4 вандемьера, — что революция окончилась. Вот загадочное слово! Не хотят больше ни революции, ни революционных мероприятий, ни революционного правительства... Только народ, а это значит рабочий класс, масса санкюлотов, вся нация, за исключением миллиона Дюбуа-Крансэ, не сказали еще: революция закончена. Когда народ скажет это? Вот то, чего я не знаю».²⁴²

В № 4-м, от 7 вандемьера, ставится вопрос о цели революции. «В чем цель революции? — пишет Шаль и дает тут же следующий ответ: в том, чтобы беспартийное, но народное законодательство охраняло слабого против сильного, бедного против богатого, человека чистого и трудолюбивого против ленивого и презренного рантье».²⁴³ Можно ли считать эту цель революции достигнутой? Конечно нет. Прочны лишь внешние ее успехи. На самом же деле «богач боится и презирает бедного... аристократ называет себя патриотом, патриот же обвинен в честолюбии, интригах и хищении».²⁴⁴ Успехи революции на фронтах объясняются тем, что богатые из всех сил помогают санкюлотам, внутри же страны они всячески вредят им, потому что не хотят подлинного, «народного» правительства. Во внешних же успехах богатые заинтересованы материально. «1200 тысяч санкюлотов проливают свою кровь за дело богатые, которые не хотят, внутри страны, брататься с этими санкюлотами и держаться уровня равенства (*ni marcher sous le niveau de l'égalité*)... Рано или поздно, но правительство установится или в направлении, желательном для богатей, или на благо и счастье санкюлотов».²⁴⁵

Уже из приведенных цитат видно, что Шаль значительно раньше Бабефа поставил вопрос о рабочем классе и о классовой сущности послетермидоровского режима. У Бабефа первые упоминания о «бедном рабочем» появляются, в № 28 «Народного трибуна», в начале 1795 г., когда реакция успела восторжествовать по всему фронту. Первую попытку найти классовую базу «двух совершенно противоположных партий», одной, стоящей за республику буржуазную и аристократическую, и другой, требующей, чтобы «республика сохранила чисто народный и демократический характер», мы находим только в № 29 «Народного Трибуна».²⁴⁶ Таким образом, в этих вопросах мы должны отдать первенство Шалю.

Высказываясь в униссон с якобинцами за сохранение революционного правительства, Шаль обосновывает это требование соображениями более конкретного порядка. «Мы приближаемся к зиме. Но кто поручится за то, что благосклонное небо и на этот раз смягчит ее суровость?.. Но если лед приостановит навигацию, если дожди и снега затруднят перевозку по суше, если прервутся работы в мастерских, в городах и в деревне, если ажиотаж, спекуляция и алчность воспользуются всеми этими обстоятельствами, если закон о максимуме перестанут исполнять (разрядка наша), если заработная плата рабочего перестанет находиться в соответствии с исключительной дороговизной жизни... тогда, я спрашиваю вас, что будет с нами, если мы будем лишены крепкого, революционного правительства».²⁴⁷

Начало решительного переворота в сторону реакции Шаль ощутил гораздо раньше Бабефа. Уже в № 5, от 12 вандемьера, он жалуется на «систему всеобщей дезорганизации... подготавливающей и освящающей аристократию богатых». Аристократия обзывает интриганами лиц, «достаточно смелых, чтобы противостоять влиянию богатей». Конвент бессилен, потому что он не знает правды. В № 9 Шаль восклицает: «Как! неужели же мы работали для того, чтобы установить царство буржуазной аристократии, самое невыносимое и самое унижительное из всех».²⁴⁸

Любопытно, что в последних номерах «Друга Народа», писанных после закрытия Якобинского клуба, Шаль выдвигает лозунг немедленного проведения в жизнь конституции 1793 г. Уже в № 12 от 5 фримера (24 ноября), читаем: «Цель революции — это торжество народа и равенства... Патриоты работают на благо народа. Патриоты хотят конституции 93-го года».²⁴⁹ Основная ошибка, основной грех Робеспьера в том, что он отсрочил введение конституции. Так Шаль выкидывает лозунг, ставший затем центральным пунктом в политической программе прериальского восстания. В № 13 он дает совершенно точное определение буржуазного аристократа. «Тот, кто обогатился в течение революции посредством спекуляции и ажиотажа, благодаря исключительному

росту цен на жизненно необходимые продукты и за счет общей нищеты — тот аристократ».²⁵⁰ Эта аристократия будет стремиться к тому, чтобы разрушить Париж, «колыбель республики и могилу всякой тирании». В противном же случае, если Париж станет добычей аристократов, на манер венецианской или женеvской, он будет иметь против себя весь французский народ. «Под народом, — замечает далее Шаль, — я подразумеваю *рабочий и неимущий класс* (разрядка наша) (*la classe ouvriere et peu aisee*)».²⁵² В неминуемой, тогда, гражданской войне аристократический Париж будет поддержан всего только одним миллионом богачей и собственников.

Таким образом, Шаль воспринимает происходящую классовую борьбу как столкновение между новой, спекулятивной буржуазией и рабочим классом, являющимся как бы авангардом всей трудящейся и неимущей Франции. Однако из этого отнюдь еще не следует, что он является сторонником гражданской войны. Наоборот, он проповедует завершение и стабилизацию революции, которая может быть достигнута при поддержке мелкой буржуазии — «класса, находящегося между бедностью и богатством, между патриотизмом и аристократией, между коррупцией и добродетелью».²⁵³ Этот класс должен совместно со всей массой санкюлотов добиваться введения конституции 1793 г. и почетного, прочного мира с Европой.

Только тогда революция завершится на благо всей Республике, только тогда «возродятся к новой жизни промышленность, земледелие, торговля и ремесла».

В конечном счете и Шаль, представитель самого радикального уклона Горы, введший на свои страницы пролетариат как самостоятельный фактор классовой борьбы, все же остается выразителем интересов мелкой буржуазии. Он проповедует равенство, но самое это равенство истолковывает формально. Он ставит экономическую проблему, но ставит ее робко и нерешительно. Политически приближаясь к высказываниям электоральцев, он организационно остается связанным с якобинским клубом. Это и определяет, в конечном счете, его классовую физиономию.

III

Характеристику экономических воззрений якобинцев можно дополнить, привлекая некоторые памфлеты, не содержащие, правда, прямых указаний на политические симпатии их авторов, но проводящие родственные якобинцам, анти-фритредерские тенденции. В печатном «Обращении гражданина Саро к народным представителям», помеченном 5 вандемьера, содержится целый проект нового максимума. По мнению Саро «республиканцам» нужны хлеб, мясо, вино, дрова и водка. При таксации хлеба нужно установить скалу, по которой в течение первых двух месяцев он будет продаваться по 30 ливров за сетье, в течение третьего месяца по 27 л. и течение четвертого по 25 л.

Такая же скала должна быть установлена и для вина, причем цена боченка должна упасть со 150 до 125 и 100 ливров; тогда «спекулянты перестанут скупать хлеб, потому что они не захотят, заплатив 30 или 27 л. за хлеб, продавать его потом по 25».²⁵⁴ Точно также, и мясные торговцы не будут иметь поводов к накоплению запасов. Наконец, рабочие и поденщики сами снизят свою заработную плату и, таким образом, будут полностью ограждены интересы и собственников и потребителей.

В других памфлетах на первый план выдвигаются репрессивные мероприятия. Печатный «Адрес об исполнении максимума»²⁵⁵ выдвигает идею декрета, который предоставит конвентским комиссарам право, в один и тот же срок, по всей территории Республики, заставить исполнить максимум, «ценой каких угодно мер, лишь бы они были действительными». Для осуществления этих мероприятий должны быть мобилизованы «патриоты из народных обществ», вокруг которых сплотится вся масса деревенских патриотов, способных устроить эгоистов, купцов и собственников». Адрес коллективный, он составлен в Маконе и помечен 10 брюмера III года.

К этим памфлетам можно причислить шуточный адрес парижских пьяниц, направленный против виноторговцев, нарушающих ставки, установленные максимумом. Адрес обращается «к кабатчикам и виноторговцам, этим отъявленным мошенникам», которых не может исправить никакая революция.²⁵⁶ Пьяницы любят свободу и любят вино. Адрес провозглашает привет и братство всем добрым выпивалам.

Как видим, цитированные памфлеты сходятся в одном: их позиция заострена против лозунгов неограниченного фритредерства. Поэтому их и можно зачислить в идейный арсенал эпигонов Горы.

IV

Перейдем теперь к правым термидорианцам. Анализ их социально-экономических воззрений не представляет какую-либо особую трудность.

При оценке итогов якобинского периода, право-термидорианским публицистам надо было подать Робеспьера как всеобщего разрушителя, как врага имущих, собственнических слоев общества. Литературная форма термидорианских памфлетов была зачастую такова, что они заставляли высказываться самого Робеспьера. Бесчисленные «Послания из ада» или «Диалоги в аду» бесконечно варьируют одни и те же социальные мотивы. «Еще я хотел... ограбить имущества, прикрываясь общественным доверием... привести к голоду, говоря об изобилии; разрушить торговлю, поощряя ее для видимости» — читаем мы в брошюре, озаглавленной «Голова, охвостья или первое послание Робеспьера к его продолжателям».²⁵⁷ «Я хотел наказать парижан, — читаем мы в другой брошюре, — за неблагодарность, проявленную ими в отношении меня, и лишить их, с этой целью, всяких средств к существованию».²⁵⁸ Там же Робеспьер сообщает об оставленном им в его бумагах революционном катехизисе. «Я рекомендую моим последователям прочесть его и воспользоваться содержащимися в нем указаниями. Они узнают тогда, как надо поступать с богатыми, с торговцами, с учеными».²⁵⁹

Более полное развитие тех же мыслей мы находим в брошюре «Второе заседание inferнального клуба». Автор брошюры устраивает в аду пленарное заседание живых и мертвых робеспьеристов. Присутствуют Каррье, Фуке-Тэнвилль, Бийо-Варенн, Шабо и другие. На заседание являются представители революционных комитетов Лаона, Отена, секции Гравилье и жалуются на преследования, которым они подвергаются со стороны «Собственников, ремесленников (des artisans), земледельцев, торговцев, журналистов, Фреронов, Бабефов (разрядка наша), народных представителей, забавляющихся уже в течение месяца тем, что от безделья занимаются травлей якобинцев и угрожают кинжалами свободе».²⁶⁰ В этом отрывке все очень характерно — и тесное сближение Фрерона с Бабефом и характеристика социальной среды, ополчившейся на якобинцев. Дальше автор выпускает на сцену Барера. Этот последний очень озабочен благодетельными последствиями новой политики Конвента. «Торговля начинает возрождаться, промышленность оживляется, невинность охраняется законом». Он призывает сокрушить Конвент, желающий за наш счет обеспечить свободу торговли».²⁶¹ Бийо-Варенн также озабочен срывом конвентских мероприятий. Он рекомендует три средства, способные вернуть якобинцам утраченный кредит. Первое из них это тщательное исполнение закона о максимуме, второе — восстановление революционных комитетов, третье — восстановление выплаты 40 су участникам секционных собраний. Особое заявление, посвященное максимуму, делает Шабо. «Мне принадлежит, — говорит он, — идея этого закона, известно, что я первый предложил его Конвенту, вопреки возражениям всех просвещенных людей, вопреки голосу совести, вопреки предвидению целого ряда несчастий. Но я был куплен Питтом, я дал ему обещание, и вы помогли мне сдержать слово. Между тем, это была совершенно ошибочная мера, способная только взволновать народ и заставить исчезнуть все необходимые припасы. По видимости она была направлена против купцов и спекулянтов, на самом же деле она только им и покровительствовала. Всей своей тяжестью она, в конечном результате, обрушивалась на потребителя и на ремесленника. Чем строже законы, тем активнее нарушающая их контрабанда, тем больше угнетены порядочные люди, тем ближе к гибели правительство... Бийо прав: сохраните максимум, и вскоре вы вновь завоюете потерянную почву».²⁶²

Шабо вторит Каррье. По его мнению нужно вызвать искусственное исчезновение с рынков свечей и мыла. Бийо вторично настаивает на необходимости сохранить максимум.

Во всей этой термидорианской фантазии бросается в глаза тенденция автора, сводящаяся к тому, чтобы возложить на робеспьеристов, на охвостье — ответственность за поддержание максимума. Такая тенденция проявляется и в других брошюрах... Так в брошюре Мэе де ла Туш (Mehee de la Touche) «Новые диалоги мертвых» мирно беседуют Нерон и Робеспьер. Все симпатии автора, конечно, на стороне Нерона. В его уста он вкладывает целую филиппику, направленную против политики Робеспьера. Нерон упрекает последнего в терроре против богачей и в любви к бедным: «вводили произвольные налоги, по первому подозрению захватывали, грабили и конфисковывали чужую собственность, каждый из твоих агентов устанавливал твердые цены по собственному капризу: вздыхали по равенству и ты создал патрициат из нищих, из доносчиков и из жуликов».²⁶³ Разошедшийся термидорианский борзописец противопоставляет Робеспьеру добродетельного Нерона.

Нерон говорит: «я поддерживал существующий социальный порядок, я не нападал на собственников, бедняку нечего было опасаться меня...»²⁶⁴

В другом памфлете беседуют народ и чудовище великан Террор. Террор говорит народу: «Твои собственные интересы требуют, чтобы смерть поразила всех купцов, потому что мы не хотим никакой торговли, всех богачей, потому что равенство их не терпит, всех земледельцев, потому что все они перекупщики».²⁶⁵

Не были единичны попытки представить дело так, что якобинцы и, в частности, Робеспьер сознательно стремились к тому, чтобы разрушить хозяйство Франции и вызвать голод... «Якобинцы разрушили торговлю, — пишет некий Буарю (Boisrue), — в надежде взять патриотов измором, потому что они знают, что торговля и промышленность составляют питание нации. Конвент восстановит и ту и другую».²⁶⁶

Под «восстановлением торговли и промышленности» терминология правых термидорианцев подразумевала возврат к политике неограниченного фритредерства. В № 43 фрероновского «Orateur du peuple» помещена статья о максимуме, носящая несомненно декларативный характер. Статья берется доказать людям, «совершенно не просвещенным в вопросах торговли и политической экономии», пагубные последствия «чудовищного» закона.²⁶⁸

Прежде всего, по мнению газеты, цены ни на один товар не поддаются точному исчислению. В обычное время земледelec собирает 4 сетье пшеницы с арпана и, затем, продавая их по 20 ливров за сетье, выручает 80 л., необходимых ему для покрытия издержек производства и прокормления себя и своей семьи. Однако, в случае неурожая или вздорожания рабочих рук, он принужден будет значительно повысить отпускную цену. Таким образом, проведение максимума должно привести и действительно привело к сокращению посевной площади. Совершенно бессмысленно предполагать, что с этим злом можно бороться, применяя насильственные средства.

Газета резко осуждает декрет Конвента, продливший действие максимума. За импортный хлеб правительство уплачивает до 63 л. звонкой монетой, или, иначе говоря, до 190 л. ассигнациями, за сетье. Между тем внутри страны хлеб по новым ставкам стоит только 35 л. «Очевидно, что иностранному земледелию покровительствуют за счет отечественного».²⁶⁹ Единственная правильная политика это политика высоких цен на хлеб. Только она может стимулировать крестьянина. «Выгодная продажа удваивает его энергию и заставляет его делать все возможное для получения обильных урожаев».

Главным аргументом сторонников максимума является то, что свобода торговли приведет к росту ажиотажа. В статье, посвященной перекупкам,²⁷⁰ «L'orateur du peuple» стремится «математически» доказать невозможность спекуляции в условиях свободной торговли. Оказывается, изобилие предметов первой необходимости делает их непригодными для перекупок. Кроме того, всякое взвинчивание цен приводит к тому, что одновременно растут цены и на все остальные товары. Спекуляция развивается только при наличии законов, стесняющих свободную конкуренцию.

На ряду с максимумом газета нападает также на систему реквизиций. «Реквизиции сделали невозможным обращение товаров и вызвали остановку работы на фабриках, лишившихся необходимого сырья».²⁷¹

Единственной панацеей от всех бед газета считает восстановление свободы торговли.

При всей непритязательности и поверхности псевдо-математической аргументации газеты, классовая ее сущность не вызывает никаких сомнений. Мы имеем дело с обоснованной защитой экономических интересов кулака и спекулятивно-торговой буржуазии.

Были и брошюры, специально направленные против максимума. В «Размышлениях о максимуме» некоего Луазо можно прочесть о том, что максимум и реквизиции противоречат основным принципам естественного права. Луазо особо подчеркивает пагубную по его мнению, роль ассигнаций. Урожай в революционные годы были изобильны и, тем не менее, в стране нехватка хлеба, да и самый хлеб плохого качества. Луазо отмечает также рост дороговизны. Мясо поднялось с 10 су до 30, бутылка вина, стоившая до революции 13—14 су, продается теперь за 30—40. Колониальные товары, а также свечи и мыло вздорожали совершенно неслыханно. Наконец, хлеб стоит 8 и 10 су повсюду, кроме Парижа, «где опасаются анархических движений».²⁷² Вся беда, по мнению Луазо, в том, что правительство взяло на себя заведывание снабжением, а это совершенно «противоестественно». Вмешательство привело к массовому расхищению и порче продуктов. Другим злом является рост заработной платы. Если раньше сельскохозяйственный рабочий получал 20 су, то теперь ему платят и 5 и 6 ливров, в больших городах заработок поднялся до 10, 12 и 20 л. С негодованием Луазо отмечает, что рабочим в механических ремеслах платят до 30 л. Строительные рабочие, зарабатывающие 17 л. в день, потребовали, по его словам, новой ставки в 18 л., на том основании, что таков ежедневный заработок членов Конвента. Такие заработки означают «расточение накопленных богатств».²⁷³

Луазо призывает к немедленной отмене максимума и реквизиций. Бояться совершенно нечего. «Разбойники, лишённые вождей, совершенно бессильны... якобинцы больше не существуют».²⁷⁴ Упразднение максимума может совершиться безболезненно и «без всяких осложнений».

Таков же ход рассуждений в анонимных «Размышлениях о максимуме», автор которых призывает к отмщению за угнетенную торговлю.²⁷⁵ В брошюре особое внимание уделено вопросам внешней торговли. Настаивая на отмене максимума, аукционной распродаже призов и взимании контрибуции с завоеванных областей, в предметах первой необходимости, автор полагает, что восстановление свободы торговли откроет перед Республикой новые и неисчерпаемые ресурсы.

«Основная причина... всех бед — это максимум, — читаем мы в «Патриотических размышлениях» кожевника Дерюбиньи, посвященных, главным образом, положению кожевенно-дубильной промышленности. — Законодатели... во имя любви к общему благу упраздните максимум, верните свободу торговле!»²⁷⁶

Автор памфлета «Доказательство контр-революционности максимума»,²⁷⁷ составленного в форме диалога двух граждан А и В, прибегает к ссылкам исторического порядка. В Афинах, после изгнания Пизистратидов, в Риме, свергшем Тарквиния, в Англии XVII в., наконец, в Соединенных штатах, повсюду революция совпала с расцветом торговли. Франция не Спарта. «Чтобы заставить соблюдать максимум во Франции, нужно сделать из нее монастырь, изгнать таланты, разрушить мануфактуру Гобеленов, мануфактуру Ван-Робэ, телеграф Шапталя и типографские станки Жиффруа». Не будет ни промышленности, ни земледелия. Бийо-Варенн останется без штанов, и Дюгэм без бургундского вина.

Мы видим, таким образом, что все брошюры бьют в одну точку. Боевое фритредерство, вот лозунг спекулятивно-торговой буржуазии и деревенского кулачества. Его глашатаем становится термидорианская правая.

V

Обрисовав социально-экономические воззрения левых и правых термидорианцев, мы должны были бы перейти к левой оппозиции, к электоральцам. К сожалению, материал по данному вопросу слишком скуден и сводится к петиции электорального клуба, анализом которой мы занялись во втором очерке нашей книги. Фритредерские тенденции этой петиции несомненно отражают настроения, возникшие в известных слоях рабочего класса на почве разочарования в максимуме.

Бабеф, как известно, разошелся с электоральцами в оценке экономического положения. Комментируя их петицию, он писал: «еще долгое время нам нужны будут

законы против корыстолюбия. Для достижения блага, быть может, достаточно добиться их исполнения».²⁷⁸ Как видим, Бабеф оказался гораздо проникательнее своих единомышленников из электорального клуба. Выступление Бабефа доказывает также, что в среде «левой оппозиции» не было полного единодушия по экономическим вопросам. Фритредерство электоральцев носило случайный, поверхностный характер. Они были излечены от него великим голодом начала 1795 г.

ГЛАВА 5. ЖЕРМИНАЛЬ

Отменяя максимум, сами термидорианцы опасались того эффекта, какой произведет подобное мероприятие среди трудящегося населения Парижа. Опасения эти были вполне основательны. За провозглашением свободы торговли последовал конвульсивный скачек цен. Рост дороговизны заставил сожалеть о временах максимума чуть ли не на следующий день после его отмены.²⁷⁹ «Пока не обуздают свободу, мы останемся несчастными, потому что с упразднением максимума торговцы продают свои товары по тем ценам, по каким им заблагорассудится».²⁸⁰ Такие разговоры отмечены в полицейском рапорте от 12 нивога. Несколько дней спустя в уличных сборищах открыто высказывали сомнение в достоверности сообщения Буасси д'Англа о благодетельных последствиях отмены максимума в Орлеане. «Говорили, что цены в Орлеане не могли упасть в то самое время, когда в Париже они, со дня упразднения максимума, выросли в два раза».²⁸²

Самый беглый просмотр полицейских донесений убеждает нас в том, что с середины нивога продовольственный вопрос начинает играть доминирующую роль в быту парижского населения. Наступает время, когда буквально в каждом рапорте можно прочесть несколько строк, посвященных «хлебу насущному». Нет надобности давать исчерпывающую сводку всего материала. Отметим только, что самым характерным в этом кризисе был катастрофически быстрый рост цен, шедший рука об руку с постепенным исчезновением с рынков целого ряда предметов первой необходимости и, в первую очередь, хлеба.

В полицейских донесениях рассыпан обильный материал, позволяющий судить о росте дороговизны в течение нивога, плювиоза и вантоза III года. Уже 15 нивога сообщается о том, что «купцы ежедневно, в несколько приемов, повышают цены на свои товары, стремясь, очевидно, к полному обесценению ассигнаций».²⁸³ Еще более красноречивы количественные показатели. Накануне отмены максимума масло на вольном рынке продавалось по 3—3,5 ливра фунт, мясо по 20—26 су. К середине нивога мясо поднялось в цене до 30—40 су, масло до 4 ливров, сыр до 19 ливров 10 су. Свинина в розничной продаже стоила 52 су за фунт. В дальнейшем, особенно быстро возрастали цены на мясо. В начале плювиоза, в предместьях Мартэн и Дени, мясо продавалось по 40—50 су. Полицейская сводка от 12 плювиоза содержит следующие данные о движении цен: мясо стоит 38—45 су, свинина от 2 ливров 10 су до 3 ливров, масло — 3 ливра 10 су. За яйца платили 175 ливров за 1000 штук. Ровно через неделю цена на яйца возросла до 220 ливров, на масло до 4 ливров. 21 плювиоза мясо стоило уже 3 ливра, свинина — 2 ливра 18 су, яйца — 6 су штука.²⁸⁴ Через 5 дней 26 плювиоза за мясо платили от 3 ливров 5 су до 3 ливров 10 су. Полицейский рапорт признает эту цену «исключительной». Мясо становится, благодаря ей, совершенно недоступным.

Между тем, в начале вантоза, мясо продавалось уже по 3 л. 8 су, а масло, поступавшее в небольших количествах — по 3 л. 15 су. Если мы возьмем конец того же месяца, то окажется, что цены испытали новый скачек. Так 24 вантоза масло стоило уже от 5 л. 15 су до 6 л. Сильно подорожали к этому времени овощи. Четверик картофеля продавался за 10 л., до отмены максимума он стоил 3 л. Цена на мясо поднялась до 3 л. 20 су. В начале жерминаля новый скачек вверх — мясо продается по 7 л. су.²⁸⁵ Мясо худшего качества, обрезки можно было купить и по более дешевой цене, но оно было такого качества, что не годилось в пищу даже собакам. Общее для всей Франции сокращение рогатого скота привело к тому, что в Туре за корову платили 60 л. звонкой монетой или 1800 л. ассигнациями, в то время, как в Париже 60 л. звонкой монеты представляли все еще 500—600 л. бумажных денег.

Так обстояло дело с ростом цен на продукты животноводства и отчасти на овощи. Отметим сейчас же, что в наших источниках нет недостатка в указаниях на то, что снабжение рынков и базаров Парижа всеми этими продуктами находилось в довольно удовлетворительном состоянии. Правда, не приходится говорить о каком-либо улучшении, связанном, хотя бы косвенно, с отменой максимума, но и резкого перелома, резкого ухудшения не было. Продукты были налицо, но они были недоступны трудящимся в силу своей дороговизны. Это отмечается и в полицейских донесениях. «La Halle хорошо снабжен мясом» — констатирует рапорт от 18 нивоza. В начале плювиоза «на рынках и базарах мясо находится в изобилии». Несколько хуже с овощами, их подвоз тормозится благодаря дурной, холодной погоде. «Овощи редки, — читаем мы в рапорте от 5 плювиоза, — но всех остальных продуктов очень много, в частности изобилует мясо, свинина, яйца. В течение всего плювиоза фраза «bien fourni» — хорошо снабжены — становится стереотипной, она повторяется чуть ли не в каждом донесении. Иногда рапорты прибегают к еще более красочным выражениям. «Рынки прекрасно снабжены, можно найти много овощей, корнеплодов, солений, сыров; также много хорошего мяса и свинины». В другом донесении говорится о продуктах всякого рода, продающихся по «очень высоким ценам». В начале вантоза положение несколько изменилось к худшему. Целый ряд донесений говорит о слабом снабжении рынков, но уже в 10-х числах мы можем встретить и обратные утверждения. Рапорт от вантоза констатирует, например, что «рынки снабжены очень хорошо, в особенности мясом». 11 вантоза прибыло очень мало овощей и всего одна повозка яиц. Да и мяса было маловато, зато можно было достать сколько угодно свежей свинины. 22 вантоза мясной рынок был завален припасами, было много и других продуктов, но они продавались «по чудовищным ценам». 28 вантоза та же картина. «Мясной рынок снабжен всем необходимым, насчитано до 40 свиней, но зато мало баранов».²⁸⁷

Переходя к первым числам жерминаля, к самому кануну восстания, мы наблюдаем ту же картину. В донесениях от 5, 6, 9 и 11 жерминаля говорится об «очень хорошем снабжении рынков», о «больших количествах» мяса и других продуктов.

Вывод напрашивается сам собой. **Продовольственный кризис вызван исключительно ростом цен, ростом дороговизны. Он никак не может быть объяснен недостатком продуктов, недостаточным их подвозом в Париж или плохим снабжением столичных рынков. Все своеобразие кризиса начала 1795 г. и заключается в том, что это был кризис, разразившийся «посреди изобилия», как любили тогда выражаться, и поразивший почти исключительно низшие классы общества — пролетариат и пролетаризирующуюся часть мелкой буржуазии.**

Рост кризиса и сопровождавшей его паники может быть хорошо прослежен по тем же полицейским донесениям. Уже в самый момент отмены максимума картина была в сущности такова, что трудящееся население, предоставленное самому себе, могло буквально умереть с голоду. Опасаясь, и вполне резонно, политических последствий кризиса, термидорианцы сохранили раздачу хлеба и мяса по казенной цене: 3 су за фунт хлеба и 16—18 су за фунт мяса. Быстрый скачек цен сразу вычеркнул трудящийся Париж из круга потребителей вздорожавших продуктов зернового хозяйства, огородничества и животноводства. Отныне основой народного продовольствия должен был стать скудный, казенный паек.

Нужно тут же упомянуть, что мясо выдавалось нерегулярно и в таких ничтожных дозах, что фактически 4 дня из 5 население столицы питалось одним только хлебом.²⁸⁸ Но даже это полуголодное существование оказывалось на деле непрочным, необеспеченным и грозило перейти в состояние полнейшего голода.

Виною этому была продовольственная политика термидорианских властей. Упразднив максимум, торжествующие фрित्रедеры 17 нивоza разрушили одну из центральных пружин якобинской администрации — Комиссию торговли и снабжения, заменив ее новой комиссией снабжений, которой поручено было организовать продовольствие армий Республики и руководить всеми государственными закупками продовольственных припасов как внутри страны, так и за границей. Докладчиком по этому вопросу выступил Буасси д'Англа, занявшийся, главным образом, критикой якобинской системы. «Из Франции, — говорил он, — хотели сделать корпорацию монахов. Государство одно должно было все определять, всем руководить; оно должно было стать

единственным торговцем, единственным земледельцем, единственным фабрикантом. Так, сосредоточив в своих руках все богатства, руководя всеми работами, оно стало бы источником неслыханной тирании... Этот план предусматривал упразднение всех состояний посредством убийства богатых людей; разрушение всех торговых домов, мастерских, контор и полное разорение промышленности». Казалось бы, что последовательное фритредерство должно было привести к полнейшему торжеству «Laissez faire!»... Но, сам Буасси д'Англа признал, что в условиях войны должны быть сохранены кое-какие начатки государственного регулирования хозяйства. Между якобинской комиссией и новой комиссией, возглавленной Буасси д'Англа, легла с самого начала глубокая пропасть. При всем внешнем сходстве учреждения эти обслуживали совершенно различные классовые интересы. Комиссия Буасси д'Англа осуществляла принцип государственного вмешательства лишь поскольку этого требовали политические интересы термидорианской крупной буржуазии и отчасти потребности обороны.

II

В истории продовольственного кризиса начала 1795 г. мы можем довольно отчетливо отграничить первый период, период сравнительного благополучия, когда казенный паек составлял 2 фунта хлеба в день на человека. Но и тогда не было недостатка в жестокой нужде и в самых зловещих слухах о неизбежно грядущем голоде. «В публичных местах, в кафе и трактирах говорят: «К чорту республику! Мы нуждаемся во всем, только богачам хватает хлеба...»²⁸⁹ Таковы типические настроения еще в середине нивоза. Тогда же начались разговоры о необходимости домашних обысков. Не хватало свечей. Выдавали их по полфунта на 40 дней. В частной продаже свечи стоили чудовищную сумму — 5—6 л. штука. Мелкие ремесленники и кустари, населявшие секцию Гравилье, не могли больше по вечерам заниматься своей работой. «Народ, — читаем мы в донесении от 21 нивоза, — горько жалуется на возрастающую дороговизну припасов... Сообщения о голоде, идущие из департаментов, заставляют опасаться самых серьезных волнений».²⁹⁰

Приблизительно в эти же дни по предместьям поползли тревожные слухи о предстоящем сокращении хлебного пайка. «Говорят, что по карточкам будут, в конце концов, давать не больше полфунта хлеба».²⁹¹ Полиция тогда же приняла меры к обнаружению и задержанию паникеров. Между тем, в самих полицейских донесениях содержались указания на вновь возникшие трудности с хлебом. Булочные находились под самым тщательным наблюдением, и вот оказалось, что часть булочников отпускала хлеб без карточек, а другая приостановила выпечку, под предлогом нехватки дров. «Народ ропщет против негоциантов и купцов, ненасытная жадность которых достигла своих пределов; много разговоров и крика по поводу дороговизны и трудной находимости осветительных средств». Еще более тревожно звучит донесение от 5 плювиоза. «Класс торговцев один только пользуется голодовкой для скопления богатств и разорения своих сограждан». Малоимущие слои населения лишены решительно всего. Особенно плачевно положение мелких рантьееров. Таков лейтмотив полицейских рапортов с самого начала плювиоза. Класс людей неимущих и живущих на ограниченные доходы не располагает больше никакими средствами к удовлетворению своих самых насущных потребностей...».²⁹² Неуклонное возрастание цен, по словам того же рапорта, «вселяет ужас».

Во всех своих бедствиях голодающая масса склонна была, в первую очередь, винить корыстолюбивых и алчных купцов. «Торговцев — гласит рапорт от 20 плювиоза — считают негодьями, единственной целью которых является спровоцировать народ на восстание».²⁹³ В конце того же месяца агент Один докладывает о том, что народ винит в росте цен торговцев «никогда недовольных своей прибылью». Не будем множить примеров. Гораздо важнее то, что продовольственный кризис ставил перед рабочим классом Парижа вопрос об экономической политике Конвента и о классовой природе той власти, которая поддерживала махинации парижского купечества. Иначе говоря, жестокая материальная нужда должна была подготовить радикальную переоценку ценностей и обусловить новую политическую ориентацию парижских предместий.

В самом деле, вновь организованная Комиссия снабжений очень плохо справлялась со своей основной задачей. В подвозе хлеба и других припасов начались опасные перебои. Еще в начале плювиоза в булочных заметно уменьшились запасы муки. Начались заминки в выдаче хлеба. У дверей хлебных лавок выстроились длинные хвосты. В секциях прав человека и неделимости булочники жаловались на то, что они располагают только 2/3 необходимой муки. В секциях Монтрейль и Попэнкур, около 12 плювиоза, часть граждан не получила хлеба, несмотря на предъявление карточек, другие получили только 1/3 полагавшегося им рациона. Такая же нехватка обнаружилась в секциях Тампля и Гравилье. И здесь громко жаловались на деятельность Комиссии снабжений и подчиненного ей продовольственного агентства. (Agence des subsistances.)

Какова же была политика термидорианской Комиссии? Доклады Буасси д'Англа от 25 и 28 нивоза дышат беспредельным оптимизмом. По его мнению, только зловредные агитаторы могли утверждать в очередях и на рынках, что хлеба в Париже осталось всего на несколько дней. Он категорически заверил, что «состояние общественных магазинов такое же, какое было месяц тому назад и что ежедневный подвоз полностью покрывает столичное потребление». Комитет денно и ночью работает над снабжением Парижа. 28 нивоза Буасси д'Англа повторил, что нет никаких оснований для беспокойства. «Совершенно неправильно утверждение, будто уменьшилось количество муки, поступающей в распоряжение булочников, оно остается неизменным и, в случае нужды, легко может быть увеличено». Буасси д'Англа ознакомил Конвент с постановлением Комитета общественного спасения, касавшимся способа размола и выпечки хлеба, предназначенного для армии, и Собрание постановило обнародовать его доклад в части, касавшейся продовольственного положения Парижа.

В докладе от 3 плювиоза этот безоблачный оптимизм должен был уступить место серьезным опасениям и истерическим выпадам против смутьянов и злоумышленников. Комиссия Буасси д'Англа столкнулась с одним очень неприятным обстоятельством. Кулаки саботировали выполнение обязательств, возложенных на них реквизициями. «Надо преодолеть, — говорил теперь Буасси д'Англа, — эгоизм и алчность некоторых земледельцев, охваченных самым пагубным и преступным себялюбием». Он предостерегал, правда, против каких-либо обобщений, указывая на то, «что в целом ряде мест земледельцы обязались сдавать хлеб по ценам, немного разнившимся от ставок последнего максимума». Освобожденная от бремени феодальных повинностей и от церковной десятины, деревня должна была понять, что взвинчивание цен явится орудием в руках врагов Республики, стремящихся поразить ее изнутри. Все же, при наличии ряда злоупотреблений в соседних с Парижем департаментах, Комитет решился на некоторое усиление административного нажима и предложил проект декрета, тут же утвержденный Конвентом. Декрет этот вводил ряд наказаний для крестьян, уклонившихся от выполнения реквизиций. Комиссарам Конвента присвоено было право арестовывать уклонившихся. Они подвергались, кроме того, денежному штрафу. Наконец, право наложения реквизиций, предоставленное ст.V закона 4 нивоза окружным властям, продлено было до 1 жерминаля.

Для проведения этих мероприятий нужен был однако аппарат, которым не располагала термидорианская Комиссия. В условиях растущей буржуазной реакции декрет 3 плювиоза должен был остаться на бумаге. Кто стал бы, в самом деле, сажать и штрафовать кулаков, когда после разгрома якобинских клубов и очищения народных обществ вся власть на местах сосредоточилась в руках крепкой сельскохозяйственной буржуазии?

В течение плювиоза хлебные ресурсы Комиссии снабжений подверглись быстрому сокращению. Первым и тревожным симптомом этого было ухудшение качества муки и выпекаемого из нее хлеба. Мы уже упоминали об установлении особого помола для армии. Здесь к муке должны были примешиваться отруби, в количестве 10 фунтов на 1 квинтал. 19 плювиоза Кос постановил реквизировать ячмень, «так как ячменная мука (la farine d'orge et d'escurgeon) поддается успешному смешению с мукой пшеничной». Совершенно воспрещалась выработка пива из ячменя, годного для помола.²⁹⁴ В самом Париже нехватка хлеба становилась обыденным явлением. В конце плювиоза настойчиво и упорно держался слух о сокращении хлебного пайка. В кафе говорили о том, что «правительство вынуждено будет захватить предметы первой необходимости и затем

распределить их между торговцами с тем, чтобы они продавали их по умеренным ценам»... Раздавались также сетования по поводу деятельности Комиссии снабжений. «Комиссию обвиняли в том, что она вызвала всеобщий рост цен...»

В начале вантоза «во многих булочных не было хлеба», стояли часами в очередях и потому уходили с пустыми руками. Донесение 5 вантоза прямо говорит о трудностях, с которыми сопряжено добывание хлеба. 7 вантоза хлеба по карточкам было выдано на треть меньше чем полагалось. «Несмотря на это многие остались без хлеба, что подало повод к ропоту и противоправительственным выпадам».²⁹⁵

Наконец и Комиссия должна была признать свое бессилие. 7 вантоза хлебный паек был снижен до 11., фунтов в день на человека. По секциям разосланы были барабанщики, читавшие на улицах и площадях текст постановления. «Все граждане, — констатирует полицейское донесение, — очень недовольны этим распоряжением...»²⁹⁶ Число недовольных возрастает, поговаривают даже о восстании. Угрожают купцам. Требуют упразднения революционного правительства.

III

С начала вантоза начинается новый этап в развитии продовольственного кризиса. Только перед лицом начавшегося политического брожения Комиссия снабжений начала осознавать безысходный трагизм положения. И все же Буасси д'Англа попрежнему отделялся фритредерской декламацией и заверениями казенно-оптимистического порядка. Докладывая 10 вантоза о продовольственном положении, он признал его «в высшей степени затруднительным».²⁹⁷ Но тут же указал на предстоящее в скором времени улучшение. В Гавр и Дюнкирхен прибывают корабли с зерном. При старом порядке ежедневное потребление муки в Париже равнялось 1500 мешкам. Сейчас, при уменьшившемся населении, оно достигло 1900, 2000 и даже 2118 мешков в день. Важно только, чтобы народ не поддавался на контр-революционную провокацию. «Сохраняя полнейшее спокойствие, он расстроит замыслы своих врагов. Он не избегнет однако угрожающей ему опасности, если будет беспорядочно толпиться у дверей булочных и делать запасы на завтрашний день, удваивая этим самым ежедневное потребление...»

При всем своем благодушии Буасси д'Англа не мог не видеть, что дидактические увещания меньше всего могут помочь делу. Пришлось подумать об обуздании в конце разнуздавшегося парижского торговца. Мясники, колбасники, бакалейщики, которым поручена была продажа продуктов, принадлежащих государству, сделали из этой комиссии источник неслыханных злоупотреблений. Декрет, принятый Конвентом 14 вантоза, ввел штраф и тюремное заключение для купцов за нарушение карточной системы и продажу продуктов по ценам, превышавшим установленные ставки. Особенно строго должны были штрафоваться булочники. В докладе Буасси д'Англа прямо говорилось о необходимости положить конец такому положению, при котором «потребитель становится жертвой купеческой жадности».

Эта мера, как и многие другие, осталась без всяких видимых последствий. В конце вантоза встал вопрос о дальнейшем сокращении хлебного пайка. Сокращение это было облечено в форму особого декрета, принятого Конвентом 25 вантоза. Лица, занимающиеся физическим трудом, должны были получать 1,5 фунта, все остальные фунт. Надзор за распределением хлеба поручался особым комиссиям. Члены комиссий назначались посекционно гражданскими комитетами, совместно с комитетами благотворительности. Сообщение Буасси д'Англа было на этот раз очень тревожно. Он указал на то, что за последние дни подвоз муки сократился до 1 800 мешков в день. Оставалось только надеяться на своевременный привоз хлеба, купленного за границей. Буасси д'Англа прочел письма комиссаров Итальянской армии и полномочного представителя Республики в Генуе, из которых явствовало, что несмотря на ряд затруднений закупленное зерно начало прибывать в южные порты. Буасси д'Англа подчеркнул также, что Париж до сих пор находился в привилегированном положении; «оглядываясь вокруг, мы не можем удержаться от тревоги и волнения при виде жестокой нужды, царящей в большинстве соседних департаментов. Мы не можем не притти к глубокому убеждению в необходимости сократить наше потребление и привести его к такому уровню, на котором он перестанет угрожать благополучию наших братьев». Любопытно отметить, что Буасси д'Англа предполагал вначале провести общее снижение пайка до 1 ф. на человека. В защиту рабочих, «трудящихся целый день», выступил Ромм,

встреченный бурными аплодисментами публики, находившейся на хорах. Ему возразил Ревбель, указавший на то, что рабочие и так находятся в очень выгодном положении. Паек выдается всем, даже грудным детям, а известно, что больше всего детей бывает у рабочих». Эта восхитительная аргументация вызвала ропот и шум на хорах. Гораздо умнее повел себя Тальен. Желая выбить оружие из рук Ромма, он поддержал его предложение. «Пусть не думают, что оно является делом одного лица, за ним весь Конвент. Время исключительного патриотизма прошло».

Тревожными, неутешительными могли показаться выступления Буасси д'Англа на конвентской трибуне. Но гораздо более тревожным, прямо паническим стал язык секретной переписки высших правительственных органов Республики. Комиссарам и членам комитетов незачем было обманывать друг друга. Они прекрасно знали, что голод, угрожавший Парижу, господствовал в провинции на протяжении целых департаментов.

Первое указание на голод можно найти в донесениях комиссаров, относящихся к нивозу, к тому благодетельному месяцу, когда заботы о пропитании граждан Республики были окончательно вверены «гению освобожденной торговли». Тревожные сигналы раздаются с разных углов провинциальной Франции. Комиссары Западной армии сообщают 1 нивоза о положении дел в Нанте: «Голод со всеми его ужасами грозит притти на смену бедствиям, перенесенным этим несчастным городом. Жители его уже два дня получают только полфунта, а кое-где только четверку плохого хлеба. Каждый гражданин должен сообщиваться со своим желудком, чтобы иметь возможность существовать».²⁹⁸

Почти столь же тревожно звучит донесение комиссаров Северной армии от 4 нивоза. Территория между Маасом и Рейном, опустошенная реквизициями для нужд армии. «В области Спа и Stavelot началась голодовка: несколько человек умерло от истощения. Эти печальные факты засвидетельствованы соответствующими протоколами».²⁹⁹ Совершенно аналогичные заявления находим в письме комиссара Пеллетье из Безансона, от 11 нивоза. «Департамент Ду (Doubs), как правило, лишен продовольствия..., повсюду царит страшнейшая нужда, начинается голод».³⁰⁰ Департамент всегда импортировал хлеб, своего не хватало. Теперь же подвоз почти прекратился. Суровая погода неблагоприятно отразилась на состоянии озимых и, в частности, на посевах овса. Особенно критическое положение создалось в Безансоне, где на почве голода можно было ожидать возникновения серьезных беспорядков.

На другом конце Республики, в Бордо, в начале нивоза национальный агент объявил народу, собравшемуся в храме Разума, о снижении пайка до полфунта хлеба в день на человека. «Злоумышленники дали узнать себя по легкому ропоту, большинство же объединилось в одном крике «Да здравствует Республика».³⁰¹ В это же, приблизительно, время в Марсели власти опасались восстания «из-за высоких цен на хлеб». В департаменте Дромы, по сообщению Жана де Бри, «все претерпело зарю от продовольствия». Жанбон де Сент Андре доносил 18 нивоза из Тулона о бедственном положении рабочих. «В стране, где все совершенно обеспечено, цены на все предметы выросла самым невероятным образом. Благодаря принятым мною мерам рабочим обеспечено, по крайней мере, продовольствие; достать одежду невозможно, и не только потому, что она дорога, а потому, что ее нет. Наши моряки ходят нагишем, в буквальном смысле этого слова».³⁰²

В таком же положении как порты Средиземного моря оказался Шербург с прилегающим к нему департаментом Ламанш. Урожай выдался здесь ниже среднего, да и вообще департамент всегда импортировал хлеб. Положение серьезное, и комиссия торговли должна помочь нуждающимся коммуна. В письме от 2 плювиоза комиссары Гено и Гермер указывали на то, что им пришлось распределить между Лориеном и Пор-Либерте часть продовольствия, предназначенного морякам военного флота. В округе Pontivy, по сообщению комиссара Brue, нет никаких продовольственных запасов. «Участь населения самая плачевная».³⁰³

В плювиозе тревоги комиссаров заметно усилились. Прежде всего, бросалось в глаза ухудшение снабжения армии. В западной армии уже 18 нивоа хлебный паек доведен был до 24 унций в день, на солдата. 2 плювиоза комиссары произвели дальнейшее сокращение пайка «для того, чтобы не оказаться лишенными всякого хлеба».³⁰⁴ Аналогичное положение создалось в армии Западных Пиренеев. Донесение комиссаров от 5 плювиоза говорит об «ужасном» кризисе. За последние дни подвоз хлеба совершенно прекратился. Комиссия торговли разрешила комиссарам закупить 55 т. квинталов хлеба, из них 30 т. в Марсели. Однако оттуда был получен ответ от депутата Эспера, в котором тот категорически заверял комиссаров, что хлеба в Марсели нет, что наличных запасов едва хватает для прокормления жителей. Комиссары настроены совершенно панически и, слагая с себя ответственность за близящуюся катастрофу, предлагают Комитету продать за границу «все сокровища Республики» с тем, чтобы на вырученные деньги закупить необходимое для армий продовольствие.

Датированное тем же 5 плювиоза донесение комиссара Жана де Бри констатирует тяжелый продовольственный кризис в департаменте Воклюз. Де Бри надеется только на смягчение погоды. «Главное же — это воскресить умерщвленную торговлю». Из письма Комитета общественного спасения комиссару Альберу видно, что в другом конце Франции коммуна Труа «страдала от полного отсутствия продовольствия».³⁰⁵

Оптимистическое заявление Бурэ, комиссара в деп. Морби, утверждавшего, что продовольственный вопрос не внушает никаких опасений, остается совершенно единичным. Это исключение, подтверждающее правило.

Около середины плювиоза начались первые волнения на продовольственной почве. Политическая окрашенность этих волнений там, где она вообще была, излагается комиссарами слишком суммарно и крайне тенденциозно. Во всех их рапортах чувствуется желание сблизить и изобразить союзниками «анархистов» и «роялистов». В Ренне народ, по мнению Бурсо, действовал по указке известного нам «Друга народа» и бабефовского «Трибуна». На ряду с этим, Бурсо отмечает влияние шуанов: 13 плювиоза, ударили в набат, раздались крики: «Да здравствует король!»³⁰⁶ В департаменте Луары и Шеры также произошли волнения, во время которых агитаторы «ловко воспользовались» нехваткой продуктов и ростом цен для возбуждения масс. В Ромерантене, при этом, даже избили кое-кого из муниципальных чиновников. Комиссар Кадруа отмечает глухое брожение на всем юге. «Мы не гарантируем спокойствия, если будет продолжаться нехватка хлеба..., Марсель за Республику,... но дайте нам хлеба».³⁰⁷

В это же время из самых разнообразных мест продолжали поступать неутешительные сведения о положении дел с продовольствием. Очень плохо было в северных портах Лориене и Порт-Либертэ, затем в департаменте Сарты и Орны, где города Алансон, le Mans и Maupenne «оказались лишенным всего»,³⁰⁸ затем в Бресте, где заволновались голодные рабочие. До середины плювиоза рабочие, занятые в морских портах, получали хлеб наравне с моряками. 15 плювиоза Комитет общественного спасения отменил этот порядок для всех портов Республики, кроме Тулона. Впредь хлебный паек, в размере полутора фунтов, должен был выдаваться только рабочим, работавшим в государственных предприятиях. Но положение в Бресте было настолько критическое, что комиссары, на свой страх и риск, возобновили прежнюю выдачу.

В то же время-Лион испытывал глубокий экономический кризис. Донесение комиссаров Ришо и Бореля говорит о лионцах, истощенных «прекращением работ, застоём в торговле, секвестром имущества и продовольственным кризисом».³⁰⁹

Не менее катастрофическим было положение в областях оккупированных армиями Республики и, в частности, в Бельгии. 22 плювиоза Комитет общественного спасения отменил действие максимума в Бельгии и на всем протяжении «завоеванных территорий».³¹⁰ На ряду с этим смягчена была система реквизиций и упразднены наблюдательные и революционные комитеты. Надежды правительства на благотельные последствия реформы оказались, однако, совершенно необоснованными. Комиссары, посланные в северную армию, оперировавшую на голландской территории, при проезде из Парижа в Амстердам, нашли положение Бельгии «плачевным».³¹¹ Они также высказали опасение, что без немедленной доставки необходимых припасов из Голландии в стране при малейшем неуспехе французского оружия разразится «сицилийская вечерня».

Комиссары, путешествуя по Бельгии, ничего еще не знали о постановлении от 22 плювиоза. 10 вантоза комиссар Пере имел случай поделиться с Комитетом своими впечатлениями о результатах проведения в жизнь этого «благодетельного» акта. Результаты эти, для городов и больших коммун, ужасны. Деревня продает продовольственные припасы только за звонкую монету; рост цен в бумажных деньгах достиг совершенно неслыханных размеров. Брюссель, живший в течение всего оккупационного периода хлебом, доставлявшимся из военных магазинов, остался внезапно без всяких запасов. Такое же критическое положение создалось в Монсе, Турнэ и других городах.

Обращаясь к причинам надвинувшейся вплотную катастрофы, комиссары зачастую должны были признать, что они коренятся в «жадности» имущего крестьянства. «Дух городов хорош, — пишет 6 вантоза Дюбуа-Дюбэ; но того же нельзя сказать об обитателях деревни. Они сходят с ума от фанатизма и от любви к звонкой монете. Контр-революционные симпатии крепко засели в этом невежественном классе».³¹²

Из всей массы донесений, рисующих картину неслыханной продовольственной нужды, только два с похвалой отзываются о последствиях отмены максимума. Из Гренобля Cassanyes сообщает 16 плювиоза об отличном состоянии рынков и ставит это в прямую связь с установлением свободной торговли, умалчивая, впрочем, о движении цен, о росте дороговизны. Кледель, комиссар в департамент Вьенны, признает наличие кризиса, но считает, что он будет смягчен «счастливым действием свободной торговли».

К чести членов Комитета нужно признать, что они меньше всего поддавались иллюзиям, отлично сознавая всю сложность положения. Вся их политика, на исходе зимы 1794—1795 г., была сплошной игрой ва-банк, причем при всей своей азартности комитетчики превосходно учитывали, что ставкой является не только политическое положение, но и физическое существование вождей реакционно-буржуазного блока. Господство крупной буржуазии еще не успело стать фактом исторической давности и «органическим» завершением начавшейся в 1789 г. революции. По всей стране разливался глухой рокот надвигающихся классовых битв. Наконец оставалось не разомкнутым кольцо внешних фронтов. Во внешней политике Комитет, продолжая отстаивать «традиционные» интересы французского торгового и мануфактурного капитала, руководствовался и более конкретными, строго злободневными заданиями. Поход в Голландию нужен был не только в плане «большой» против-английской политики, но и для того, чтобы реквизировать, конфисковать или просто захватить фураж, хлеб, военное снаряжение и импортные товары, залежавшиеся в Голландских портах. Но для консолидации Республики нуворишей недостаточно было завоевательных войн, нужен был мир. «Республику, — писали члены Комитета своему комиссару при Пиренейской армии, Гупийо из Фонтенэ, постигнут величайшие бедствия, она, быть может, даже погибнет, если нам не удастся в кратчайший срок заключить мир с какой-либо из враждующих с нами держав. Нет ничего более критического, чем наше положение. Бесконечное число округов, по всей Республике, лишено продовольствия. Даже Париж, предмет наших особых забот, находится на краю гибели... мы произвели ряд закупок хлеба за границей и ожидаем прибытия больших партий зерна в наши порты. Мы убеждены, что нам удастся удержаться до нового урожая, если только по злому умыслу деревня не скроет своего хлеба в потайных хранилищах».³¹³ Но обеспечить подвоз закупленного хлеба и товаров, идущих из Италии и Леванта, установить строжайшую экономию в расходах, оживить кредит можно только при условии заключения почетного, выгодного мира». Таким миром может быть мир с Испанией. Поэтому Комитет и предлагает Гупийо принять все меры к возможно скорейшему началу формальных переговоров.

Комитет ничуть не преувеличивал утверждения, что Париж стал предметом особых его попечений. Больше того, интересы провинции систематически приносились в жертву интересам столицы. Но усилия Комитета должны были остаться бесплодными, потому что из всех инструментов якобинского аппарата у него остался один — реквизиции. Депутату Фроже поручен был общий надзор за ходом хлебозаготовок в прилегающих к Парижу департаментах. «Карай зложелательных земледельцев, — писал ему 17 плювиоза Буасси, — заставь наконец исполнять закон».³¹⁴ «От твоей твердости и благоразумия зависит темп заготовительных операций в округе Мондидье», — напоминал ему Буасси, всего двумя днями позже.³¹⁵

22 плювиоза состоялось совещание 6 комиссаров, уполномоченных следить за выполнением реквизиций. Они приняли ряд постановлений организационного порядка и подсчитали ресурсы находившихся в распоряжении агентства снабжений. Оказалось, что намеченные реквизиции могли покрыть не свыше 50% всей потребности. В целом ряде случаев приходилось сокращать контингента, установленные на местах представителями Конвента. Так, например, 25 плювиоза пришлось уменьшить реквизицию, наложенную на департамент de la Haute-Saone с 25 тыс. квинталов пшеницы до 8 тыс.

И в этом и в целом ряде других случаев Комитет колебался и... уступал кулаку. В самом деле, получить хлеб можно было исключительно путем применения насилия. А насилие и якобинские «чрезвычайные меры» были совершенно не по вкусу нуворишам. Для них кулак был союзник, но союзник несговорчивый, требовательный, ставивший термидорианскую власть в критическое положение, провоцировавший своими спекуляциями восстания и мятежи в городах.

«Жадность земледельца должна быть удовлетворена, — писал Буасси 27 плювиоза комиссарам по снабжению Парижа, — недопустимо применять средства, способные деморализовать торговлю».³¹⁶

По мере развития кризиса тон комитетчиков становится, впрочем, несколько более решительным. «Нужно употребить силу там, где недостаточно действует мягкость, — писал Буасси 3 вантоза. На следующий день Комитет предписал Фроже разослать по деревням кавалерийские патрули и ставить их там на постой, вплоть до полной сдачи всего причитающегося хлеба. «Средства, использованные тобой, — жаловался Комитет, — до сего дня, совершенно бесплодны, жалобы на алчность земледельцев не прекращаются... Мы испуганы зрелищем необъятного Парижа, лишенного запасов, обеспечивающих его завтрашний день».³¹⁷

Задача не исчерпывалась, однако, закупкой хлеба. Надо было доставить его в Париж. А это было очень и очень трудно. Эшелоны с хлебом подвергались нападениям на перекрестках больших дорог и при следовании через городские коммуны голодающих районов. «Продовольствие, отправляемое в Париж, должно преодолеть на своем пути множество препятствий» — писал из Руана комиссар Дюпор.³¹⁸

По мере развития и углубления кризиса условия снабжения Парижа должны были все более ухудшаться. С началом Вантоза на Комитет так и посыпались жалобы и сетования рассеянных по провинциям комиссаров. В портах Сетта, Марсели, Тулона и Ниццы не осталось никаких запасов хлеба,³¹⁹ в департаментах Марны и Об царит «общее беспокойство», положение в департаменте Seine-Inferieure критическое. Дюпор разослал целый ряд агентов для закупок хлеба, и они вернулись с пустыми руками.³²⁰ 29 вантоза он сообщает Комитету о голодовке, «развивающейся с каждым днем... Общее недовольство, вызванное голодом, заставляет опасаться самого худшего».³²¹ Та же картина в Бельгии, где крестьянин не хочет отдавать свой хлеб за ассигнации.³²²

Паганель из Ажана сообщает 2 жерминаля о «зловещей тишине, воцарившейся по всем коммунам. Тишина эта граничит с отчаянием. Я слышал вдали раздирающие душу крики и жалобы, полные угроз. Ажиотаж достиг такой степени, что собственники вскоре лишатся последних остатков уважения... Хлеб продается обычно по 50 су за фунт, а в некоторых местностях даже по 3 ливра... Деревни захлебнулись в богатстве. Собственник стал жестоким и бесчеловечным».³²³ Положение Амьена, по сообщению комиссара Бло от 5 жерминаля, катастрофическое. «Рабочие истощены настолько, что не могут больше работать, все граждане выбились из сил... В течение последних трех месяцев хлебный паек в Амьене доведен до 12 унций в день. Три дня тому назад его пришлось сократить до 6 унций».³²⁴ В армиях продовольственный кризис осложнился общей нехваткой фуража. Конные части спешиваются в виду массового падежа конского состава. Нет овса и сена. «Сегодня мы не знаем, чем будем питаться завтра», — докладывает Гупийо из Пиринейской армии.³²⁵ В Брестско-Шербургской армии комиссар Бурсо снизил паек до

4 унций в день на солдата и заменил выдачу овощей прибавкой 1 су к солдатскому жалованию.

В донесениях комиссаров учащаются жалобы на кулаков. Флери, находящийся в Шартре, предложил усилить репрессивные меры. «Крестьяне, — писал Ноэль Пуант, — злоупотребляют свободной торговлей в такой степени, что города вскоре будут доведены до состояния ужаснейшего голода... Нельзя без негодования наблюдать подобное их поведение. Республика сделала для них все, а они, кажется, делают все для ее гибели. Они не только взвинтили цены до уровня, недоступного малоимущему классу населения, они вообще отказываются принимать ассигнации, ... предпочитая обменивать свои продукты на всевозможные товары или металлы и уступая за три ливра звонкой монеты то, за что они запрашивают 50 в ассигнациях».³²⁶

И в вантозе политика комитетчиков приводила, на деле, к обострению парижского кризиса. В ближайших окрестностях столицы свирепствовал лютей голод, и это до крайности затрудняло передвижение хлебных транспортов. Здесь голодала деревня, и деревенская беднота с завистью смотрела на парижских санкюлотов, с их скудным казенным пайком. Еще 24 нивоза газета «Vedette» писала: «Коммуны, окружающие Париж, с заметным нетерпением переносят положение, при котором столица снабжается хлебом, а они его лишены».³²⁷ Уже в конце нивоза, если верить полицейским донесениям, в Париже опасались, что деревни произведут набег на столицу.³²⁸ В начале плювиоза, в Версале произошло снижение пайка. В рапорте от 21 плювиоза находим сообщение о положении коммуны Gentilly, вблизи Бисетра: «она вымирает от голода, зерно последнего урожая не попало в ее мельницы».³²⁹

В начале вантоза граждане коммуны de Boulogne парижского департамента обратились в Конвент с пространной петицией, с которой мы ознакомились, просматривая один из картонов серии F11. Коммуна насчитывает 3 600 жителей. Большая их часть — поденщики и мелкие земледельцы, «отцы семейств, в которых насчитывается подчас четверо детей. Хлеб стоит 12 су ливр. Семья поденщика потребляет в день до 7 ливров, семья земледельца до 13. Крестьяне давным-давно съели свой хлеб и вынуждены теперь покупать его у булочников». «Мы перенесем все лишения, — заверяют авторы петиции, — когда речь идет о торжестве Республики, но мы не можем отказаться от хлеба» («exepres (sic!) le pain»)³³⁰. Они сознают также, что кризис вызван общими условиями, которые они не властны изменить, и верят, что он скоро пройдет. «Все же мы думаем, что наши дети не смогут выдержать восьмидневной голодовки, наши потребности настолько гнетущи, что мы решились изложить вам наши взгляды, чтобы ваша мудрость нашла пути к нашему исцелению».³³¹

Цитированный документ лишней раз подчеркивает глубину классовых противоречий во французской деревне. Поэтому-то всякие суммарные характеристики, при которых не учитывается социальная дифференциация крестьянства, оказываются насквозь фальшивыми. Богатела и спекулировала имущая верхушка деревни. Деревенская беднота испытывала муки голода наравне с неимущими слоями городского населения. Термидорианские власти делали еще кое-что для городов, но на деревню они махнули рукой. Местами даже крепкие, середняцкие элементы деградировали и спускались до уровня малообеспеченной бедноты. По сообщению Мено из Сомюра, от 21 жерминаля, половина всей земли осталась необработанной, вследствие нехватки рабочих рук. Собственники, располагавшие 5 или 6 тысячами ренты, живут теперь, растрчивая свои сбережения. «Только торговцы и крестьяне, располагающие запасами продовольствия, с выгодой используют создавшееся положение, продавая свои товары по неизмеримо высоким ценам».³³²

Положение деревень, расположенных вокруг Парижа, ухудшалось строго проводившимся запрещением вывоза хлеба за пределы городской черты. Правда, хлеб вывозили, но это была незаконная контрабанда, преследовавшаяся властями. Дело доходило до того, что деревенские жители снимали какую-нибудь конуру в парижских предместьях для того, чтобы получить хлебную карточку и полученный по карточке хлеб переправлять в деревню.³³³ Вывозившийся хлеб прятали в повозках или под платьем, так что, в конце концов, городская стража стала производить личные обыски всех выезжающих из Парижа.

Понятно поэтому, что в окрестностях Коммуны транспорты с хлебом зачастую задерживались и расхищались толпами голодающих. Так например, 30 вантоза в Мондидье, толпа женщин атаковала 10 повозок с зерном, следовавшим в Париж, причем мятежное сборище рассеяно было силой. И этот случай не был единичным. В снабжении столицы наступал критический перелом, совпавший, по времени, с первыми числами жерминаля.

3 жерминаля Комитет общественного спасения объявил под реквизицией Уд часть муки, зерна и сухих овощей, имевшихся в пределах департаментов, на которые возложено было снабжение армий и столицы. Половина этой в должна была быть немедленно сдана в государственные магазины. Другая половина могла остаться временно у собственников реквизируемых продуктов, причем распоряжение продуктами вверялось муниципальным властям. В тот же день издано было постановление о немедленной отправке в Париж части хлебных запасов, сосредоточенных в провинциальных магазинах. «Принудительный заем (хлеба), — читаем мы в обращении Комитета к комиссару Фроже, — один только и может обеспечить общественное спасение, и мы предписываем вам, именем родины, блюсти за его исполнением».³³⁴

5 жерминаля Буасси направил Фроже новое, отчаянное письмо «Уже два дня, как мы снижаем паек, установленный законом, в полдень мы никогда не знаем, что мы будем есть вечером».³³⁵

На следующий день Комитет постановил обязать граждан, проживающих в окрестностях столицы и располагающих запасами муки и зерна, на срок 2 месяцев и выше немедленно предоставить излишки в распоряжение Агентства снабжений. Было, впрочем, обещано, в течение 4 декад вернуть им полностью забранные продукты.

Прилагая ряд усилий к тому, чтобы обеспечить снабжение столицы, Комитет вместе с тем сознательно шел на ухудшение качества хлеба. 5 жерминаля решено было прекратить просеивание муки при выпечке хлеба для армии.³³⁶ 7 числа объявили под реквизицией рис. В тот же день постановили, в случае нехватки хлеба, компенсировать потребителей рисом и бисквитами. Хлеб должен был распределяться, в первую очередь, среди неимущих (indigents) и рабочих. За каждые невыданные попфунта хлеба можно было получить три унции риса или шесть унций бисквитов.³³⁷

Вечером 5 жерминаля в распоряжении властей осталось 115 с половиной мешков муки. Ежедневное же потребление даже при сниженном пайке, требовало 1 900 мешков. «Эта картина заставит вас затрепетать, — писали Фроже перепуганные комитетчики, — участь родины в ваших руках, спасите ее!»³³⁸

На самом деле термидорианские власти оказались бессильны предотвратить надвигавшуюся катастрофу. Начавшееся в парижских предместьях брожение неудержимо нарастало, оно становилось восстанием.

Развитие продовольственного кризиса осложнялось катастрофически быстро прогрессирующим развалом бумажно-денежного обращения. В самом деле, параллельно с ростом цен на предметы первой необходимости, шел процесс падения курса ассигнаций. Приведем несколько цифровых данных. В июле 1794 г. за ассигнации давали 34% их номинальной стоимости, в августе 31%, в ноябре 24%, в декабре 20%, в январе 1795 г. 18%, в феврале 17% и в марте 14%.³³⁹ К началу фримера III года в обращении находилось бумажных денег на сумму около 6340 миллионов франков. Всего же бумажных денег было выпущено с начала революции до 11 миллиардов франков. Печатный станок оставался главным источником для покрытия непомерно возросшего бремени государственных расходов. Не следует, однако, предполагать, что возрастание находившейся в обращении массы ассигнаций само по себе могло привести к экономической катастрофе 1795 г. Изучая кривую падения курса бумажных денег, мы приходим к тому выводу, что торжество фритредерства в экономической политике термидорианцев было первопричиной катастрофически быстрого обесценения ассигнаций.

В самом деле, переломным пунктом в истории ассигнаций является середина 1794 г. С июля 1793 г. по январь 1794 г. расценка ассигнаций повысилась до 74% (в июле она равнялась 61%). С января началось новое падение курса, причем за первое полугодие он снизился на 15%, а за второе на целых 47 %. С.А.Фалькнер совершенно правильно указал на то, что в условиях быстро крепнущей буржуазной реакции не могло, быть и речи о каком-либо взрыве кредитно-политического недоверия к финансовым возможностям французского правительства. Чем же объяснить неожиданно низкий перелом в темпе обесценения? Руководители финансовой политики термидорианской эпохи, а за ними и целая плеяда буржуазных историков и финансистов склонны усматривать причину перелома в перенапряжении эмиссионных возможностей, в чрезмерном разбухании бумажно-денежной массы.

Так ставился вопрос и в Конвенте, который с начала плювиоза, по докладу Камбона начал обсуждение различных проектов сокращения находившейся в обращении массы ассигнаций. Однако, на самом деле, как это установил Фалькнер, не наблюдается никакого параллелизма между темпом эмиссий и темпом обесценения бумажных денег. Кроме того, параллельно с возрастанием бумажной массы сокращается металлическая масса, благодаря чему «общая величина циркуляторного фонда возрастает отнюдь не в меру выпуска бумажных денег». Темп обесценения с половины 1794 г. решительно обгоняет темп эмиссий. Так, например, находящаяся в обращении масса ассигнаций увеличивается в декабре на 3%, в январе 1795 г. на 3% и в феврале на 5%. Между тем, в те же месяцы цена металла в ассигнациях вырастает на 10, 14 и 11%.³⁴⁰ Таким образом, в конечном итоге, темп обесценения обуславливает темп эмиссий, а не наоборот.

Ключ к разрешению поставленного выше вопроса нужно искать в экономической политике термидорианцев, в отмене декрета о принудительной равноценности обращения ассигнаций со звонкой монетой, в отмене максимума. «Пока хоть часть покупок и продаж совершалась по этим, принудительно проведенным, хотя и давно отставшим от жизни ценам, они принудительно закрепляли за ассигнатами часть их покупательной силы. Но когда максимальные цены... были отменены, то и принудительно закреплявшаяся часть ценности ассигнатов была уничтожена».³⁴¹

Мы излагали уже конкретный материал, рисующий рост товарных цен в первые месяцы 1795 г., здесь важно отметить, что темп роста цен на предметы первой необходимости, после отмены максимума, обогнал темп обесценения ассигнаций. Имело это место и относительно тех продуктов (картофель, масло, дрова и т.п.), которые до упразднения максимума, или вскоре после него, не достигли, по сравнению с ценами 1790 г., уровня общего обесценения ассигнаций.³⁴²

Из этих беглых замечаний явствует, что причина продовольственного кризиса не может быть сведена к простому действию обесценения бумажных денег. Мы знаем также, что не может быть и речи о каком-либо неурожае, который обусловил бы внезапное, конвульсивное сокращение товарной продукции сельского хозяйства. Даже животноводческая отрасль, наиболее претерпевшая в обстановке первых лет революции, находилась на таком уровне, что обеспечено было сравнительно бесперебойное снабжение парижских рынков мясом и молочными продуктами, доступными, впрочем, только имущим слоям населения.

Основная и единственная причина кризиса сводится, в конце концов, к тому, что политика термидорианцев легализовала возможности спекулятивного накопления, возможности, до конца использованные деревенским кулачеством. Свобода накопления для кулака и спекулянта означала недоедание, голод и вымирание для городской и сельской бедноты.

V

Политическая реакция первых месяцев 1795 г. развилась, в основном, по линии укрепления вновь возникшего блока крупнобуржуазных интересов и окончательной изоляции радикальной мелкой буржуазии.

Удаление из Пантеона останков Марата, по декрету Конвента от 19 плювиоза, занимает, обычно, не малое место в повествованиях буржуазных историков.³ При всей своей красочности событие это однако было симптоматическим, не больше. Уже в нивозе участились набеги банд мюскаденов на бюсты друга народа, расставленные в публичных местах. Комитет общей безопасности предписал полиции привести в порядок и водрузить

на место загаженные и разбитые бюсты. Хулиганские выходки мяскаденов вызвали волнение в рабочих предместьях, а волнения эти дали термидорианским властям желанный повод для новых репрессий. Закрыты были клубы Кэнз-Вэн и Лазовского,³⁴⁴ в Мартенском и Антуанском предместьях.

Ликвидация остатков парламентской фракции Горы поставлена была в порядок дня докладом Саладина, прочитанным им 12 вантоза, от имени комиссии 21. Комиссии этой, как мы уже знаем, поручено было расследование дела 5 членов правительственных комитетов. Она сочла необходимым возбудить преследование против Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенна, Барера и Вадье. Конвент тут же, по предложению Лежандра, декретировал домашний арест 4 депутатов.

Спустя несколько дней, 18 вантоза Конвент постановил вернуть депутатские мандаты жирондистам, объявленным вне закона, после революции 31 мая. Докладчик Шенье призвал членов Конвента «вернуть на палубу государственного корабля товарищей, спасшихся на утлом плоту, посреди всеобщего кораблекрушения». Вылазка якобинца Бентоболья встречена была всеобщим ропотом. «Как! — воскликнул Бентаболь, — неужели вы отвергаете 31 мая?» — Да! да! — раздались многочисленные голоса. Мерлен (из Дуэ) от имени комитетов внес проект декрета, оформлявший предложение Шенье и принятый единогласно, против одного голоса, принадлежавшего Гужону.

После этого акта было вполне логично отменить декрет, установивший праздник в память событий 31 мая. Это и было сделано в заседании 19 вантоза, тогда же решено было ускорить процесс Бушотта и Паша, «виновников 31 мая». Запоздалая попытка Лекуантра добиться пересмотра принятого решения о возвращении жирондистских депутатов была с негодованием отвергнута Конвентом.

Буржуазные секции продефилировали перед Конвентом в заседаниях 21 и 22 вантоза и выразили полную свою солидарность с его новым политическим курсом. Секция 31 мая приняла свое прежнее название секции Французского театра.

Рост реакции можно проследить день за днем, просматривая конвентские дебаты. Еще 22 плювиоза экс-жирондист Байель (Bailleui) предложил одним ударом покончить со всеми террористами и «освободить раз навсегда свободную землю от присутствия тиранов».

Рост активности реакционных элементов не мог не вызвать некоторую перегруппировку в среде правящей партии. От Фрерона и Тальена отошел целый ряд деятелей, напуганных слишком быстрыми успехами реакции. Бентаболь, Тюрио, Эли Лакост, Лекуантр сблизилась теперь с остатками парламентской фракции Горы. Бывшие члены правительственных комитетов Карно, Линде, Камбон выступили в защиту Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенна.

Между тем, рука об руку с реакцией политической шла реакция социальная. Пожалуй, наиболее выпукло проявилась она в вопросе о возвращении движимого имущества казненных контрреволюционеров их родственникам и наследникам. Еще 20 фримера в Конвент явилась делегация вдов и детей гильотинированных, просившая вернуть им секвестрованную движимость их мужей и отцов. Конвент, только что возвративший в свое лоно жирондистов, постановил обсудить вопрос, временно приостановив продажу секвестрованного имущества. Впрочем, через два дня постановление это было отменено по настоянию Лекуантра и Клозеля. По словам Лекуантра, постановление 20 фримера вызвало всеобщее беспокойство «во всех сердцах, преданных революции». В самом деле, приостановка начатой распродажи ставила под сомнение юридическую силу уже состоявшихся приобретений. Кроме того, вопрос о движимом имуществе тесно переплетался с вопросом о конфискованной недвижимости, о национальных имуществах. Курс ассигнаций под влиянием паники, вызванной конвентским распоряжением, упал на IVo.

Так обстояло дело во фримере. Понятно, что термидорианцы, как представители собственников новой формации, не были материально заинтересованы в реституции конфискованной движимости. Зато путь к политическому блоку с жирондистами несомненно лежал через компенсацию крупно-буржуазных собственников, поплатившихся жизнью и имуществом после подавления федералистской контрреволюции лета 1793 г.

Уже 8 плювиоза Конвент постановил вернуть вдовам и детям осужденных принадлежавшее им движимое имущество, — белье, драгоценности, мебель и т.д. 11-го того же месяца Комитету законодательства предоставлено было право снимать секвестр с движимого имущества и возвращать судебные штрафы в случае пересмотра и отмены уже состоявшихся судебных решений. Комитет должен был также компенсировать собственников секвестрованной движимости, если она была уже продана с публичных торгов.

13 вантоза по предложению Комитетов законодательства и финансов Конвент, в развитие своего декрета от 8 плювиоза, постановил снять секвестр со всякого рода движимого и недвижимого имущества, принадлежавшего вдовам и детям осужденных. В случае, если имущество было продано, собственники должны были получить сполна всю продажную цену.

Все эти разрозненные мероприятия были суммированы Буасси д'Англа в большой, ярко-реакционной речи, произнесенной им в заседании 30 вантоза. Он предложил начисто аннулировать все приговоры, вынесенные революционными трибуналами после издания закона 22 прериала, немедленно вернуть законным владельцам все имущество, конфискованное на основе этих приговоров, и возместить стоимость движимости и недвижимости, проданных с публичных торгов. «Общественное богатство, — ораторствовал Буасси, — не может быть основано на разорении частных лиц... человечность, разум, здравая политика сходятся здесь со справедливостью, она сама говорит здесь в моем лице, отражаясь в глубине моего сердца и в ваших душах, она повелительно диктует нам потушить факел ненависти»... От проблемы поддержания курса ассигнаций Буасси отделался софистическими рассуждениями на ту тему, что, дескать, первым условием общественного кредита является доверие, а что же может больше укрепить это доверие, чем акт справедливости в отношении бывших собственников?

После произнесения этой речи, курс ассигнаций упал до 8% их номинальной стоимости.

Развязывая стихию свободного товарооборота, термидорианцы сознательно шли на дальнейшее обесценение бумажных денег. Жалованье государственным служащим разных категорий было повышено в течение нивоза и вантоза. Сами депутаты еще 25 нивоза постановили увеличить вдвое оклад своего депутатского содержания. Левассер считает этот поступок «капитальной» ошибкой³⁴⁵ термидорианского Конвента. Этим самым он как бы публично расписался в невозможности удержания нормального курса бумажных денег.

Финансовая политика термидорианцев, вообще, обнаруживает поразительное отсутствие последовательности, дальновидности и твердости в проведении раз усвоенной линии.³⁴⁶ Как мы уже видели, стихийный распад бумажно-денежного обращения приобретал все более и более катастрофический характер, вызывая бешеный разгул спекуляции и ажиотажа. Желая легализовать товарные и денежные сделки, Комитет общественного спасения 13 вантоза внес проект об открытии парижской биржи. Буасси д'Англа, выступавший докладчиком, указал на то, что только учреждение биржи может ликвидировать ажиотаж в наиболее его безобразных формах. «Верните торговле, — восклицал он, — собрания купцов, почтенным общественным доверием, восстановите биржу, сделайте ее доступной для всех честных торговцев... пусть они совершают свои сделки публично, не секретно». В ярких красках обрисовал Буасси блестящее будущее, ожидающее Париж, бывший некогда центром роскоши и потребления. «Вы должны сделать из него центр индустриальный и мануфактурный... пусть благодаря вашим усилиям он станет достойным соперником Амстердама и Лондона...; пусть обитает в нем гений торговли. Наступит мир... и воздвигнутся новые мануфактуры всех видов в дворцах, принадлежавших некогда деспотизму».

Проект Комитета натолкнулся на некоторые возражения. Виллетар указал на то, что на бирже могут совершаться сделки самого рискованного, спекулятивного порядка и что поэтому проект, прочитанный Буасси, не дает никаких действительных гарантий против ажиотажа. В конце концов обсуждение его было отсрочено. Биржа, как мы еще увидим, могла возникнуть не ранее середины флореала. Но самый проект как нельзя лучше характеризует экономическую политику термидорианцев. Союз с жирондистами означал

возвращение к «нормальным» формам накопления. Пройдя огонь, воду и медные трубы якобинской диктатуры, проделав ряд метаморфоз, при помощи широчайшего применения спекулятивных, хищнических и внеэкономических методов накопления, нувориши желали вступить на путь «нормального» развития и обогащения. Страна корчилась в муках голода, а им уже мерещилась экономическая гегемония над европейским континентом. Выходя из великой клоаки спекулятивного накопления, капитал нуворишей искал облагораживающего контакта с обычными, респектабельными формами торговой и промышленной деятельности.

На путях к осуществлению всего этого великолепия стоял, однако, замученный, загнанный в тиски свирепой нужды, но все еще грозный рабочий класс.

VI

Опасность, угрожавшую им с этой стороны, термидорианцы отчетливо осознавали еще в первом периоде реакции. Именно поэтому занялись они проповедью бургфридена, классовой гармонии. «Народный оратор» Фрерона в № от 5 нивоza провозглашает «Конец войны бедных против богатых, и невежд против образованных». По мнению газеты «самая счастливая гармония царит в народе, иначе говоря во всех классах, установивших, наконец, правильное между собой соотношение... теперь все признают, что любовь к свободе не влечет за собой ненависти к богатым, что республика не должна быть бичом для торговли и промышленности и не должна означать презрение к собственности... Революция слишком долго была смертельной войной между бедными и богатыми, между безумцами и мудрецами, между невеждами и образованными людьми...

С того момента, когда заговорили о санкюлотах, стало очевидно, что все носящие короткие штаны (*des culottes*) будут загнаны в ряды врагов свободы. Какой источник для ненависти, преследований и грабежа». ³⁴⁷

Кличка мюскадена, по уверению газеты, также способствовала разжиганию классовой борьбы. «Женщин называли мюскаденками, когда от них не пахло элем или водкой. Таков был язык, изобретенный для того, чтобы обманывать народ». ³⁴⁸

Необходимо «просвещать» массы, необходимо внушить им, что равенство прав не равносильно равенству богатств или талантов». ³⁴⁹

Сильная струя социального консерватизма отчетливо проходит через все писания «Народного оратора». Ведя агитацию против Колло, Бийо и Барера, газета склонна обвинять их в сочувствии «системе аграрного закона». ³⁵⁰

Совершенно аналогично высказывался с трибуны Конвента признанный термидорианский лидер Буасси д'Англа. И он также стремился подчеркнуть бургфриден, якобы установившийся в термидорианской Франции. В речи Буасси д'Англа от 21 вантоза, посвященной разоблачению происков роялистов и анархистов, мы находим целые тирады об общности интересов «бедных и богатых». «Богатый, если ты будешь презирать бедняка, он возненавидит тебя, и кто-нибудь более богатый, чем ты, в свою очередь, начнет относиться к тебе с пренебрежением; бедняк, если ты завидуешь богачу, если ты присвоишь себе его собственность, найдутся люди беднее тебя и ты сам будешь ими ограблен... О бедняк, если будет разрушена собственность богача... ты потеряешь работу, которая дает тебе возможность жить...»

Дело революции, по мнению Буасси д'Англа, завершено, феодализм разрушен, нет больше дворцов и замков. А из этого следует, что должна прекратиться классовая борьба. «Да будет вечный мир между торговцем и рабочим, между мануфактуристом и ремесленником, между богатым и бедным».

Все термидорианские рассуждения о бургфридене были, на самом деле, простым маневром. Они ни в малой степени не соответствовали действительности. Уже начало зимы 1794—1795 гг. ознаменовалось значительными волнениями в рабочей среде. ³⁵¹

Просматривая Оларовские полицейские донесения, мы убеждаемся, однако, что настоящее революционное брожение среди парижского пролетариата начинается не раньше конца нивоza, когда успели полностью проявиться последствия отмены максимума. Совершенно естественно, что ненависть голодающих рабочих должна была распространиться в равной степени и на правительство и на торговую буржуазию, повинную в неслыханном взвинчивании цен. «Рабочие, — читаем мы в рапорте от 21 нивоza, — обсуждают вопрос о восстании и говорят, что если оно случится, то надо будет напасть на виновников дороговизны, щадя однако их собственность». ³⁵² Изо дня в день

усиливается тревога и беспокойство в рабочей среде. «Распространяется слух, что страшные события произойдут в день, посвященный нашими законодателями празднику в память казни короля, и что причиной всего зла является чрезмерная дороговизна».³⁵³

2 плювиоза агенты доносят о разговорах, подслушанных в разных кафе. Раздавались угрозы «потребовать у купцов, когда рабочим больше ничего не останется, и заставить их давать хотя бы под угрозой, потому что рабочих 30 тысяч человек».³⁵⁴ В другой раз агенты подслушали такого рода разговоры: «как же хочет Конвент, чтобы мы существовали? Сокращают нашу работу в такое суровое время года; хозяева собираются уменьшить нашу заработную плату в то время, как все вздорожало сверх всякой меры. Всему этому должен же притти конец!»³⁵⁵

Такое настроение, такие разговоры продолжают буквально изо дня в день. Вот например какой-то сапожник из Антуанского предместья разглагольствует о том, что если нехватка хлеба продолжится еще некоторое время, то 50 тысяч человек из предместий восстанут и сокрушат все на своем пути, причем будут пощажены только мастера (*les petits ouvriers*) и мелкие лавочники. За такие речи его препроводили в окружной революционный комитет. 21 вантоза «несколько рабочих, охваченных боязнью остаться без работы, говорили о том, что торговцы являются единственной причиной всех их бедствий и что если когда-нибудь произойдет восстание, то они (рабочие) жестоко отомстят за все причиненное им зло».³⁵⁶

24 вантоза открыто говорят о предстоящем перевороте: «неимущие (*les citoyens indigents*), говорят, ожидают его с большим нетерпением».³⁵⁷ Умы возбуждены, хотя пока что общественной спокойствие и не нарушалось. Толпа, впрочем, охотно позволяет себе угрозы и оскорбления по адресу секционных комиссаров.

Связь между политикой Конвента и ростом экономического кризиса отчетливо сознавалась массами. Поэтому готовность к активному выступлению против торговцев очень рано начала перерастать в готовность к общему революционному выступлению. В донесении от 29 вантоза читаем: «В целом ряде булочных не хватило хлеба на всех граждан, следствием этого были общий ропот и всякие выпады против установленных властей».³⁵⁸ «Нам нужно хлеба, — говорили рабочие, — собиравшиеся возле *portes Denis et Martin*, — мы еще им покажем! — *Nous verrons comme-ca ira!*».

Множить приведенные примеры нам совершенно незачем. Вопрос ясен и без того. Рабочих толкал на выступление голод. В этом отношении, пожалуй, историку-марксисту вряд ли можно добавить что-либо существенное тому, что писал хотя бы Луи Блан. Нас интересует здесь другая проблема — проблема организации и программы движения.

Понять смысл жерминаля и прериала — это значит преодолеть почтенную традицию мелко-буржуазной и буржуазной историографии, сводящей все дело к чисто стихийному, неоформленному, неорганизованному бунту. Надо признать, что при таком способе изложения жерминальские и прериальские дни приобретают совсем особую красочность, особую внешнюю эффектность. Между тем, при самом поверхностном знакомстве с событиями бросается в глаза, что налицо были элементы руководства и элементы политической программы. Старую басню о голодном бунте «бессмысленной черни» надо отбросить раз навсегда, как совершенно не вяжущуюся с марксистской концепцией движущих сил французской революции. Но отвергнув ее, мы еще тем самым не разрешаем поставленной нами проблемы. В самом деле, надо решить, какова была политическая и классовая физиономия повстанческого руководства и выдвинутой им программы. Поиски наши могут привести нас или к электоральцам, этому пестрому сплаву экс-эбертистов и бешеных, опиравшихся на рабочий класс и пролетаризированные прослойки мелкой буржуазии, или же к эпигонам Горы. Теоретически, при тогдашнем уровне экономического развития пролетариата, не исключена возможность мелко-буржуазного руководства движением, в котором роль физического костяка выполняли, конечно, рабочие массы Парижа. С другой стороны можно предположить, что состав руководства не был политически однороден и что в нем тактически объединились мелко-буржуазные и более левые группировки. В обстановке 2-го периода реакции прежний антагонизм мелкой буржуазии и городской бедноты, как будто, утратил свою остроту. И все же, как мы еще увидим, в пределах интересующего нас отрезка времени, блок между представителями этих слоев, став социологически возможным, так и не превратился в историческую данность.

VII

Итак, прежде всего, что же произошло в дни жерминальского восстания. Мы знаем, что продовольственное положение Парижа катастрофически ухудшалось уже в самых первых числах жерминаля. Меры, принятые Комитетом, оказались слишком запоздалыми. На парижские предместья надвинулся голод.

Первая попытка коллективного выступления перед Конвентом относится еще к концу вантоза. 27 числа в собрание явилась депутация секций Финистер и Обсерватории. Один из депутатов начал свою речь следующими словами: «Нам не хватает хлеба, мы вскоре начнем сожалеть о жертвах, понесенных нами во имя революции». Тут его прервал ропот с депутатских скамей. Начался шум. Петиционеры стучали по решетке и кричали: «хлеба! Хлеба!» Реплика президента была велеречива и бесцветна. Особо подчеркивал он зловредную деятельность агитаторов. Тот же мотив прозвучал и в выступлении Буасси д'Англа. Он указал, между прочим, на волнения в предместьи Марсо, где, по его словам, «неизвестные злоумышленники созывали собрания граждан». Буасси с открытым лбом заверил собрание, что с хлебом дело обстоит благополучно. Для снабжения Парижа роздано было в последний раз 1890 мешков. Этого хватит с избытком даже при расчете 1,5 фунтов в день на человека.

Так прошла первая демонстрация парижских секций. И Финистер и Обсерватория принадлежали, как мы уже знаем, к числу секций со смешанным населением, отчасти мелко-буржуазным, отчасти рабочим. Главная беда наша в том, что мы сталкиваемся с делегатами секций в самом Конвенте. Мы совершенно не осведомлены о внутренней жизни секций за этот период. Кое-какие штрихи разбросаны в донесениях, опубликованных Оларом. Так, например, мы знаем, что еще 20 плювиоза в собрании секции Монтрейль, входившей в состав Антуанского предместья, явилась делегация из соседней секции Кенз-Вэн. Делегаты прочли текст принятой секцией петиции, в которой сформулировано было требование немедленного проведения в жизнь демократической конституции, т. е. конституции 1793 г. Во время обсуждения петиции в собрании секции Монтрейль поднялась свалка, причем значительная часть присутствовавших выразила свою солидарность с принципами, изложенными в петиции.³⁵⁹

Сообщение о событиях в секции Монтрейль для нас необычайно важно по двум основаниям. Прежде всего мы видим, что секция втянута в борьбу по вопросам чисто политического порядка. Затем требование конституции 1793 г. указывает нам то, что в недрах пролетарских и отчасти мелко-буржуазных секций продолжалась работа тех политических группировок, которые объединялись в кадрах электорального клуба. Это старый лозунг, выдвинутый бешеными еще осенью 1793 г. Нам удастся таким образом фиксировать одну из нитей, связующих жерминаль и прериаль с предыдущими этапами классовых битв.

Новой во всей политической ситуации была склонность радикальной мелкой буржуазии примкнуть к лозунгу демократической конституции. Институт революционного правительства утратил для нее всякое положительное значение, с того самого момента, когда выяснилось его насквозь реакционное классовое содержание. С другой стороны, правящие термидорианцы не могли не прийти к выводу о полнейшей неприменимости якобинской конституции, Она была несовместима с классовым господством крупной буржуазии 11 вантоза Фрерон, выступивший в Конвенте с целой декларацией, потребовал создания комиссии из 20 человек для обсуждения способов осуществления конституции 1793 г. В замаскированном виде, как правильно указывает Матьез,³⁶⁰ предложение Фрерона означало подготовку пересмотра демократической конституции. Однако термидорианцы не собирались форсировать постановку вопроса. Им надо бы сначала закончить начатый процесс членов Комитетов. Но тут в дело вмешался Лекуантр, «неисправимый чудак», как его называет Левассер.³⁶¹ Лекуантр, как мы уже знаем, проделал значительную эволюцию влево. 29 вантоза он совершенно неожиданно для всех предложил уничтожить чудовищный институт революционного правительства и ввести в действие конституцию 1793 г. Выступление Лекуантра, по словам Левассера, «вызвало настоящий взрыв на всех скамьях Конвента».³⁶² Действительно, вначале ему вообще не давали говорить. Потом термидорианцы сообразили, что им совершенно невыгодно раскрывать свои карты. Начались увещания. «Мой друг, — говорил Камбасэрэс, — ты ошибся... против твоей воли ты помогаешь проискам врагов Конвента».

По его предложению проект Лекуантра отослан был на рассмотрение правительственных комитетов.

По мнению Левассера выступление Лекуантра сыграло значительную роль в дальнейшем разворачивании событий. «Экстравагантная выходка человека, находящегося в полном одиночестве, произвела больший эффект, чем все наши усилия».³⁶³ Левассер ошибается, однако, полагая, что Лекуантр первый вспомнил о конституции 1793 г. Мы знаем уже, что почва для его выступления была подготовлена агитацией, ведшейся в секциях Антуанского предместья. Более того, можно поставить вопрос, не был ли Лекуантр непосредственно инспирирован деятелями левой оппозиции?

Во всяком случае, в развитии жерминальских событий мы, с самого начала, видим тесное переплетение экономических и политических мотивов. Полицейские донесения, регистрируя рост брожения на продовольственной почве, отмечают оживленные дебаты в уличных собраниях, по поводу предложения Лекуантра. «Все высказывают пожелание о скорейшем проведении в жизнь конституции 1793 года».³⁶⁴

Волнения, вызванные продовольственным кризисом, термидорианцы пытались парировать успокоительной декламацией Буасси д'Англа. «Жители Парижа, — воскликнул он 28 вантоза, — на что вы жалуетесь? Неужели вам не хватило хлеба, хотя бы в течение одного дня... Говорят, что вы недовольны вашим пайком... Но укажите мне департамент, где бы выдавали столько хлеба, как в Париже».

Не рассчитывая, однако, на одни только увещания, термидорианцы спешно провели через Конвент реорганизацию национальной гвардии и новый закон о полиции. Служба в гвардии объявлена была 28 вантоза личной повинностью всех граждан. Всякое замещение было запрещено. Проводя эту меру, термидорианцы думали усилить участие буржуазных слоев в кадрах национальной гвардии. Что касается нового закона о полиции, то соответствующий проект должен был быть внесен от имени комитетов в заседании 1 жерминаля.

Однако, в самый этот день события развернулись не так, как этого могла бы ожидать правящая группировка. В самом начале заседания у решетки Конвента появилась делегация от секций Кэнз-Вэн и Монтрейль. Котери (Cothey), оратор делегации зачел обширную петицию, которая заканчивалась требованием немедленного осуществления народной конституции 1793 г. Впрочем, сама петиция выдержана была в довольно спокойных тонах. Авторы ее напирали на невыносимость экономического положения широких масс. «Секция Кэнз-Вэн не пришла просить у вас новых ссылок или пролития крови сторонников той или иной партии... В ваших руках гораздо более верное средство к прекращению политической бури... Используйте же его!»

Можно с уверенностью предположить, что и на этот раз выступление секций не стояло ни в какой связи с политической акцией якобинцев. В замечательном и совершенно забытом труде Кабэ, проливающим много света на историю жерминаля и прериала, прямо говорится, что восстание 1 жерминаля было подготовлено, но подготовлено очень скверно. «Много соперничающих полковников и ни одного генерала, никакой согласованности, никакого контакта с Горой, наконец полное отсутствие плана».³⁶⁵ Мы особо подчеркиваем, что явное отсутствие политической инициативы у якобинской фракции Конвента еще отнюдь не означает, что самое движение было стихийным. Ведь кто-то вел агитацию в секциях, кто-то шел во главе депутатов, кто-то расклеивал на стенах «зажигательные плакаты». Кабэ говорит по этому поводу о «неизвестных вожаках».³⁶⁶ Мы знаем уже, к каким группировкам должны были принадлежать эти «вожаки». Это эпигоны бешеных и эбертистов, или, еще короче, электоральцы. Ведь недаром народное общество секции Кэнз-Вэн стало, как мы знаем, убежищем электоральцев. Правда, оно было уже закрыто, но из этого только следует, что в рабочих секциях создано новое подполье, руководившее подготовкой народных выступлений.

После прочтения петиции секций Кэнз-Вэн и Монтрейль в Конвенте начались бурные прения. Шаль устремился в защиту петиционеров. Ему возражали Тальен, Буасси д'Англа, Тибодо и др. Насколько быстро развивались события, видно из того, что Тибодо решился выступить против конституции 1793 г. Он указал на то, что эту конституцию нельзя считать демократической, потому что при ней национальное представительство будет вновь отдано во власть мятежной Коммуне. «С момента осуществления вашей кон-

ституции вы не сможете отказать Парижу в праве иметь муниципалитет...» Тибодо категорически высказался против немедленного проведения в жизнь конституции 1793 г.

Единственным результатом дискуссии было принятие сделанного Лежандром предложения об образовании особой 11 комиссии, для скорейшей разработки органических законов.

В этот же день Конвент, несмотря на отчаянное сопротивление Гужона, Шаля, Рюана и Дюгема, утвердил внесенный Сийесом от имени комитетов проект нового закона о «большой полиции» («loi de la grande police»); проект этот носил совершенно террористический характер.

В то самое время, когда Конвент был занят его обсуждением, в Тюильерийском саду начались стычки между рабочими и золотой молодежью.³⁶⁷ Рабочие одолели. Нескольких мюскаденов швырнули в бассейн, других побили. Комитет общей безопасности, обеспокоенный размерами беспорядков, призвал на помощь соседние секции. В его распоряжении находилось, кроме того, еще около 1200 мюскаденов. Столкновение в саду прекращено было, однако, только при помощи вооруженной силы.

Правительственные комитеты, застигнутые врасплох событиями 1 жерминаля, приняли теперь свои меры. Еще 30 вантоза они распорядились убрать пушки с нового моста. 6 жерминаля комитетам 12 округов выдано было оружие «для граждан, которые будут признаны достойными носить его».³⁶⁸ Наконец, 8 числа был закрыт клуб Вербуа (Vert-Bois), расположенный в секции Гравилье, и арестован его бывший председатель Барбо (Barbot) по профессии бакалейщик (marchand mercier).

Интересно отметить, что этот самый Barbot принимал участие в борьбе против Жака Ру и примыкал, следовательно, к эбертистской группировке секции Гравилье. По крайней мере, он доносил на Ру полицейскому комиссару секции 21 августа 1793 г.³⁶⁹ Просматривая бабефовский список патриотов секции Гравилье, мы находим там некоего бакалейщика (marchand mercier) под именем Charbeau.³⁷⁰ Учитывая обилие опечаток и описок в публикации бабефовских документов, мы в праве предположить, что речь тут идет об экс-президенте клуба Вербуа.

Таким образом, преследуя виновников жерминальских беспорядков, власти направляют свои удары на уже знакомую нам среду «электоральской оппозиции».

Параллельно с этим термидорианцы видимо решились ускорить процесс членов комитетов. Со 2 жерминаля начались прения по докладу Саладина. Нужно подчеркнуть, что в защиту обвиненных выступили такие умеренные деятели как Карно, Линдэ, Камбон и оба Приера. Заседания Конвента со 2 по 6 число были посвящены, почти целиком, шумным и беспорядочным дебатам, в которых все больше и больше разгорались страсти борющихся партий. В конце концов решено было ограничить число участников прений, допустив к ним только членов Комиссии 21 и самих обвиняемых.

Повторяем еще раз, мы ровно ничего не поймем в ходе жерминаля, если не учтем того политического фона, на котором разворачивался продовольственный кризис. Игнорирование политической обстановки в методологическом отношении означало бы худший вид экономического материализма.

Для классовой природы якобинцев чрезвычайно характерно, что и в этот критический для них момент, когда призрак смерти уже витал над головами обвиненных комитетчиков, их коллеги не нашли ни мужества, ни воли к объединению с электоральцами. Путь к массам лежал, конечно, через блок с «безыменными вожаками» из народных обществ рабочих предместий. «Мы были охвачены величайшим беспокойством, — пишет Левассер, — не имея никаких связей с непрерывно возобновлявшимся движением, мы чувствовали все же, что между нами и народом существует какая-то взаимная симпатия. Дело, во имя которого народ предпринимал свои демонстрации, мы защищали ежедневно с конвентской трибуны».³⁷¹ Не будучи уверены в успешном исходе восстания, якобинцы, по свидетельству того же Левассера, решились выждать дальнейшего хода событий.

В противоположность Левассеру, Матьез считает «беспорным; что некоторые из депутатов Горы действовали в контакте с теми из своих сторонников, на кого они могли рассчитывать».³⁷² Конкретно, он имеет в виду Леонарда Бурдона и Тюрио. Насколько можно судить, предположение Матьеза является вполне априорным. Так он считает, что Ванек (о котором ниже) был ставленником Тюрио. Мы еще увидим, что Матьез

недостаточно осведомлен о политической физиономии Ванека. Что касается Бурдона, то он, подобно Шалю, занимал позицию на крайне левом фланге якобинской партии, на грани между якобинством и эбертизмом, так что его поведение не может быть признано характерным для всей группы «последних монтаньяров».

Так или иначе, но брожение в предместьях не прекращалось.

Продолжались также мелкие стычки в тюильерийском саду. Любопытно отметить, что мяскадены на первых порах переменили тактику. Они пытались теперь брататься с рабочими. 3 жерминаля в Пале-Рояле зачтено было обращение «молодых людей к рабочим Антуанского предместья, предлагавшее рабочим совместно бороться за «единую и нераздельную Республику».³⁷³

Этот маневр не имел, однако, успеха. По словам полицейского рапорта мяскадены встретили холодный прием. В мастерских арсенала, например, работницы пригрозили им бросить их в воду.

Постоянным источником волнения, в эти дни, оставался продовольственный кризис. 5 жерминаля выдача хлеба сократилась до 1/3 фунта хлеба на человека. Часть потребителей, несмотря на это, осталась вовсе без хлеба. На следующий день та же картина. В секции арсенала булочные получили на 325 мешков Муки меньше обычного. Часть рабочих осталась без хлеба. В Тюильерийском саду шли разговоры о неизбежности гражданской войны.

7 жерминаля во всех уличных сборищах раздавались гневные возгласы против правительства. Говорили, что свобода торговли не должна позволять торговцу обрекать на смерть неимущих... и что в случае дальнейшего бездействия властей приходится опасаться нападения на торговцев, которых все считают вампирами, и разграбления их имуществ...³⁷⁴ Около входов в булочные царил страшнейший беспорядок. В секции Гравилье граждане сбежались под звуки колокола, чтобы всей массой двинуться в Конвент.

Многочисленная толпа женщин, собравшаяся возле Конвента, проникла в залу заседаний. Одна из них взяла слово и потребовала у Конвента хлеба. «Сегодня утром, — говорила она, — нам хотели дать по 1/3 фунта, никто не захотел их взять. Никто не может, имея всего 40 су в день, покупать продукты, которые смогли бы заменить нам мясо».

На призыв президента сохранить спокойствие женщины ответили исступленными криками: «Хлеба! хлеба!» Теми же возгласами прерывалась реплика Буасси д'Англа, указавшего на то, что Комитет распорядился распределить 740 тысяч мешков муки. Нехватку хлеба он объяснил причинами организационного порядка. Кроме того Буасси обещал, в случае дальнейших затруднений, наладить выдачу риса и бисквитов.

Во время всех этих сцен Гора хранила гробовое молчание. Она ограничилась аплодисментами по адресу Перрена, предложившего разгрузить Париж от иностранцев и военных. Попытка Лекуантра поднять вопрос о борьбе с дороговизной встречена была переходом к очередным делам, к продолжению дебатов о 4 комитетчиках.

В конце заседания Изабо сделал сообщение об утренних событиях в секции Гравилье. В секции Гравилье толпа в 400 человек незаконным образом проникла в помещение секционного собрания, объявила себя пленумом секции, избрала президиум в составе председателя и двух секретарей. Один из них прочел пункт из декларации Прав Человека и Гражданина о «праве на восстание». Комитет общей безопасности отделил в секцию своего члена Делеклуа. На предложение Делеклуа разойтись собрание ответило отказом. Такие же сборища, по словам Изабо, имели место в других секциях.

Полицейский рапорт от 8 жерминаля содержит несколько дополнительных штрихов. Председателем сборища в секции Гравилье избран был секретарь гражданского Комитета, по социальному положению — подмастерье у шорника (*garçon bourreher*).³⁷⁵ После ухода Делеклуа восстановился порядок. Собравшиеся разошлись по домам. Ночью последовал арест лиц, замешанных в беспорядках, и в частности президента и секретаря «незаконного сборища». На следующий день в 11 ч. утра у помещения комитета секции Гравилье собралась новая толпа, пытавшаяся взломать закрытую дверь и проникнуть в зал заседаний, «чтобы обсудить там требование к Конвенту об освобождении петиционеров».³⁷⁶ Около полудня в толпе начались разговоры о том, чтобы особая депутация направилась в предместья и что необходимо, чтобы низший

низший класс (la basse classe) завладел пушками, пока они не попали в руки крупных торговцев. Между 2 и 6 час. окружный комитет арестовал нескольких лиц, собиравших толпу на бульваре. В других секциях, несмотря на общий ропот и недовольство, день прошел спокойно.

Между тем продовольственный кризис перешел в катастрофу.

С вечера 8 жерминаля у булочных образовались хвосты. Выдача хлеба началась на следующий день, не ранее 9 часов утра, потому что запоздала доставка топлива, необходимого для выпечки хлеба. Настроение в очередях становилось все более и более жутким. Рассказывали о кошмарном случае детоубийства на почве голода, а главное бранили на чем свет Конвент и комитеты, обвиняя их в перекупках, в вывозе хлеба за границу, в разнуздывании ажиотажа. В Пале-Рояле в толпе громко высказывали свою солидарность с 4 обвиняемыми.

Следующий день был десятым в декаде. Во всех секциях состоялись очередные собрания, отличавшиеся необычайно бурным характером. В целом ряде секций, как например Бон-Консей, Арсенала, де-Плант, решено было представить конвенции петиции с требованием принятия решительных мер против продовольственного кризиса. Секция де-Плант постановила требовать переучета хлебных запасов.

Донесения полицейских очень скупо проливают свет на внутреннюю обстановку секционных собраний 10 жерминаля. Несомненно, здесь должны были активно действовать электораты. Наибольший успех, как мы еще увидим, они имели в секции Кэнз-Вэн.

11 жерминаля волнения начали принимать новую форму. «Значительное число рабочих бросило работу, заявив, что они не возобновят ее пока не получают хлеба».³⁷⁷ Рис, выдававшийся вместо хлеба, не мог удовлетворить голодающую массу. Его нельзя было приготовить за полным отсутствием топлива. В то самое время, когда население предместий корчилось от мук голода, кондитерские были завалены всякими лакомствами. «Общее недовольство достигло своего апогея»,³⁷⁸ лаконически отмечает рапорт.

Что же происходило в это самое время в Конвенте? Еще 8 жерминаля Конвент изменил часы секционных собраний, фиксируя их между 1 и 4 пополудни. Это была мера, долженствовавшая облегчить полицейский надзор за собраниями.

В этом же заседании имело место довольно неожиданное выступление Мерлена (из Тионвиля). Он предложил Конвенту созвать на 1 флореаля первичные собрания избирателей для выборов депутатов в новое Национальное Собрание. Собрание это с 1 прериаля должно было заменить Конвент. Одновременно с этим департаментские избирательные коллегии должны были 10 флореаля наметить кандидатов на должности членов Исполнительного совета, департаментских администраций и т.д. Одним словом этот матерой термидорианец предлагал ввести в действие конституцию 1793 г. При этом его поддержали Виллетар, Дюбуа-Крансэ и другой Мерлен. Понятное дело, что к проекту Мерлена присоединилась и гора, в лице Дюгэма.

Диверсия Мерлена была несомненным маневром, задуманным как способ парирования растущей революционной волны. Во всяком случае она показала, что кое у кого из термидорианских лидеров начали пошаливать нервы. Комитеты, обсудив проект Мерлена, не дали ему хода. С другой стороны, в рабочих предместьях Парижа предложение Мерлена склонны были истолковать как замаскированное бегство с поста. 8 и 9 Конвент продолжал, как ни в чем не бывало, допрос комитетчиков. Решено было производить допрос ежедневно от 6 утра до 6 вечера.

10 жерминаля, после речи жирондистов Луве и Шенье, Конвент похоронил проект Мерлена, по первому разряду. Даже Камбон и Жамбон-де-Сент-Андре высказались против него. В речах правых, в особенности Мерлена (из Дуэ), красной нитью прошла мысль о необходимости солидно «обосновать» конституцию целой сетью органических законов. Под этим соусом собранию сервировали идею кардинального пересмотра демократических основ якобинской конституции. Для составления проекта органических законов была образована особая комиссия семи.

На следующий день Конвенту вновь пришлось притти в соприкосновение с улицей. У его решетки появились делегаты секций Кэнз-Вэн. Содержание политических требований, выставленных петиционерками, не оставляет никакого сомнения в том, что секцией руководили электоральцы. «Почему у Парижа нет муниципалитета? — спрашивал оратор секции. — Почему распущены народные общества? Где наш хлеб? Почему падает курс ассигнаций?» Еще в начале III года борьба за Коммуну и за народные общества составляла основу политической программы электорального клуба. Те же требования отстаивал тогда Бабеф. Зато круто изменились экономические лозунги движения. Торжество свободной торговли быстро излечило идеологов городской бедноты и пролетариата от временных фритрэдерских увлечений. «Нам обещали, что отмена максимума вернет изобилие, на самом деле голод достиг своего апогея», — констатирует петиция секции Кэнз-Вэн.

Немудрено, что требования петиционеров должны были вызвать самую резкую отповедь со стороны термидорианцев. «Собрание, — заявил Тальен, — не позволит больше, чтобы ему диктовали законы». По предложению Бурдона (из Уазы) Конвент постановил поручить Комитету общей безопасности заняться составлением списков арестованных. Списки эти должны были быть направлены в секции. По мнению Бурдона это был верный способ убедиться в политических симпатиях парижского населения. Иначе говоря, затеяна была новая, грандиозная провокация, встретившая шумное ободрение у большинства собрания. Один Гужон пытался защитить петиционеров и отстоять «святость конвентской решетки».

Трагический день 12 жерминаля начался с того, что в целом ряде булочных было выдано по 1/4 фунта хлеба на человека. Накануне Комитет издал распоряжение о снятии с пайка всех лиц, проживающих в меблированных комнатах (*maisons garnies*), без постоянной прописки (*non domicilies*).³⁷⁹ Под действие этого постановления попадали, прежде всего, сезонные рабочие каменотесы, каменщики, строители. Это подлило лишнее масло в огонь. В 9 часов утра начались волнения в Ситэ. Толпа женщин вломилась в помещение Храма Разума. В секции Братства женщины овладели караулом и начали бить в барабан. В Антуанском предместьи закрывались лавки. Массы народа выступили на улицу и, соединившись с обитателями предместий Жак и Марсель, двинулись к Конвенту.

Между тем в Конвенте приступили к заслушанию доклада Буасси д'Англа по продовольственному вопросу. Внезапно громадная толпа мужчин, женщин и детей, преодолев сопротивление стражи, ворвалась в залу собрания с исступленными криками: «Хлеба! Хлеба!» На колпаках и шапках манифестантов виднелись надписи: «Хлеба и конституции 1793 г.!»

В первый момент депутаты замерли, как изваяния, на своих скамьях. Только левая проявляла признаки чрезвычайного оживления. Под неумолчные, наполнявшие весь зал крики: хлеба, хлеба! Мерлен (из Тионвиля) ринулся в самую гущу толпы. «Он обнимает и просвещает рабочих», — читаем мы в «Монитёре». Это был безусловно смелый, до дерзости, маневр, рассчитанный на то, чтобы разложить неудержимо надвигавшиеся колонны манифестантов. Поднявшись затем на трибуну, Мерлен произнес несколько примирительных слов.

В зале стоял неопишуемый беспорядок. Реплики Югэ, Лежандра, Гастона потонули в нестройном хоре голосов, требовавших хлеба. Молчание воцарилось только тогда, когда трибуну занял Ванек, герой революции 31 мая, выступивший с небольшой речью от имени демонстрантов и, в частности, от имени секции Ситэ. Ванек потребовал осуществления конституции 1793 г., освобождения патриотов, арестованных после 9 термидора, и решительных мер к преодолению продовольственного кризиса. «Настало время, когда класс неимущих перестанет быть жертвой эгоизма богачей и алчности торговцев, — говорил Ванек, — куда делось зерно, собранное в последний урожай?.. Жадность достигла апогея; ассигнации презирают потому, что вы издали декреты, подорвавшие доверие к ним».³⁸⁰

Ванек обратился также к Священной Горе с просьбой поддержать «людей 14 июля, 10 августа и 31 мая в момент кризиса».

После окончания речи Ванека снова возобновился общий шум. Однако энергия и подъем массы стали иссякать. Люди толпились без дела в переполненном до отказа помещении. Было страшно душно. У решетки появились делегаты секций Братства, Колпака, Свободы, Бон-Консей и Терм, высказавшиеся в лойяльном, почти примирительном духе. Решающим, однако, было поведение якобинцев. Еще накануне они, по словам Левассера, решили принять участие в восстании. Однако, столкнувшись лицом к лицу с массой, эпигоны Горы утратили весь свой революционный пыл. Приер (из деп. Марны) обратился к толпе с увещанием оставить зал заседаний. Более того, якобинцы вмешались в толпу, убеждая манифестантов, рассеившихся на депутатских скамьях, вернуться в свои секции. Начался великий исход. Зал постепенно опустел.

В собрании еще не умолкло эхо народных возгласов, а Буасси д'Англа уже дочитывал свой доклад о продовольствии.³⁸¹ Конвент тут же утвердил проект декрета об образовании особых вооруженных отрядов для конвоирования прибывающего в Париж зерна. По предложению Приера (из деп. Марны) решено было в течение ближайших дней выдавать хлеб рабочим и неимущим, переводя более обеспеченные слои населения на рис и бисквиты.

Пока шли эти сравнительно невинные дебаты, термидорианцы успели отдышаться и сообразить, что опасность миновала. Теперь надо было мстить и мстить беспощадно. Сигнал дан был сообщением Изабо о ранении члена Комитета общественного спасения Ожи. Он действительно был помят в секции Пантеона. Конвент немедленно постановил, что имело место покушение на свободу его обсуждений... Комитету поручено было обнаружить и покарать виновников волнений. Тут же решилась судьба Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенна, Барера и Вадье. По предложению Дюмона, их решено было сослать в ту же ночь. Заслушав новую сенсацию Изабо об убийстве депутата Перрена, на этот раз ни мало не отвечавшую действительности, Конвент, по предложению Барраса, объявил Париж на осадном положении и поручил главное командование генералу Пишегрю. В качестве помощников ему придали Барраса и Мерлена (из Тионвиля). Затем в зале появился побитый Ожи, удостоенный «братских объятий» председателя. Близился рассвет. Конвент принял алармистское воззвание к населению Парижа и декретировал арест Шаля, Шудье, Фусседуара, Югэ, Леонар Бурдона и Рюана. После новой трогательной сцены, вызванной появлением ожившего Перрена, к числу арестованных присоединили Амара и Дюгэма. Кроме того, вспомнили Фукье-Тэнвиля и Добсена, но оказалось, что комитеты уже позаботились об их аресте.

К утру 13 жерминаля термидорианцы могли торжествовать победу по всему фронту. Активные участники демонстрации пытались искать убежища в секциях. Секционные собрания Пантеона и Ситэ объявили было свои заседания непрерывными, однако в течение ночи собравшиеся разошлись по домам. Вооруженные силы, собранные под командованием Пишегрю, очистили кварталы, примыкавшие к Тюильерийскому дворцу, и утром 13 жерминаля проникли в Антуанское предместье. Последние сборища инсургентов, одно в секции Кэнз-Вэн, другое в соборе Парижской Богоматери, были рассеяны под личным руководством Пишегрю.³⁸²

Такая же судьба постигла «клубистов» из Антуанского предместья», силой ворвавшихся в зал секционных собраний. Их было от 800 до 900 человек. Они выбрали президиум и начали обсуждать вопрос об объявлении восстания. Их цель, по заключению Ровера, состояла в том, чтобы поставить Горы (la Crete) во главе правительства. Некий Фезаль, открывший собрание, предложил потребовать к ответу гражданский комитет секции. Другой оратор настаивал на рассылке комиссаров для пропаганды восстания. Собрание, однако, колебалось и отвергло все внесенные предложения. И оно было вынуждено рассеяться к моменту появления буржуазной национальной гвардии.

Более серьезные беспорядки возникли на пути следования высланных комитетчиков. Многочисленная толпа, собравшаяся на площади Революции, оттеснила жандармский конвой, захватила - повозки и отвезла их в помещение Гражданского комитета секции Елисейских полей. Одновременно с этим другое сборище атаковало военный пост на place de l'Etoile, забаррикадировало авеню и овладело двумя пушками. Начальник жандармов, пытавшийся войти в переговоры с мятежниками, вынужден был обратиться в бегство. На место происшествия явился сам Пишегрю во главе нескольких сот мюскаденов и национальных гвардейцев из буржуазных секций. Мятежники дали два

выстрела из пушек. Завязалась оживленная перестрелка. Нужно впрочем отметить, что от всей этой пальбы никто не пострадал. На месте осталось несколько раненых и убитых лошадей.

В конце концов мятежники бросили пушки и разбежались по соседним кварталам. Нужно отметить, что эта последняя вспышка отличалась совершенной стихийностью. Часть собравшихся кричала о том, что как бы ни были виновны Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенна и Барер, их все же надо было судить.³⁸³ По словам Дюбуа-Крансэ толпа была возбуждена слухами о том, что в повозках следуют члены Конвента, спасающиеся бегством из Парижа. Барер, в своих «Мемуарах», считает, что ему преднамеренно предоставили пышную дворцовую коляску, чтобы привлечь внимание толпы и спровоцировать акт самосуда.

Попробуем теперь подвести итоги. Мы уже выяснили, что марксистская историография, изучая жерминаль и прериаль, должна сделать упор на анализ элементов руководства и программы этих двух движений. К сожалению, материал, имеющийся в нашем распоряжении для разрешения поставленной проблемы, чрезвычайно скуп и отрывочен.

Руководство движением несомненно может быть прощупано в секционных собраниях, где очевидно действовали многочисленные и безымянные агитаторы-электоральцы. Можно считать установленным, что только из этой среды могли быть набраны председатели и секретари «незаконных» сборищ. Центральной фигурой в событиях 12 жерминаля выступает, несомненно, Ванек (Van Неск или в другой транскрипции Vanec). Политическая карьера его началась в день 31 мая, когда он командовал секцией Ситэ. В дальнейшем Ванек, если верить Клозелю, был близок Добсену (Dobsen, Dobsent, или Dopsent), ставшему с 23 термидор і председателем революционного трибунала.³⁸⁴ Добсен, также активнейший участник событий 31 мая, принадлежал к левым якобинцам, типа Шаля или Бурдона. Ванек запряган был термидорианцами в тюрьму и выпущен лишь незадолго до восстания. Для политической физиономии Ванека чрезвычайно характерны его дальнейшие судьбы. Он всплыл в эпоху заговора Равных, когда Тайная директория назначила его своим агентом, поручив ему общий надзор за армией (pour les troupes en general).³⁸⁵ В документах Бабефа Ванек значится в списках лиц, достойных занять должности военных командиров.³⁸⁶ В последний раз имя Ванека может быть упомянуто в связи с возрожденным якобинским клубом лета 1799 г. Не забудем, что клуб 1799 г. объединял на ряду с якобинцами и бабувистов. Мы имеем, таким образом, дело с человеком, бывшим, по своим политическим убеждениям, левее якобинцев. Иначе говоря, в рассматриваемую нами эпоху он должен был примыкать к электоральцам.

Руководители восстания несомненно планировали соглашение с Горой. Мы можем не придавать значения свидетельству Ровера, но призыв к депутатам-якобинцам остался запечатленным в речи Ванека. Протянутая рука повисла в воздухе. Мелкая буржуазия проявила обычное свое равнодушие и нерешительность. Этим самым исключается возможность участия фракции Горы в подготовке жерминаля. Не может быть также доказано участие в событиях таких одиночек, как Леонар Бурдон. Он был арестован 13 жерминаля на территории секции Гравилье. Фрерон, настаивавший на его аресте, в ночном заседании с 12 на 13 число, указал на роль, которую играл Бурдон в клубе Вербуа. Он, однако, не привел никаких данных, которые могли бы указать на связь между Бурдоном и жерминальскими повстанцами.

Стратегический замысел жерминальского «дня» будет уместнее анализировать в главе, посвященной прериалю.

Политическая программа жерминальской демонстрации является осколком с программы электоральцев и, генетически, восходит к известной петиции секции Музея. Что касается экономической программы, то она складывается из моментов чисто негативного порядка. Предпосылкой ее является быстрое и бесповоротное отрезвление масс от всяких фритрэдерских иллюзий.

Еще 11 вантоза полицейский рапорт отмечает разговоры о том, «что отмена максимума была вызвана желанием предоставить торговцам возможность удовлетворить свою жадность и разорить всех граждан».³⁸⁷ Эпоха максимума вспоминалась теперь как время, когда товары были достаточно дешевы и звонкая монета не успела еще

ассигнации.³⁸⁸

Требования восстановления максимума попадают теперь в петициях, присылаемых в Конвент из разных «медвежьих углов». «Граждане представители, — читаем мы в одной такой петиции, — хлеб стоит 40 и 48 су... чтобы покончить с этим нужно восстановить максимум...»³⁸⁹ Петиция эта, написанная очевидно совершенно безграмотным человеком, помечена 1 вантоза.

Аналогичные тенденции отражаются и в брошюрной литературе. В печатной петиции 77 земледельцев, комментированной неким Дювраком, находим следующие строки, принадлежащие упомянутому комментатору. «Честные граждане и добрые пахари с отменой максимума могут опасаться решительно всего, если не будет принято никаких дополнительных мер».³⁹⁰ Не требуя прямо восстановления максимума, Дюврак настаивает на издании репрессивного закона против спекулянтов и взятии на учет хлебных запасов. В аналогичных тонах выдержана и сама петиция, несомненно отражающая интересы бедняцких слоев деревни. Подписавшиеся готовы подчиниться распоряжению Конвента об отмене максимума, но они полагают, что «с отменой этого мудрого и благодетельного закона... народ вновь уподобляется кораблю, вышедшему в бурное море. Найдутся эгоисты, которые не станут обращать внимание на положение класса неимущих... Ничто не сможет ограничить их жадность... Другие будут скупать хлеб, пользуясь свободой торговли, они явятся на базары, на рынки, к крестьянину и возьмут силой то, что им будет нужно для их спекуляций. Цены на хлеб подымутся так высоко, что народ не сможет его покупать и, следовательно, общественная безопасность испытает страшную угрозу, которую можно было бы избежать установлением закона, соответствующего закону 11 сентября».³⁹¹ Петиционеры обязуются продавать принадлежащий им хлеб по цене, не превышающей сумму в 52 ливра за три квинтала.

Таким образом, экономические последствия отмены закона о максимуме начали осознаваться городской и деревенской беднотой. В лозунгах 12 жерминаля отчетливо проявляется антифритредерская позиция руководителей движения. Конкретная обстановка демонстраций исключала, конечно, возможность более детального обоснования этой позиции и дополнения ее какой-либо положительной, экономической программой.

Между тем, именно продовольственный кризис служил залогом того, что движение, раздавленное 13 жерминаля, должно было возродиться на новой и высшей ступени. Реакция была жестока, но поверхностна. Она была по якобинцам, стоявшим в стороне от подлинного штаба инсurreкции. В конце концов жерминаль и не был восстанием, он был его генеральной репетицией. За жерминалем шел прериаль.

ГЛАВА 6. ПРЕИАЛЬ

Первым последствием жерминаля был рост политической и социальной реакции.

Подавив восстание, термидорианцы вкупе с жирондистами постарались прежде всего консолидировать правительство и усилить его военно-полицейские ресурсы. 21 флореаля Конвент вотировал реорганизацию Комитета общественного спасения. Полномочия Комитета были расширены. Сам он разбивался на несколько секций, призванных руководить работой комиссий, заведывавших отраслями управления. Принятию этого проекта предшествовали продолжительные прения, в которых обнаружилось резкое расхождение между термидорианцами и жирондистами.

Из среды близкой к жирондистам исходили такие проекты, как проект Потрицеля (Pautrizel), предложившего передать власть Исполнительному совету, составленному из представителей департаментов. В ходе дискуссии жирондистам удалось внести существенные изменения в первоначальный проект, представленный Тибодо, от имени Комиссии семи, в заседании 7 флореаля. Проект Тибодо предусматривал упразднение Комитета общей безопасности и поглощение его функций Комитетом общественного спасения. Лесаж еще 11 флореаля указал на то, что это может привести к восстановлению «учреждений, существовавших после 31 мая». Жирондисты, типа Луве, Ланжюинэ и Лесаж, откровенно опасались концентрации власти в руках Комитета общественного спасения. В конце концов, Лесаж выдвинул идею создания Совета исполнительных комиссаров, которые должны были возглавить работу комиссий и назначаться не из среды депутатов. Таким образом, принятый декрет носил

компромиссный характер, поскольку он сохранял прежнюю структуру комитетов и оставлял полицию в ведении Комитета общей безопасности.

Еще ранее последовал целый ряд мероприятий, ясно указывавших на то, что термидорианцы считали неизбежным возобновление борьбы с рабочими предместьями Парижа. 21 жерминаля Конвент предложил Комитету безопасности принять все меры к «обезоружению лиц, известных в секциях своей причастностью к ужасам тирании, предшествовавшей 9 термидорам 28 жерминаля принят был декрет о реорганизации национальной гвардии, подчинявший Парижскую гвардию непосредственно военному комитету Конвента. Кроме того, в тот же день, под предлогом обеспечения своевременного прибытия транспортов с продовольствием, Конвент отменил постановление, запрещавшее ввод вооруженных сил в пределы Парижа и его окрестностей. Реформированная гвардия должна была включить отряд кавалерии силой в 2400 сабель, набранный из добровольцев, обязанных экипироваться за свой счет. Таким образом буржуазия открыто вооружалась против рабочего класса.

Исход жерминаля вызвал усиление реакции в сфере социальной политики. Уже 19 жерминаля Пеле (из Лозеры) в речи, посвященной внутреннему и внешнему положению Республики, высказался в пользу упразднения муниципалитетов по всей территории страны, за исключением кантональных центров, ликвидации округов, как самостоятельной административной единицы, легализации сделок в звонкой монете и открытия биржи. 26 жерминаля Жоанно, от имени Комитета финансов, изложил обширный план финансовой реформы. Жоанно потребовал легализации сделок в звонкой монете, установления официального курса для марки серебра, открытия биржи и расценки продаваемых национальных имуществ в серебряной марке. В области государственного хозяйства Жоанно высказывался за проведение строжайшей экономии и решительное сокращение числа служащих в государственных учреждениях. Все эти меры должны были, по его мнению, вернуть доверие к ассигнациям, тем более, что эти последние были в достаточной степени обеспечены наличным фондом национальных имуществ, стоимость которых Жоанно исчислил в 16976935 тыс. фр. Массу ассигнаций, находившуюся в обращении, Жоанно определял в 7964941 тыс. фр. Жоанно предлагал разрешить еще один выпуск ассигнаций, на сумму в 3 миллиарда франков, с тем, чтобы после него сжечь клише и матрицы. Впрочем, новую эмиссию можно было, по мнению Жоанно, заменить выпуском особых ипотечных бон (cednles hypothecaires), на непроданную часть национальных имуществ.

Доклад Жоанно, вызвавший в Конвенте целую дискуссию по финансовым вопросам, интересует нас лишь поскольку он отразил новый, реакционный поворот конвентского большинства. Практическая ценность его, даже по признанию Мариона, очень невысока.³⁹² Оценка, данная в докладе национальным имуществам, совершенно произвольна. Выход из финансового кризиса намечен в форме новой эмиссии, явной или скрытой. Из всего доклада Конвент поспешил провести в жизнь легализацию торговли золотом и серебром и открытие биржи. В заседании 6 флореаля экс-монтаньяры Вернье и Жамбон де Сент-Андре решительно поддержали проект правительственных комитетов. «Граждане, — проповедовал Вернье, — невозможно запретить употребление золота и серебра нациям военным, земледельческим и торговым». Жамбон убеждал собрание в том, что «никакая человеческая сила не может запретить драгоценным металлам быть товаром, потому что это свойство заключено в самой их природе».

Декрет 6 флореаля, разрешавший продажу золота и серебра и вывоз его за границу в обмен на продукты первой необходимости, ускорил темп падения ассигнаций. За два месяца, последовавших после издания декрета от 6 флореаля, ассигнации упали с 12% до 4% их номинальной стоимости. Что касается парижской биржи, то она стала центром торговли драгоценностями, часами, иностранной валютой и даже табаком.³⁹³ Звонкая монета и ценные бумаги попадались редко. Золото и серебро обращались, главным образом, в брусках и слитках.

Исход Жерминаля вызвал также окончательную развязку и в вопросе о возвращении конфискованной движимости. Уже в докладе Жоанно говорилось о необходимости отказаться от имущества лиц, «погибших под ударами революционного топора». «Казна, — говорил Жоанно, — не должна обогащаться за счет жертв террора; нам запрещает это наша слава, и этого не требует состояние наших финансов».

Материальные интересы новой буржуазии, как мы уже говорили, не были затронуты конфискациями эпохи якобинской диктатуры. Более того, известные круги нуворишей с опаской относились к идее всеобщей компенсации пострадавших собственников. Поэтому-то и в Конвенте вопрос этот прошел далеко не гладко. Ревбелль в речи, произнесенной 29 жерминаля, указывал на то, что в момент революции конфискации неизбежны и необходимы. «Разве среди осужденных не было заговорщиков? — спрашивал Равбелль, — разве эти люди менее виновны, чем эмигранты? Можете ли вы, возвращая имущества тем, кто вел против вас борьбу изнутри, сохранить имущества тех, кто вел эту борьбу извне?» Ревбелль предложил заняться проектом продажи посредством лотереи домов, принадлежавших эмигрантам, затем вернуться к обсуждению финансовых проблем и только после этого поставить в порядок дня вопрос о возвращении конфискованного имущества. По настоянию Ревбелля Конвент действительно отсрочил дебаты, но вопрос вновь выплыл 9 флореаля.

Под давлением жирондистов, в особенности Дульсэ де Понтекулана и Луве, Конвент 14 флореаля декретировал возвращение имущества всех осужденных позднее 10 марта 1793 г. Декрет 14 флореаля был одним из важнейших проявлений после-жерминальской реакции. Проведение его указывает на значительную активность крупной торгово-промышленной буржуазии старой формации. Любопытно отметить, что реакция отразилась, правда косвенно, и на судьбе эмигрантских имуществ.

9 флореаля принят был декрет о возвращении имущества родителям эмигрантов, неповинным в эмиграции детей. Республика отказывалась от своей доли в имуществах, оцененных ниже 20 тысяч франков. В случае если имущество расценивалось выше этой суммы, оно делилось на равные части по числу детей, и государство оставляло себе столько частей, сколько было детей-эмигрантов.

В то же время финансовая политика Конвента уперлась в это время в определенный тупик. Конвент не решался ни на какие проекты девальвации или демонетизации бумажных денег. В конце концов, пошли только на демонетизацию так наз. королевских ассигнаций. Декрет 27 флореаля предписывал провести демонетизацию.

Королевские ассигнации, в купюрах от 5 до 50 ливров, должны были приниматься в уплату за национальные имущества и обмениваться на лотерейные билеты. Мелкие купюры в 5 ливров должны были, кроме того, приниматься в уплату налогов. Декрет этот, которому конвентские дельцы пытались придать революционно-республиканский характер, вызвал определенное недовольство в массах. На парижских улицах говорили, что Конвент должен был бы сделать исключение в пользу рабочих, у которых зачастую попадают королевские ассигнации в мелких купюрах. Про декрет говорили также, что он означает новую жертву со стороны неимущих.

Экономический кризис неминуемо должен был вызвать новый подъем революционной волны. Предчувствуя взрыв, термидорианцы в течение всего флореаля, в особенности во второй его половине, подтягивали войска к столице. Солдат брали даже с фронта. Так, 25 флореаля решено было направить в Париж 4 тысячи пехотинцев из Северной Армии и из Армии Самбры и Мёза (de Sambres et Meuse).

Параллельно с этими подготовительными мерами продолжался разгром якобинцев. 16 жерминаля Пемартси сделал доклад о ходе предварительного следствия по делу 12 жерминаля. По его мнению, восстание было подготовлено «клубистами», в частности Добсенем, ведшим переписку с секцией Гравилье и комиссарами секции Кэнз-Вэн, призывавшими рабочих пойти на Конвент. Пемартен прочел отрывки из допросов целого ряда обвиняемых, которыми якобы устанавливалась причастность Дюгэма, Лесаж-Сено, Шаля, Тюрио, Гранэ, Тайефера и Камбона к событиям 12 жерминаля. Нужно отметить, что цитированные Пемартеном показания звучат крайне неубедительно и не устанавливают решительно никакой связи между эпигонами Горы и «клубистами» рабочих предместий. Но речь шла о мести, и термидорианско-жирондистский Конвент не очень заботился о логике и фактах в доносе Пемартена. В конце концов, при всеобщем оживлении был декретирован арест Тюрио, Камбона, Гранэ, Гентца, Левассера, Крассу, » Лекуантра и Моисея Бэйля. Лекуантр поплатился за свое несвоевременное полевание. Тюрио сделали вождем восстания исключительно на основании его личных взаимоотношений с Добсенем и Ванеком.

Попутно шло физическое истребление деятелей якобинского режима. Начавшийся 8 жерминаля процесс Фукье-Тэнвилля окончился 18 флореаля на Гревской площади казнь Фукье и еще 15 обвиняемых, среди которых находился, между прочим, 26-летний Вилат, бывший присяжный Трибунала, оказавший уже в эпоху реакции своими анти-робеспьеровскими памфлетами значительное влияние на Бабефа.³⁹⁴

В конце жерминаля комитетам удалось натолкнуться на новый комплот, давший желанный повод к усилению репрессий. Был раскрыт так называемый заговор «Красных яиц». По сообщению Ровэра от 29 жерминаля, в куске сыра, переданном некоему Грепену (Grepin), сидевшему в тюрьме Плесси, по делу 12 жерминаля, найдена была записка, извещавшая его о близости освобождения - о дне этого события заключенные должны были быть извещены посылкой из яиц, наполовину красных, наполовину белых, причем по числу яиц они должны были узнать точный час своего освобождения. Знаком объединения заговорщиков должен был служить плакат с лозунгом «Да здравствует Гора!» Восстание должно было начаться ночью. Восставшие хотели добиться немедленного осуществления конституции 1793 г., ареста экс-жирондистов, ареста и высылки Тальена, Фрерона, Барраса и других вождей термидорианского большинства. Из числа непосредственных участников заговора Ровэр назвал Паррэна, члена Лионской временной комиссии и инженера Шевалье. Верховное же руководство принадлежало, по его словам, Камбону, Тюрио и депутату Монто-Марибону. Участь Монто, лично присутствовавшего в заседании 29 жерминаля, решена была буквально в несколько минут. «Я видел, — заявил Буржуа, — как Монто 10 числа шел по направлению к Антуанскому предместью». Этого показалось достаточно, для того чтобы декретировать арест незадачливого депутата.

8 флореаля Ровэр сделал дополнительное сообщение о раскрытом заговоре. Повстанческие ячейки были, по его словам, образованы во всех кварталах города. Комитет устроил засаду в квартире некоего Лагрэлэ (Lagrellet). Здесь было захвачено некоторое количество оружия и трехцветное знамя с древком. Кроме того было арестовано 5 человек, явившихся к Лагрэлэ, а именно: уже известный нам Котери, из секции Кэнз-Вэн, Данжо, *marechal des logis* в жандармерии, Буайе, бывший член Революционного комитета секции Попэнкур, Давио (Daviau) из Рошфора и некий Жан Паон. У Давио отобрали 6 пистолетов.

Нет никаких оснований отрицать, вслед за Матьезом, наличие какого-то комплота.³⁹⁵ Ясно только, что Камбона, Тюрио и Монто притянули к нему за волосы. Камбон сразу же после 12 жерминаля покинул Францию.³⁹⁶ Что касается Монто-Марибона, то этот экс-аристократ, всячески старавшийся скрыть свое социальное происхождение, менее всего подходил к роли вождя заговора. Но отрицая участие вождей Горы в заговоре красных яиц, мы не станем отрицать того, что в Париже велась, под руководством электоральцев, значительная подпольная работа. Очевидно термидорианской полиции и удалось обнаружить и разгромить одну из ячеек электоральского подполья.

Из всех лиц, перечисленных Ровэром, нам известен только Паррэн (Parrain или Parraïn), участвовавший в борьбе с Вандеей и назначенный потом бригадным генералом революционной армии.³⁹⁷ Паррэн был близок, через Моморо, к эбертистам, что вполне сходится с нашим представлением о политической физиономии после-жерминальского подполья.

Ячейка, разгромленная термидорианцами, находилась очевидно на периферии повстанческого центра. По крайней мере дальнейших арестов так и не последовало. С другой стороны, брожение в секциях ясно обнаруживает элементы политического руководства. Так, 10 флореаля секция Монтрейль в нарушение всех законов объявила свое заседание непрерывным и отправила остальным 47 секциям предложение последовать ее примеру. Конвент тут же принял декрет, объявлявший собрание в секции Монтрейль распущенным, и предложил прокурору уголовного трибунала начать преследование нарушителей закона. Секции Тюильери, Пик, Гренелльского фонтана и Инвалидов отмежевались от неудачного демарша из Монтрейля. Нужно отметить, что в обстановке яростной классовой борьбы, развернувшейся в жерминале-флореале, вотумы секций оказывались зачастую случайными, а иногда и прямо подтасованными при помощи правительственных агентов. Вряд ли можно придавать значение депутации из секции Кэнз-Вэн, заверявшей, 11 флореаля, Конвент в своих лойяльных чувствах, когда

мы знаем из полицейских донесений, что секция эта была очагом непрекращающегося революционного брожения.

Основной причиной, делавшей неизбежным новый взрыв, было дальнейшее обострение продовольственного кризиса. Мы уже видели, что термидорианцы были органически неспособны преодолеть ужасающую продовольственную разруху. Между тем, с начала жерминаля голодающее население соседних Парижу департаментов начало систематически грабить транспорт с мукой и зерном.

Грому парижских событий отвечало эхо местных инсurreкций, широко развившихся по целому ряду департаментов. Наиболее крупными по масштабу были голодные бунты в Амьене, Руане, Бордо и Эврё.³⁹⁸

По примеру Буасси д'Англа, Ру, заменивший его с 15 жерминаля на посту председателя Комиссии снабжений, стремился оснастить население Парижа заманчивыми перспективами хлебного импорта. Так, 19 жерминаля он сообщил о прибытии 7 кораблей в Дюнкерхен и 16 в Гавр. Другим козырем Комитета общественного спасения было близкое заключение общего мира. Трудно переоценить значение, какое сыграл Базельский мир с Пруссией, подписанный 16 жерминаля в деле консолидации термидорианского режима. «Граждане, — заявил Ру 19 жерминаля, — мир близок!» Его встретили бурные, долго не смолкавшие аплодисменты. Докладывая Конвенту статьи Базельского трактата, Ревбелль обратился к народу с призывом «не поддаваться на инсинуации разбойников». Внешняя и внутренняя политика переплелись так тесно, что каждое новое волнение в рабочих предместьях Парижа отражалось на ходе дипломатических переговоров с Пруссией, Голландией и другими державами. Однако, самый день ратификации Базельского договора омрачен был донесением Бернье о беспорядках в Эврё. Накануне, 21 жерминаля, Конвент, по предложению Ру, назначил Барраса уполномоченным по охране продовольственных грузов. 25 жерминаля ему придали в качестве помощника депутата Руайю. С 15 жерминаля, по сообщению Ру, начались грабежи продовольственных припасов в Шантийи, Эврё, Верноне и ряде других мест. В Мондидье приближение транспорта с мукой встречено было ударами набатного колокола. Толпа ринулась на повозки и в миг растащила их содержимое.

Ко всем этим бедствиям добавлялся упорный саботаж имущего крестьянства. 17 флореаля Ру жаловался на слабый ход хлебозаготовок, в связи с отказом нескольких округов в департаменте Эры и Луары от выполнения возложенных на них реквизиций. Конвент особым декретом обязал уклоняющиеся округа доставить, в течение месяца, 60 тысяч квинталов хлеба. Исполнение декрета возлагалось на национальную гвардию города Шартра. В свою очередь Баррас пытался организовать охрану вверенных ему грузов. Он имел под своим командованием до 3 500 человек конницы. Отряд этот был разбит на ряд небольших патрулей, разбросанных вдоль важнейших дорог, около Аббевиля, Амьена, Компьена и других центров. К концу флореаля Барраса уже перебросили в Голландию и Бельгию, с поручением вывезти в Париж решительно все, что можно было извлечь из этих стран по части муки и зерна.⁴⁰⁰

Все это были паллиативы. В Конвенте, правда, декламировали об отсутствии гражданских чувств у крупных землевладельцев (*gros cultivateurs*), но это меньше всего означало готовность вступить в борьбу с кулацкой верхушкой деревни, припрятавшей хлебные излишки. Термидорианцы были прямыми союзниками кулаков и поэтому они предпочитали ввозить хлеб из заграницы и громить из пушек голодающую бедноту. Первопричина кризиса и заключалась в полнейшем нежелании термидорианского правительства принять реальные меры против буржуазно-предпринимательских слоев французского крестьянства.

К концу флореаля диктатура голода незыблемо установилась во всех крупных городских центрах Республики. Парижский пролетариат переживал теперь злейшие муки голода. Цены продолжали расти в совершенно фантастической прогрессии. Неудача жерминальского восстания послужила сигналом к конвульсивному скачку цен. «Жадность торговцев, — читаем мы в полицейском рапорте от 15 жерминаля, — превзошла все границы. Цены на продукты возросли в такой степени, что сто ливров в ассигнациях не стоят и 2 франков. Никто не может справиться с этим и нужда растет ежедневно».⁴⁰¹ В середине жерминаля хлеб хорошего качества открыто продавался в кондитерских по 20 ливров за фунт 2 При ежедневном заработке в 10—12 ливров рабочие должны были

платить 4 ливра 10 су за дюжину яиц.⁴⁰² 22 жерминаля масло стоило 8 ливров фунт. Через несколько дней оно поднялось до 9 ливров 10 су. Картофель в это время стоил 10 ливров четверик (boisseau). Ровно через месяц, 30 флореаля, цена картофеля поднялась до 28 — 30 ливров. Цена на хлеб среднего качества доходила до 32 ливров за 2 фунта. При всем том, снабжение рынков всеми продуктами, кроме хлеба, было вполне удовлетворительным. Полицейские рапорты все время отмечают прибытие достаточного количества фруктов, овощей, молочных продуктов и солений. Таким образом, продовольственный кризис в течение жерминаля и флореаля сохраняет типические черты, выясненные уже в предыдущем нашем очерке. Это попрежнему «голод посреди изобилия».

Итак, рабочий класс обречен был довольствоваться скудным казенным пайком. Между тем, со снабжением Парижа обстояло из рук вон плохо. Уже 14 числа выдача пала ниже нормы, предписанной в декрете. Рапорт 20 жерминаля отмечает жалобы по поводу сокращения хлебного пайка до фунта. Там же упоминается о неслыханном росте цен на дрова. «Говорят, что дрова доступны только богатым».⁴⁰⁴

В это же время начали учащаться жалобы на несоблюдение равенства при выдаче хлебного пайка. Количество хлеба менялось, зачастую, не только от секции к секции, но и от одной булочной к другой. 24 жерминаля выдачу усилили до Ф- ил 8 унций⁴⁰⁵ на человека, но на следующий день выдали только 6 унций. Выдача риса и бисквитов в эти же дни почти совершенно прекратилась. «Пусть лучше не будет совсем хлеба, — говорили жены рабочих, — тогда наши мужья будут вынуждены потребовать его».⁴⁰⁶

Полицейские рапорты за эти дни сохранили нам целый ряд трагических события из annales парижского голода. Описывалось несколько случаев голодной смерти и ряд самоубийств, вызванных голодом.

Даже Фрероновский «Orateur du peuple» счел уместным пролить слезу по поводу «эгоизма имущих классов». «Почему в переживаемый критический момент молчат чувствительные сердца? Бедняк остался без всякой поддержки... Люди обеспеченные не хотят предоставить ему кусок хлеба, который у него с плачем выпрашивают его дети. О, как мало в нас подлинного духа братства!.. Там бедняк делит со своей семьей кусок черного хлеба, здесь, на столе богача сверкает молочной белизны хлеб, выпеченный из нежной пшеницы, купленной по баснословной цене...»⁴⁰⁷

Во всех буржуазных газетах высказывалось живейшее беспокойство. «Если продолжится нынешнее положение вещей, — писала «Vedette», — мы вряд ли избежим новой и ужасной революции».⁴⁰⁸ «Messenger du soir» с ужасом повествовал о ночных сборищах рабочих. Они обвиняют торговцев в сделке с правительством и обсуждают самые мрачные проекты.⁴⁰⁹ По словам той же газеты жены рабочих сравнивали нынешние цены с ценами максимума.

Более серьезные волнения имели место 21 и 24 жерминаля. Важно отметить, что голодающие рабочие продолжали следить за политической работой Конвента. Декрет о реорганизации национальной гвардии вызвал сильное возбуждение в предместьях. «Ясно — говорили — что отныне только богатые смогут носить оружие».⁴¹⁰ 1 флореаля женщины, стоявшие в очередях, порывались двинуться к Конвенту. В секции Республики, в этот же день, большая часть рабочих покинула Париж.

2 флореаля выдача хлеба колебалась по отдельным районам от 4 до фунта. Наконец, 3 флореаля опоздали с доставкой муки. Женщины простояли в очередях до позднего вечера. По-прежнему делались попытки призвать женщин двинуться к Конвенту. В секции Арси торговцы запирали свои лавки, из-за страха беспорядков.

5 флореаля продолжались прежние сборища; в улице des Boucherie-Honore один из комиссаров, уполномоченный следить за раздачей хлеба, вступил в перебранку с толпой и предложил женщинам отправиться к столяру и грызть доски. Эта наглая острота вызвала взрыв такого бешенства, что комиссар поспешил убраться во-свояси. «Женщины решились, — читаем мы от 7 флореаля, — напасть на правительственные комитеты».⁴¹¹ На следующий день действительно в секциях Попэнкур и Монтрейль формировались колонны женщин, собравшихся итти в Конвент и требовать хлеба.

С 8 флореаля наступило некоторое затишье. Если 5 флореаля роздано было всего 350 мешков муки, а 6 только 175, то вечером 10 флореаля, как это видно из сообщения, сделанного в Конвенте Тальеном, выдача достигла до 700 мешков муки и 3 500 мешков риса. Всего же было 646 800 пайков хлеба, по фунта в каждом, и 93 333 пайка риса, по 6 унций в пайке.

Период относительного благополучия длился, впрочем, только до середины флореаля. Уже 16-го секция Обсерватории осталась совсем без муки. 17-го выдача производилась с большими трудностями. К 19 флореаля хлебный паек вновь упал до 3 унций. Тотчас же возобновилось брожение и «нападки неимущего класса на правительство, на комиссию снабжений... на торговцев и крестьян». ⁴¹² На улице Bon Conseil появился плакат с надписью: «Конвент, если ты не дашь хлеба, Париж через три дня погибнет в пламени». В очередях слышались истерические рыдания. Люди валились с ног от голода. 22 флореаля чуть не вспыхнуло движение среди рабочих оружейной мастерской на площадь Инвалидов. С 23 по 29 флореаля опять наступило временное успокоение. «Большая часть жителей этого города охвачена безразличием и унынием», — читаем мы в донесении от 24 флореаля. ⁴¹³ Именно в эти дни самоубийства приняли массовый характер и полицейские рапорты сравнивали спокойствие, воцарившееся в Париже, со спокойствием кладбища.

27 флореаля хлебный паек, по утверждению «Gazette française», вновь сократился до 2 унций на человека. Ко всем прежним злосчастиям прибавился теперь декрет о демонетизации королевских ассигнаций, вызвавший, как мы уже знаем, взрыв недовольства в рабочих кругах. 29 числа выдачи сократились кое-где до 1-2 унций. Тем не менее и этот день прошел сравнительно спокойно, хотя полицейский рапорт и отмечал продолжающиеся нападки на торговцев, крестьян и спекулянтов». ⁴¹⁴ Более того, поговаривали о том, что если выдача не будет увеличена, Антуанское предместье 1 прериаля двинется на Конвент. Уже на следующий день Париж показался полицейским гораздо более взволнованным, чем накануне. Плачевный, по выражению рапорта, хор женских и детских голосов слышался с утра в рабочих кварталах. «Что будет с нами? — спрашивали жены рабочих, — как доживем мы до урожая?» ⁴¹⁵ Авторы рапорта должны вместе с тем признать, что «положение неимущего и трудящегося класса стало совершенно невыносимым».

Так обстояло дело 30 флореаля. На следующий день Париж проснулся в 5 час. утра под звуки набата, призывавшего народ к восстанию.

Прежде чем перейти к изложению хода восстания, остановимся на важном для нас вопросе о политических настроениях парижского пролетариата, поскольку они отразились в опубликованных Оларом движениях.

Мы уже упоминали об отношении рабочих к декрету о реорганизации национальной гвардии. Правительственные комиссары, уполномоченные провозгласить закон на улицах столицы, встречены были враждебными возгласами и оскорблениями. Декрет, наткнувшись на глухое противодействие массы, так и не был проведен в жизнь.

На ряду с этим величайшее раздражение среди рабочих вызвала концентрация вооруженных сил, предпринятая Комитетом общественного спасения. 7 флореаля утром женщины бросали из окон миски в проходивших солдат. Мероприятия Комитета сравнивали с действиями старой, монархической власти, накануне взятия Бастилии.

После беспорядков, разразившихся 7 флореаля, Комитет вызвал в Париж взвод 21 стрелкового полка, 19 и 20 взвод этот был заменен полком конных карабинеров. Однако, карабинеры простояли в Париже не свыше недели. 27 флореаля их направили в Рейнскую армию, вызвав на их место две дивизии жандармерии, расквартированные в Фонтенебло и в Вильнев-Сен-Жорж. ⁴¹⁶ Спешная эвакуация карабинеров, по весьма правдоподобному утверждению Дьёдоннэ, вызвана была политическими причинами. Их успели распропагандировать. «Еще один день, — пишет термидорианский журналист Салверт, — и они были бы окончательно разложены». ⁴¹⁷ Для нас эти данные о пропаганде, ведшейся среди воинских частей, имеют первоклассный интерес. Это уже второе, после заговора «Красных яиц» звено, позволяющее категорически настаивать на существовании в Париже организационно-пропагандистского центра, подготовлявшего восстание.

Более того, тот же Дьёдоннэ утверждает, что парижская жандармерия в известной своей части активно сочувствовала рабочим. По информации «*Messenger du Soir*» жандармы «жаловались на то, что их удаляют за то, что они патриоты и стоят за народ». «Мы будем в окрестностях Парижа, — добавляли они, — и вы можете рассчитывать на нас в случае драки».⁴¹⁸

В Архиве военного министерства Дьёдоннэ обнаружил любопытнейшее обращение парижских санкюлотов полицейскому легиону. Автор и дата остались ему неизвестными. «Париж — читаем мы в этом воззвании, — заблокированный и обреченный огню и мечу, только за то, что он высказал свою солидарность с голодающей, ограбленной и униженной республикой, этот Париж, согнувшийся под ярмом узурпаторов, вызывает в вас сочувствие и живой интерес».⁴¹⁹ Далее следует призыв поддержать санкюлотов и спасти их от новой резни в стенах столицы.

Передвижения войск, предпринятые Комитетом, вызывал живейшее волнение среди рабочих. 29 флореаля пронесся даже слух, что карабинеры и жандармы будут замещены наемными немецкими войсками.⁴²⁰

Как видим, в данном случае сказалось здоровое классовое чутье, позволившее рабочим разглядеть, что они имеют дело с опасным для них маневром термидорианских властей. У нас, к сожалению, нет однако материала для суждения о политических высказываниях положительного порядка. В этом и нет ничего удивительного. Обстановка экономического кризиса приковывала внимание широких масс к вопросам желудка. Политические лозунги вырабатывались в политическом подполье, впитавшем наиболее передовые прослойки Парижского пролетариата.

Интересно также отметить, что на жерминаль и флореаль падает значительный рост монархической агитации. Агитация эта не имела успеха в рабочем населении Парижа. Даже наоборот, рабочие и их жены склонны были подозревать Конвент в скрытых симпатиях к королевской власти. «Конвент хочет, при помощи нужды, заставить нас просить короля»,⁴²¹ такие разговоры отмечены в рапорте 7 флореаля. «Ходят слухи, — читаем мы в другом рапорте, — что половина членов Конвента стоит за восстановление королевской власти».⁴²²

Неудача роялистских происков была лучшим доказательством того, что рабочий класс находился на достаточном уровне политической сознательности. Уровень этот был такой же необходимой предпосылкой прериальского восстания как и самый продовольственный кризис весны 1795 г. Вне политики, вне политического руководства и политической программы Прериаль был бы тем, чем изображает его ряд буржуазных и мелкобуржуазных историков — восстанием голода, стихийным бунтом низов. Не понять этого — значить ровно ничего не понять в причинах и характере прериальского движения.

Основной проблемой прериалья является, таким образом, проблема руководства и программы восстания. Фактический материал, в том числе и архивный был достаточно обстоятельно разработан, еще в 1867 г., историком Кларети. Можно сказать, что книга его в этой части и до сих пор сохранила известную научную ценность. Мы должны предварить читателя, что необходимый очерк событий не представляет для нас самостоятельного интереса. Точно так же, мы считаем излишним подробно, доказывать, что прериаль был восстанием рабочего класса. Это значило бы ломиться в широко открытую дверь. Гораздо важнее установить, какой характер носило восстание, как и кем оно было подготовлено и организовано. Выяснение этого вопроса имеет громадное значение для разрешения более общей проблемы — политической роли рабочего класса в буржуазной революции, совершавшейся на мануфактурной стадии развития капиталистического способа производства.

Мы и постараемся доказать, что прериаль не был простым рефлексом масс на сокращение хлебного пайка. Прериаль был подготовлен, организован и проигран, как вооруженное восстание, возглавленное определенным политическим руководством.

II

Набатный колокол ударил 1 прериалья в 5 ч. утра. Вооруженные люди заняли колокольни. Рабочие грузчики бросились по мастерским с требованием прекращения работ. В секции des Plantes толпа, вооруженная саблями, пиками и ружьями, вломилась к полицейскому комиссару и потребовала у него хлеба. Около 9 часов утра Антуанское и Марсельское предместья оцетинились целым лесом пик и штыков. Повсюду толпа

занимала помещения гражданских комитетов и полицейских комиссариатов.

На стенах расклеивали прокламацию, с изложением программы восстания. Ту же прокламацию, вместе с № бабефовской газеты бесплатно раздавали на улицах.

Комитет общей безопасности, заседавший в 8 час. утра, тщетно ожидал помощи из буржуазных секций. Конвент собрался в 11 часов. Председательствовал Вернье. Немедленно после открытия заседания трибуну занял Изабо. Он прочел «инсурреционный акт», встреченный бурными аплодисментами на хорах.

Термидорианский Конвент был в осаде. Кто-то вскрикнул «Умрем на посту!» Тогда депутаты встали и с протянутыми руками повторили зловещую клятву. Начались беспорядочные дебаты. Ожи от имени комитетов предложил депутатам не расходиться. Андре Дюмон сообщил, что он еще ночью был уведомлен о готовящемся восстании. Он призвал в заключение «богатых помочь бедным, а бедных защитить богатых».

Под иронический хохот расположившихся на хорах женщин Конвент принял декрет, возлагавший на Париж ответственность за дальнейший ход событий. Всем гражданам предложено было разойтись по секциям и там ожидать дальнейших распоряжений Конвента. Вожаки незаконных собраний, а под ними подразумевались первые 20 человек, идущие во главе колонны, объявлены были вне закона. Добрым гражданам поручалось задерживать их и в случае сопротивления убивать на месте.

Между тем, снаружи толпа бурлила и прибывала. У решетки появилась делегация секции Бон Консей, прочитавшая пространную петицию, полную жалоб на дороговизну, на недостачу хлеба и топливных материалов. Петиционеры требовали установления контроля над торговлей, пересмотра законов о порядке наследования и восстановления личной ответственности в кредитных сделках. Петиция, как видно, отражала интересы зажиточной мелкой и даже средней буржуазии. Она ничем не была связана с программой восстания.

Отослав петицию в комитеты, Конвент принял прокламацию к гражданам Парижа. В это время женщины начали заполнять трибуны и влезать на депутатские скамьи, с криками: Хлеба, хлеба! Председательствовавший Дюмон дважды объявлял заседание закрытым. В конце концов, он передал председательство Буасси д'Англа. Собрание постановило добиться очищения занятых трибун, что и было выполнено присутствовавшими в зале солдатами и мюскаденами. На это ушло около получаса. Депутаты перебрались на верхние скамьи. Наконец председатель торжественно объявил о восстановлении спокойствия.

Было около 2 часов дня. В зале появился растерзанный Феро, в порванном платье.

В закрытые окна врывался неумолчный гул набата. Конвент назначил Дельмасса командующим вооруженными силами Парижа. Ему хотели назначить помощника. Кто-то выкрикнул Кавеньяка, отца будущего усмирителя июньских повстанцев 1848 г. В конце концов, решили не дробить предоставленных Дельмассу полномочий.

На исходе второго часа раздались крики «К оружию! К оружию!» На пороге залы завязалась перестрелка. Наиболее ретивые депутаты бросились в самую гущу свалки. Ровно в Уг ч. сопротивление конвентской стражи было сломлено, и громадная толпа вооруженных мужчин и женщин ворвалась в зал. На их головных уборах прикреплена была надпись: «Хлеба и конституцию 1793 г.» Дула ружей наведены были на депутатов и на председателя Буасси, остававшегося неподвижным и молчаливым.

Тогда Феро бросился на трибуну. Началась свалка. Грянул выстрел. Феро был убит женщиной Аспазией Мигелли.⁴²³ Она ослышалась и решила, что перед ней находится Фрерон. Молодой виноторговец Люк Буше отрубил у трупа голову и бросил ее толпе.

С этого момента в Конвенте воцарился полнейший хаос. Над собранием стоял неясный гул голосов. Отовсюду раздавались крики: «Хлеба! Хлеба! Конституции!» Какой-то канонир взобрался на трибуну и прочел, под громкие аплодисменты, акт восстания.

В это время началось оживление на скамьях «последних монтаньяров». До этого момента они оставались на своих местах, бледные, неподвижные. Теперь Ромм обратился к народу с предложением восстановить спокойствие. «Правительственные комитеты приняли меры к скорейшему прибытию необходимого продовольствия».

Шум впрочем не умолкал. Наступали сумерки. Буасси д'Англа поручил, правда, генералу Фоксу ответить насилуем на насилуе, но пока что толпа оставалась господином положения. Голову Феро, воткнутую на пику, пронесли мимо председательского кресла, и Буасси почтительно снял перед ней шляпу. В президиуме хозяйничали люди из толпы. Мало-помалу, в общем хаосе начались проблески какой-то организации. Демонстранты очистили депутатские скамьи, чтобы дать депутатам возможность возобновить заседание.

В 9 часов вечера Вернье занял председательское место. Только тогда якобинцы решились действовать. Они потеряли, в сущности, целый день. Кульминационный пункт восстания был уже позади, но якобинские парламентарии не поняли этого. Впрочем, они настроены были очень меланхолично. «Пойдем умирать — воскликнул Гужон, покидая свое место на верхней скамье амфитеатра.

Якобинцы внесли ряд предложений, тут же утвержденных наличным составом собрания. Голосовали, снимая головные уборы. Прежде всего, решено было немедленно освободить всех патриотов, арестованных после 9 термидора. Затем Ромм предложил заняться продовольственным вопросом. Конвент тут же постановил выпекать впредь только один сорт хлеба для всех граждан, запретить кондитерским выпечку пирожных и приступить к домашним обыскам для розыска запрятанной муки. Вслед за этим, по инициативе Ромма, решено было объявить секционные собрания непрерывными. Оставалось закрепить достигнутые успехи. Гужон внес предложение о назначении чрезвычайной комиссии для проведения в жизнь принятых декретов и о немедленном обновлении состава правительственных комитетов. Попытки депутата Форестье воспротивиться постановке этого вопроса встречены были глухим ропотом толпы.

В это время на трибуне неожиданно появился чрезвычайно возбужденный Бурботт? Он потребовал ареста журналистов «отравляющих общественное сознание» и, вслед за этим, внес предложение об отмене смертной казни. Конвент безмолвным поднятием шляп утвердил оба предложения.

Время проходило. Толпа начала редеть. Наконец, по настоянию Дюкенуа, образована была комиссия из четырех лиц, уполномоченная немедленно заместить Комитет общей безопасности. В ее состав были избраны Дюкенуа Приер (из деп. Марны), Бурботт и Дюруа.

Между тем, правительственные комитеты готовили контратаку. К вечеру в их распоряжении находились значительные силы национальной гвардии, расположившиеся в Тюильерийском саду, вокруг здания дворца. Там же стояла артиллерия. До поры до времени гвардейцы держались пассивно. Демонстранты входили и выходили из дворца и свободно расхаживали по саду, напоминая военный бивуак.

К вечеру, нац. гвардейцы, из архи-буржуазной секции Лепеллетье, под начальством Лекур-Вильера расположились в салоне Свободы, примыкавшем к зале заседаний. Оттуда доносился глухой и неясный гул. Гвардейцы нервничали, томились ожиданием.⁴²⁴ Но комитеты, отлично осведомленные о ходе событий, продолжали выжидать. Они твердо решили начать действовать только тогда, когда Гора скомпрометирует себя участием в движении.

Момент этот наступил после назначения комиссии четырех. Было около 12 часов ночи. Лежандр, от имени комитетов, предложил всем посторонним очистить зал заседаний. Он вынужден был, однако, убраться восвояси. Субрани предложил членам комиссии поторопиться. Они двинулись к выходу и тут, навстречу им, с ружьями на перевес, в зал начали входить национальные гвардейцы, из секции *Butte des Moulins*. Во главе их шли члены комитетов — Лежандр, Ожи, Кервелеган, Шенье и Бергуэн. Шум толпы заглушила частая дробь барабанов. В это же время, из салона Свободы, в зал вторглась национальная гвардия, из секции Лепеллетье. Началась свалка. В конце концов толпа отхлынула. В зале остались только депутаты и гвардейцы.

С этого момента было обеспечено торжество реакции. Когда Дефермон предложил присутствующим назвать виновников происшедших событий, раздались голоса: «это Гора!». Тут же были сожжены черновики декретов, принятых Конвентом «по настоянию мятежников». Под улюлюканье почувствовавших себя в безопасности парламентариев, собрание декретировало арест Приера, Ромма, Гужона, Бурботта, Дюруа, Дюкенуа, Альбитта, Ле-Карпентье, Пинэ, Бори, Файо, Тириона и Рюля.

Заседание окончилось в 33 часа утра. Ожи сообщил Конвенту, что в городе царит спокойствие.

В этом Ожи ошибался. Главные испытания термидорианцев были еще впереди. С 8 часов утра 2 прериаля в предместьях вновь ударил набатный колокол. Поднялись секции Антуанского предместья — Монтрейль, Кэнз-Вэн, Попэнкур. Громадная толпа вооруженных людей наполнила площадь перед ратушей. В это время Конвент как раз успел принять декрет о переучете хлебных запасов и реквизиции, для нужд армий и Парижа, всех обнаруженных излишков. Затем последовало сообщение Мерлена (из Дуэ) о подписании мирного договора с Голландией. Событию этому попытались придать сугубо важное значение. Жениссье предложил всем «добрым гражданам разнести по городу весть о победоносном мире». «Никогда якобинцы не дали бы нам такого мира», — воскликнул Марек. Тут как раз и последовало сообщение о новой волне восстания и о том, что мятежники, собравшись в ратуше и опираясь на значительную вооруженную силу, объявили себя «Национальным Конвентом суверенного народа». Сообщение это вызвало прилив самых воинственных чувств. «Вооружимся и пойдем на них» — заявил Бурдон. Мятежное сборище в ратуше объявлено было вне закона.

Нужно сказать, что собрание в Ратуше принадлежит к числу самых темных эпизодов прериальского восстания. В дальнейшем ходе заседания депутат Жирар сообщил Конвенту, что мятежники в ратуше избрали Камбона мэром Парижа и Тюрио прокурором. Еще Кларети взял под сомнение доносы ретивых термидорианцев. «На самом деле, — писал он, — в ратуше не было никакого муниципалитета... У восставшего народа не было вождей, он думал только о том, чтобы заставить правительство заняться продовольственным делом».1 Совершенно противоположную точку зрения развивает Матьез. Он говорит о выборе Камбона и Тюрио как о совершившемся факте.⁴²⁵ У нас нет никаких данных для разрешения этой контрверзы. Во всяком случае, сборище длилось очень недолгое время. Войска, посланные к ратуше, нашли ее совершенно пустой.

Вооруженные толпы схлынули в предместья и оттуда, около полудня, двинулись на Конвент, таща за собой пушки. Тюильерийский дворец был окружен войсками, мяскаденами и национальными гвардейцами, но они уступали в численности мятежникам. Кроме того, целый отряд жандармов, во главе с лейтенантом Леграном, покинул свой пост около арсенала и перешол к демонстрантам.⁴²⁶ Конница генерала Дюбуа оттеснена была 20 тысячной толпой. Часть кавалеристов вынуждена была спешиться. К пяти часам дня рабочий класс и крупная буржуазия центральных секций стояли друг против друга, вооруженные до зубов. Около 7 часов передовые цепи демонстрантов сделали попытку прорваться к самому зданию дворца.

У пушек, выставленных демонстрантами, расхаживал мулат огромного роста, некий Делорм.⁴²⁷ В 71 возле пушек началась какая-то возня. Точно по уговору артиллеристы, стоявшие у пушек, охранявших подступы к Конвенту, повернули дула орудий на Тюильерийский дворец.

Это был критический момент восстания. Осажденный Конвент в течение дня успел принять несколько воззваний и ряд декретов, направленных против мятежников. Так, было предписано разбить и переплавить все городские колокола и запретить ношение всяких значков и надписей, кроме национальной кокарды. Кроме того, принят был декрет о предании суду депутатов-якобинцев, арестованных 12 и 16 жерминаля и 1 прериаля, и отменен декрет 6 флореаля, разрешивший свободную продажу золота и серебра. В 5 часов в залу заседаний вбежал на смерть перепуганный Бурсо, пытавшийся заняться не совсем удачно пропагандой среди рабочих. Жалуясь Конвенту на демонстрантов, он угрожал предместьям вмешательством фронтовых армий.

В восьмом часу на дворе послышались громкие возгласы: «К оружию! К оружию!» Это был как раз тот момент, когда Тюильерийский дворец взят был на прицел пушками демонстрантов. Тут термидорианцев внезапно обуяли философские размышления «Природа, — объявил Лежандр, — обрекла нас всех на смерть; немного раньше, немного позже, не все ли равно? Будем же спокойны».

Полчаса были проведены собранием в полном оцепенении. Но именно эти полчаса решали судьбу дня. Ядра так и застряли в дулах пушек. Гвардейцы-буржуа перемешались с рабочими демонстрантами. Рабочих нельзя было разогнать физической силой. Их разложили. Под открытым небом начались сцены братания. Конвент снарядил особую делегацию к демонстрантам. В 8 ч., по предложению Лапорта, принят был декрет, постановлявший, что Конвент немедленно займется продовольственным вопросом, и что комиссия по выработке органических законов представит свой проект не позже 25 прериаля. После этого собрание приняло делегатов предместий и президент удостоил их «братского объятия». Оратор депутации повторил требования, высказанные накануне. «Народ» по-прежнему хотел хлеба, конституции и освобождения арестованных патриотов. Несмотря на некоторое волнение, царившее в зале во время произнесения этой речи, делегатов отпустили с миром.

Было 11 часов вечера. Демонстранты уходили по домам, не сознавая, что ими была проиграна решающая битва.

3 прериаля началось и прошло под знаком торжествующей реакции. В Конвенте Ланжюине заявил, что конституция 1793 г. не может обеспечить счастья Франции. Для 3 прериаля это все таки было рановато... Бурдон поспешил дать свое толкование неосторожным словам Ланжюине. «В конституции есть нюансы — говорил он, — подлежащие смягчению при помощи органических законов». Заседание продолжалось всего 3 часа и окончилось в 3 пополудни.

Энергия рабочих предместий иссякла. Париж входил в обычное свое русло. Но все же, по словам полицейского рапорта, «в группах рабочих царило крайнее возбуждение и раздавались страшные угрозы против торговцев, властей и Конвента».⁴²⁸ Далее, крупное столкновение произошло на Гревской площади. Здесь провозили арестованного накануне и уже приговоренного к смертной казни слесаря Тинеля. Тинель участвовал в движении 1 прериаля и его обвиняли в том, что он убил Феро.⁴²⁹ На самом деле, Тинель был повинен только в том, что он, один из многих, носил пику с насаженной на ней головой погибшего депутата. Громадная толпа, собравшаяся на площади, окружила карету и отбила осужденного у жандармов.

Луи Блан высказал предположение, что комитеты спровоцировали освобождение Тинеля, чтобы иметь затем предлог для карательной экспедиции против рабочих предместий.⁴³⁰ Во всяком случае, утром 4 прериаля мюскадены произвели набег на Антуанское предместье. Они собрались накануне, с вечера, и двинулись в числе 1500 или 2000 человек, с 2 пушками, в пределы рабочего квартала. Командовал ими генерал Кильмэн, выступивший в поход, около 5,5 ч. утра, чтобы захватить рабочих в их кроватях. Вступив в предместье, они произвели обыск в нескольких домах и готовились двинуться дальше, когда Кильмэну донесли, что рабочие строят баррикады и стремятся отрезать мюскаденов от города. Небольшой отряд ударился в отступление. Из домов выбегали люди вооруженные пиками. В конце концов, мюскаденам пришлось вернуть захваченные пушки и сложить оружие. После этой позорной капитуляции они бросились бежать изо всех сил, преследуемые насмешками, свистом и бранью.

Между тем, Конвент, по предложению Лапорта, предъявил жителям Антуанского предместья ультиматум. Они должны были выдать убийцу Феро, т. е. Тинеля и сдать оружие и пушки. В 32 ч. дня на предместье двинулась колонна регулярных войск — пехоты и конницы, во главе которой поставили генерала Мену. В узких улочках Антуанского квартала царило зловещее молчание. Интересно отметить, что комиссары Конвента Фрерон, Дельмас, Лапорт и Баррас настаивали на том, чтобы поджечь предместье. Проект не был осуществлен, исключительно по настояниям генерала Мену.

Воля рабочих к борьбе была уже сломлена.⁴³¹ Они упустили мюскаденов, хотя и имели прекрасную возможность расправиться с этим отбросом «золоченой верхушки» буржуазии. Да, кроме того, рабочее население секций сливалось с мелкой и мельчайшей буржуазией, настроенной прямо капитулянтски. «Комиссары секций и мелкие предприниматели запугивали народ зрелищем предстоящих бедствий».⁴³² Пушки были выданы без всякого сопротивления. Тут же арестовали Делорма.

В рапорте комиссаров Конвенту об этой экспедиции говорится как о военном предприятии. «Взято много пленных. Среди них пешие и конные жандармы». Ожи сообщил об исходе предприятия как «о памятной победе, одержанной Республикой».

Для суда над арестованными участниками прериальских дней Конвент учредил особую военную комиссию. Ее деятельность началась в самый день 4 прериала и продолжалась до середины термидора. Она подробно описана в цитируемой уже книге Кларети. Всего комиссия рассмотрела 115 дел и вынесла 38 смертных приговоров. Наибольшей известностью пользуется процесс «последних монтаньяров», длившийся с 24 по 29 прериала. Гужон, Ромм, Бурботт, Дюкенуа, Дюруа и Субрани присуждены были к смертной казни. Эти герои соглашения сумели дать высокий образец бесплодного героизма, покончив с собой в момент объявления приговора. Ромм, Гужон и Дюкенуа умерли на месте, Субрани по дороге на эшафот. Дюруа и Бурботт одни стали жертвой гильотины.

В составе привлеченных решительно преобладали рабочие. Кроме них были мелкие буржуа и лица свободных профессий. Да иначе и не могло быть. Проигранное прериальское восстание было восстанием рабочих предместий, рабочего класса.

Закончив общий очерк событий, перейдем теперь к разрешению основных проблем, поставленных в начале настоящей главы, и, прежде всего, проблемы руководства. Были ли трагически погибшие эпигоны Горы вождями восстания? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Социологически не была исключена возможность контакта между мелкобуржуазными якобинцами и жителями рабочих предместий. Исторически же дело сложилось так, что восстание разыгралось помимо якобинцев, без всякого активного содействия и участия с их стороны.

Все термидорианские показания, данные в связи с процессом 6 депутатов, приходится начисто отменить. Процесс и следствие, подробно изложенные у Кларети, не вскрыли никаких связующих нитей между «мучениками Горы» и руководящими элементами движения. Противоположное утверждение можно, впрочем, найти у Левассера. По его словам несколько молодых патриотов сговорились с депутатами Горы, обещавшими им свою поддержку. «Гужон и Бурботт согласились даже стать вождями восстания».⁴³³

Утверждение Левассера противоречит решительно всему, что мы знаем о поведении и роли якобинских депутатов и, в частности, Гужона, в день 1 прериала. О предстоящем восстании Гужон, как это явствует из «Воспоминаний о 1 прериале», опубликованных его шурином Тиссо, узнал рано утром 1 прериала от неизвестного молодого человека, который не смог толком ничего рассказать и произвел на Гужона и Тиссо впечатление провокатора.⁴³⁴ Гужон явился в Конвент без денег и оружия.⁴³⁵

Первоначальным движением якобинцев было успокоить толпу. Демонстранты же не делали никакого различия между депутатами левой и правой. Бурботт был сильно помят на своей скамье.⁴³⁶ Взяв на себя инициативу ряда мер, предложенных Конвенту, якобинцы старались успокоить толпу и заставить ее уйти из зала. «Самое лучшее что мы можем сделать, — говорил Гужон Ланжюинэ, — это согласиться на то, что не кажется слишком опасным, и добиться, таким образом, очищения Конвента». Активнее других вел себя Субрани, но и его нельзя никак назвать вождем восстания. Все вечернее заседание 1 прериала было искусно приготовленной западней, в которую попали якобинцы. В момент появления буржуазной национальной гвардии они держались совершенно пассивно. Возглас «Ко мне санкюлоты!», приписанный в «Мониторе» Приеру, присочинен не в меру ретивым редактором конвентского протокола.⁴³⁸ Вообще, протокол, напечатанный в «Мониторе», составлен задним числом и носит явные следы обработки в термидорианском духе.

Таким образом, гипотезу об якобинском руководстве следует признать начисто отвергнутой. Подавляющее большинство историков успокаивалось на этом и умозаключало отсюда о полной стихийности движения. Мы уже приводили цитату из Кларети, в которой этот добросовестный и, в меру своего буржуазного демократизма, талантливый историк говорит о народе, «лишенном вождей и программы».

Это утверждение также грубо неверно. Кто составлял программу восстания? Кто напечатал ее и распространил? Кто распорядился ударить в набат? Чьи руки привели в движение церковные колокола в рабочих предместьях Парижа? Очевидно, что налицо было руководство и остается только отыскать его.

Для этих розысков мы располагаем уликами, исключительно, косвенного порядка.

Находившийся, с 25 вантоза, в тюрьме Бодо, в Аррасе, Бабеф писал оттуда Фуше по поводу жерминальских событий: «Мы проиграли великую битву».⁴³⁹ Нам кажется, что это заявление Бабефа нужно рассматривать не как выражение какой-то общей политической тенденции, а как косвенное подтверждение организационного участия близких Бабефу лиц в подготовке восстания.

Вспомним теперь, что, по показанию Левассера, утром 1 прериала в толпе циркулировал последний номер бабефовского «Народного Трибуна».⁴⁴⁰ Речь идет очевидно о № 32, вышедшем в свет 13 плювиоза. Почему именно этот номер, устаревший свыше чем на 3 месяца, мог играть роль зажигательного агитационного документа, способного пробудить массы к активным действиям? Обращаясь к содержанию № 32, мы видим, что он содержит чрезвычайно важные для нас рассуждения о восстании. «Должен ли народ восстать? — спрашивает Бабеф. — Вне всякого сомнения он должен это сделать, если не хочет потерять окончательно свою свободу».⁴⁴¹ Восстание это Бабеф рисует себе в виде подачи Конвенту петиции, в которой должны быть изложены все бедствия народа и указаны средства улучшить положение. Такая петиция уже в силу единодушной поддержки всей нации должна была бы стать законом. Бабеф подчеркивает мирный характер планируемого им восстания. Оно «не вызовет ни потоков крови, ни груды трупов».

Прериальское восстание и является, по крайней мере, в первый свой день, попыткой осуществления директивы «Народного Трибуна».

Нет слов, директива была очень плоха, но она отражала тот уровень развития рабочего класса, когда он, ставя политические лозунги, не ставил вопроса о завоевании политической власти. Бессмысленная растрата революционной энергии масс прямо вытекала из этой директивы исключавшей возможность разгона Конвента и замыкавшей восстание в рамки вооруженной демонстрации.

Вытек ли «инсurreкционный акт» непосредственно из бабефовской директивы или же генезис акта более сложен, менее прямолинеен? Нам кажется, что важным промежуточным звеном явился здесь «акт восстания», принадлежащий перу Брута Манье.

Было бы совершенно неуместно задерживать здесь читателя на характеристике и биографии Манье.⁴⁴² Нам достаточно знать, что в 1795 г. ему было 24 года и что он сидел в Реннской тюрьме, как активный организатор революционного террора. До Ренна он пробыл недолгое время (с середины брюмера до начала вантоза) в парижской тюрьме Плесси, и здесь близко сошелся с Варле и с Жерменом, будущим членом Бабефовской директории. Сидя в тюрьме, он редактировал или вернее писал рукописную газету «Демокрит», в которой и изложил свой «план восстания».

После прериальских дней Манье адресовал Комитету общей безопасности чрезвычайно резкое заявление, после которого Конвент 25 прериала постановил предать его суду военной комиссии. Переведенный в Париж и допрошенный комиссией, Манье объявил себя автором «акта восстания», обнародованного в роковой день 1 прериала. Впрочем, после этого допроса Манье пал духом, и в новом заявлении на имя судей пытался отвлечь от себя обвинение в том, что он является автором «плана», напечатанного в «Демокрите». Этому заявлению, продиктованному инстинктом самосохранения, очевидно; не приходится придавать значения.

Приговор комиссии был сравнительно мягкий. Манье осужден был на ссылку.

Посмотрим теперь, что представляет собой «акт восстания», составленный Брутом Манье. Прежде всего, Манье сам признает, что он составил свой проект под влиянием Бабефа. «Я скажу, как Бабеф, что настало время восстать, потому что правительство нарушало права народа».⁴⁴³ Излагая свой план, Манье начинает с указания на то, что народ потерял свои прежние организующие центры: коммуну, якобинцев, кордельеров. Но у него остался Конвент. «Идите же к Конвенту, идите вооруженные и с пушками, наполняйте двор и сад... но помните, что вы идете отражать нападение». В течение

первого часа восставшие должны уничтожить телеграф, «машину подозрительную в руках негодяев», захватить Пале-Рояль и открыть помещение якобинского клуба. Здесь соберутся старые якобинцы, которые и составят повстанческий комитет. После этого надлежит послать в Конвент депутацию с красными колпаками на головах. Оратор депутации займет трибуну и произнесет «простую, но энергичную речь» от имени угнетенного народа. Смысл этой речи должен свестись к требованию демократической конституции. Тогда большая часть депутатов примкнет к Горе и кучка Тальенов и Фреронов останется совершенно изолированной. Оратор будет поддержан «кем-либо из верных монтаньяров» и Конвент, «движимый одним благородным порывом, утвердит предложенную ему петицию».

Петиция эта отредактирована у Манье в 23 пунктах. Важнейшие из них следующие. Немедленное введение в действие конституции 1793 г., восстановление всех должностных лиц, уволенных после 9 термидора, освобождение арестованных патриотов, отмена амнистии вандейским шуанам, восстановление деятельности народных обществ и т.д.

Мы видим, таким образом, что ход событий в день 1 прериала буквально предвосхищен планом Манье. Характер демонстрации, появление оратора на трибуне Конвента, все это предусмотрено в этом плане.

Сравнивая проект «Демокрита» с «актом восстания», дважды оглашенным с трибуны Конвента в день 1 прериала, мы убеждаемся, что между этими двумя документами существует, несомненно, значительная внутренняя связь. Прежде всего, бросается в глаза, что и там и тут на первый план выдвигается идея массовой демонстрации, как средства давления на Конвент. Идея эта, несомненно, заимствована у Бабефа. Политические требования «акта восстания» сформулированы в терминах очень близких фразеологии «Демокрита». Мы имеем и там и тут конституцию 1793 г., освобождение арестованных, созыв первичных собраний и т.д. Более точно можно указать на то, что статьи 5 и 6 «акта восстания» соответствуют статьям 5 и 3 «демокритовского» плана. Здесь мы имеем почти дословное совпадение.

Какой вывод можно сделать на основе результатов нашего анализа? Мы, конечно, не можем проследить канала, по которому рукописный «Демокрит» мог, выйдя за тюремные стены, стать известным будущим политическим руководителем восстания. Манье показал, что он послал копию плана «одному хорошо известному патриоту», а тот передал ее депутату, которого сам Манье не знал.⁴⁴⁵ Участие таинственного депутата в этом деле более чем сомнительно. План Манье должен был попасть и, по всей вероятности, на самом деле, попал в совершенно иные руки.

В свете этих выводов,⁴⁴⁶ совершенно по новому представляется связь между жерминалем и прериалом. Стратегический замысел жерминаля покоился на той же базе, что и прериаль. Прериаль был повторением жерминаля, на основе учета ошибок этого первого массового выступления. Необходимым промежуточным звеном между ними является «заговор красных яиц». Любопытно, что заговорщики 29 жерминаля, как видно из донесения Ровэра, следовали плану Бабефа—Манье не только в общих его линиях, но и в мелких, сравнительно, деталях. Они тоже предполагали начать дело с разрушения телеграфа. Позволительно также спросить почему в источниках не сохранилось никаких ровно следов, которые позволяли бы разрешить вопрос о руководстве индуктивным путем, с конкретными данными в руках? Ответ на этот вопрос будет, по необходимости, носить гадательный характер. Прежде всего, никто не может поручиться за то, что этих данных нет в природе. Затем, после неудачи движения, все следы организации были, должно быть, уничтожены ее участниками. Наконец, решающим; было то, что вожаки движения ускользнули от термидорианской гильотины. Военная комиссия хватала людей направо и налево без всякой системы, но среди привлеченных по делу о восстании нет ни одного человека, о котором можно было бы предположить, что он играл руководящую роль в подготовке «дней». Далее несомненно, руководство это должно было состояться из совершенно безымянных людей, так и не вышедших на порог исторической известности. Тем легче им было кануть в Лету, не оставив потомству даже своих имен.

Наконец, мы располагаем все же одним свидетельским показанием, которое мы отнюдь не вправе игнорировать. Буонарроти не сомневается, что восстание 1 прериалья было делом рук «нескольких граждан, заключенных в тюрьме Плесси, и, в частности Леблана, будущего комиссара директории в Сен-Доминго, и Клода Фикэ». ⁴⁴⁷ О Клоде Фикэ мы, в свою очередь, знаем, что он стал активным участником заговора Равных и выполнял функции одного из 12 комиссаров Тайной директории. Фикэ затем заочно фигурировал в вандомском процессе. Показание Буонарроти, таким образом, блестяще подтверждает нашу гипотезу.

Не менее категорически высказывается уже цитированный нами Кабэ. ⁴⁴⁸ Центральный повстанческий комитет сформировался на улице Montorgeuil. ⁴⁴⁹ С депутатами якобинцами он даже не совещался. В его программу входило изгнание жирондистов, проведение в жизнь конституции 1793 г., создание новой Коммуны и восстановление максимума. Комитет назначил восстание на 1 прериалья и с вечера печатал манифест к народу. 2 прериалья тот же комитет собрался в Ратуше и затем перенес свои заседания в Антуанское предместье. Показание Кабэ, о котором умолчали решительно все историки, звучит тем не менее весьма убедительно. Оно восходит, очевидно к устной традиции, к тому же Буонарроти, с которым Кабэ поддерживал личные отношения. ⁴⁵⁰

Итак, проблема руководства в восстаниях жерминаля-прериалья представляется нам разрешенной. Руководство это не было якобинским. Оно могло комплектоваться только из среды электоральцев, бывших бешеных и эбертистов. Манье, политическая физиономия которого не поддается окончательному определению, играет роль побочного канала. Его схема оплодотворена замыслом Бабефа, самого крупного вождя электоральцев. Программа и тактика жерминаля и прериалья отразили своеобразный переломный момент в истории рабочего класса эпохи революции. Рабочий класс не смог поставить вопрос о власти, не смог придать своим экономическим требованиям классового, специфически-пролетарского характера. Его лозунги ни в чем не перерастают интересы мелкой буржуазии. Но эта мелкая буржуазия оказалась не способной к самостоятельной борьбе и к политической активности. Поэтому движущей силой жерминаля-прериалья был пролетариат, конечно, пролетариат конца XVIII в., вырвавшийся на базе разложения ремесла и роста капиталистической мануфактуры.

Прериаль оказался, вместе с тем, моментом кризиса руководства, находившегося во власти традиций Эбера и Жака Ру. Лучшая его часть пришла, на основе учета опыта прериалья, к постановке вопроса о диктатуре трудящихся и о коммунизме, как конечной цели революции. Трагедией бабувистов должно было стать то, что, перейдя на высшую степень в понимании задач и методов классовой борьбы, они уже не смогли мобилизовать вокруг себя тех масс, которые выступали под лозунгами хлеба и конституции в весенних движениях III года. Прериаль безнадежно и бесповоротно, на большой исторический промежуток времени, аннулировал политическую роль рабочего класса.

Примечания и ссылки П.Щеголева

- 1 См. подсчет у Mathiez, *La reaction thermidorienne*, p.31.
- 2 Aulard. «Paris sous la reaction thermidonenne» Т.I, p.27.
- 3 «Revolution francaise», t.XXXIII, p.253. Deville, Thermidor et Directoire, p.24.
- 4 Олар. Политическая история французской революции, стр.557.
- 5 A.Mathiez, *op.cit.*, p.22.
- 6 Олар, *op.cit.*, стр.398, 399.
- 7 A.Mathiez, *op.cit.*, p.17.
- 8 «La societe des jacobins». Т.VI, p.322
- 9 Ibidem, p.342.
- 10 Ibidem, p.349.
- 11 Ibidem, p.355
- 12 «La societe des jacobins». Т.VI, p.360.
- 13 Ibidem.

- 14 P.Braesch, La commune au 10 aout 1792, pp.9—13.
- 15 Н.И.Кареев. Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II г. стр.19, 79, 80 и др.
- 16 Buchezet Roux. Histoire parlementaire de la re p.42. См. о нем монографию Roger Merlin. Mei 1927. Научная ценность виду ее наивного апологети:
- 17 Journal de la liberte de la presse», № 18, p 5.
- 18 F.Braesch., op.cit., p.21.
- 19 См. Н.И.Кареев. Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II г. Стр.16—47.
- 20 Aulard. «Paris sous la reaction thermidorienne.» Т.I, p.65. В дальнейшем сокращенное обозначение Р.
- 21 См. A.Mathiez. L'affaire Legray в «Annales hist. de la Revolution francaise», 127, p.p.305—319. Дэвиль, без достаточных оснований, считает Бабефа инициатором петиции. Deville, op.cit., p.25.
- 22 P. Т.I, p.64.
- 23 Такая тенденция проявляется, напр., у Я.М.Захера в его статье «Жан Варле в эпоху термидорианской реакции». («Под знаменем марксизма» № 6 за 1928 г. стр.157—170.) Я.М.Захер утверждает, что все элементы анти-якобинской коалиции «сходились на требования уничтожения революционного порядка управления»... Достаточно вспомнить речь Тальена от 11 фруктидора, чтобы убедиться в необоснованности подобного утверждения.
- 24 F.Braesch, op.cit., p.
- 25 A.Mathiez. La reaction thermidorienne, p.37.
- 26 «La societe des jacobins». Т.VI, p.385.
- 27 Ibidem, p.386.
- 28 Ibidem, p.395.
- 29 Mathiez, op.cit, p.86.
- 30 «Journal de la liberte de la presse», № 3, p.7.
- 31 «Journal de la liberte de la presse», № 13, p.6.
- 32 Ibidem, № 7, p.5.
- 33 Ibidem, № 10, p.4.
- 34 «Journal de la liberte de la presse», № 13, p.5.
- 35 P. Т.I, p.149.
- 36 B.N. Lc 320. «L'Orateur du peuple ...» № IV, p.31.
- 37 Текст петиции приведен в Moniteur'e, Т.XXII, pp.127, 128 и в «Journal de la liberte de la presse», № 22, pp.3—5.
- 38 «Journal de la liberte de la presse», № 27, p.7.
- 39 См. статью Я.М.Захера «Жан Варле в эпоху термидорианской реакции» («Под знаменем марксизма», № 6 за 1928 г.).
- 40 P. Т.I, p.144.
- 41 Journal de la liberte de la presse», № 23, p.8.
- 43 См. Кареев. Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II г. стр.82.
- 44 La societe de jacobins», VI, 558.
- 45 P. Т.I, p.155.
- 46 A.Mathiez, «L'affaire Legray». «Annales hist.» 1927, p.317; Ср. также сообщение газеты «Courrier republicain!» от 23 вандемьера. Aulard. P. Т.I, p.172.
- 47 Advielle. Histoire de Babeuf, Т.I, p.117; ср. также нашу работу «Заговор Бабефа», стр.72.
- 48 Devil le. Op.cit. p.42.
- 49 Mathiez. La reaction thermidorienne, p.95.
- 50 A.N. F7 4278.
- 51 A.N. F7 4278. 8Косвенное подтверждение этой версии можно найти в заметке «Courrier universell» от 4 брюмера. «Бабеф, подобно Марату, — читаем мы в этой заметке, скрылся в недосыгаемом подземельи». P. Т.I, p.196.
- 52 G.Lecocq. Un manifesto de Grachis Babeuf. Deville, op.cit. p.4.
- 53 P. Т.I, p.257.
- 54 P. Т.I, p.257.
- 55 Ibidem, pp.271 — 272.
- 56 «Journal de la liberte de la presse», № 17, p.2.
- 57 Ibidem.
- 58 Ibidem, p.4.
- 59 Mathiez, La reaction thermidorienne, p.71.
- 60 Mathiez. La reaction thermidorienne, p.89.

П. П. ЩЁГОЛЕВ
ПОСЛЕ ТЕРМИДОРА

Очерки по истории термидорианской реакции

Л.: «Прибой». 1930

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

- 61 «Journal de la liberte de la presse», № 19, p.34.
- 62 Ibidem, № 21, p.3.
- 63 Ibidem, p.5.
- 64 «Le tribun du peuple», № 27, p.219.
- 65 Ibidem, p.11.
- 66 Ibidem, p.223.
- 67 О Жиффруа см. Kuscinsky. Dictionnaire des conventionnelles, pp.315—317. Жиффруа был автором популярных термидорианских брошюр: La queue de Robespierre, Les Decrets de Joseph Le Bon et de ses complices, и т.д.
- 68 Aulard. Babeuf et son imprimeur Guffroy. La revolution francaise. T.LXXXII. № 1, p.6.
- 69 Ibidem, p.10.
- 70 G.Lecocq, op.cit. pp.18, 19, 43, 50, 39.
- 72 См. подробности в нашей книге «Заговор Бабефа», стр.72—76.
- 73 Gr. Babeuf, Les battus payent l'amende, p.6. ИМЭ.
- 74 В нашей работе «Заговор Бабефа», стр.91 и след.
- 75 Я.Захер, ук.статья стр.165, 166, примечание
- 75 Подробности в ук.статье Я.М.Захера, стр.162 и след.
- 76 О дальнейшей судьбе Варле см. наш доклад на I Всесоюзной конференции историков-марксистов. (II т. трудов конференции, стр.160.)
- 77 P. T.I, p.149.
- 78 «L'explosion» B.N. Lb 4090 и «Qare l'explosion» B.N. Lb 41 1330.
- 79 «L'explosion», pp.3, 4.
- 80 L'explosion, p.5.
- 81 Ibidem, p.8.
- 82 Ibidem, p.9.
- 83 Ibidem, p.10.
- 83 См. их перечень у Mathiez'a, La reaction thermidonenne. 55.
- 84 L. de Cardenal, La province pendant la revolution. P. 1929. p.209.
- 85 «Journal de la liberte de la presse», № 15, p.5.
- 86 «La societe des jacobins». T.VI. p.427.
- 87 Ibidem, 435.
- 88 «La societe des jacobins», T.VI, p.485.
- 89 Ibidem.
- 90 F.Braesch, op.cit, p.20.
- 91 Ibidem.
- 92 «La societe des jacobins», T.VI, p.496.
- 93 Mathiez. La reaction thermidorienne, p.65.
- 94 A.Mathiez. La react. therm., p.68, примечание. С антиякобинскими адресами в Конвееате выступили секции Лепеллетье, Хлебного Рынка, Попэнкур, Неделимости, Арси, Мон-Блан (21 вандемьера), Мудия Спеволы, Арсенала, Горы (22 ванд.), я также рев. комитеты ряда парижских округов. Матъез ссылается на A.N.F. 250 ' Об отношении Бабефа, резко отрицательном, к адресу см. нашу книгу «Заговор Бабефа» стр.69, 70.
- 96 P. T.I., p.134.
- 97 Wallon, Le tribunal revolutionnaire. T.V, p.381.
- 98 «La societe des jacobins». T.VI, p.592.
- 99 Ibidem, p.543.
- 101 R.Levasseur, Memoires. T.IV, p.158.
- 102 «La societe des Jacobins». T.VI, p.629.
- 103 «La societe des jacobins». T.VI, p.648.
- 104 «La societe des jacobins». T.VI, p.673.
- 105 P. T.I, p.250.
- 106 B.N. ia 320, № XXII. p.253.
- 107 Le voyage des jacobins dans les quatre parties du monde, p.12.
- 108 Wallon, op.cit, t.VI, p.49.
- 109 Ibidem, p.21.
- 110 P. T.I, 224.
- 111 Gr.Babeuf, On veut sauver Carrier. On veut faire le proces au Tribunal revolutionnaire. Peuple garde toil

toil B.N. Lb 411423 p.7.

112 Ibidem, pp.12, 13.

113 Иоахим - Семпроний Грах Вилат (1768—1795), агент Робеспьера, арестованный накануне 9 термидора, сидя в тюрьме, написал, в целях реабилитации несколько любопытных памфлетов: «Causes secretes de la revolution du 9 an 10 thermidor» «Continuation des causes secretes» и «Les mysteres de la mere de dieu devoiles».

117 «Ослабление максимума означало торжество товарного хозяйства, его расширение..» (Ц. Фридлянд «Историк Марксист. Т.7, стр.202). Тов.Фридлянд ошибается однако, полагая, что весна 1794 г. принесла улучшение продовольственного положения (Ibidem, стр. 165). Ошибка т.Фридлянда объясняется тем, что для него ослабление максимума равносильно ослаблению продовольственного кризиса, между тем, как именно «торжество товарного хозяйства» и обуславливало неизбежное ухудшение экономического положения масс.

118 Об этом повороте см. Mathiez. La vie chere, p.p.561 —578. Jaures. La Covention p.1783; см. также нашу статью «К характеристике экономической политики термидорианской реакции» («Историк-марксист» т.4, стр.91, 92). Ср. у Старосельского. («Проблема Якобинской диктатуры». Стр.35-38.) Возможность правильной оценки этого поворота якобинской политики ускользает, впрочем, от т. Старосельского в виду его некритического подхода к «вантозовским декретам» и приятия на веру Матьевова концепции 9 термидора.

119 A.N. P 183. № 6055.

120 A.N. F 12 184, № 9864.

121 Ibidem, № 6895.

122 A.N. F.12 184, № 6895.

123 Ibidem № 6571. Ответ комиссии помечен 17 фруктидора.

124 «Recueil des actes du Comite de Salut Public.» Т.ХIII, p.227.

126 A.N. F12 a Ibidem.

127 A.N. F

128 A.N. F12

129 Ibidem, №

183, № 8643.

183. № 8540.

184. № 10879. 10005.

130 A.N. F 183, № 6431.

131 Ibidem без №, порядковый № реестра 1409.

132 Ibidem, № 7418.

133 Ibidem, № 6633.

134 A.N. F1r № 9505.

135 A.N. Fls 1547 C.

136 A.N. F1a 184, № 9842.

137 Ibidem, № 9 127R.

138 A.N. F12 183 № 8945.

139 Ibidem № 9551.

140 Ibidem, № 7795.

141 A.N. F13 184, № 7200.

142 См. текст закона у Лукина, Рев. Правительство, стр.183—186.

143 A.Mathiez. La vie chere p.p.564, 565

144 A.N. F12 183, № 9528.

145 A.N. F3 184, № 7012.

146 A.N. F12 184, № 7733.

147 Ibidem, № 6398.

148 A.N. F183, № 7324.

149 Ibidem, без №; порядковый № реестра 1794.

150 A.N. F12 184, № 8874.

151 A.N. F1a 184, № 8879. .

152 A.N. F12 183, № 9603 R.

153 Ibidem, № 9785.

154 Ibidem, № 9864.

155 Ср. у Тарле: публицисты, писавшие о максимуме после 9 термидора, осуждают его единогласно ни в национальной библиотеке, ни в архиве мы не нашли в пользу максимума ни одной строчки, которая

была бы написана после падения Робеспьера» (Тарле. Ук.соч. стр 342).

156 A.N. F10 331. Departement de Seine et de l'Oise District de Qonesse. Correspondence de la 1 decade de tructidor.

157 P. T. I, p 28.

158 Ibidem, p 36.

159

160 P. T.I, p.86.

161 Ibidem, p.95.

162 Ibidem, p.16.

163 Ibidem, p.21.

164 Ошибочное представление о прямом влиянии 9 термидора на судьбы максимума встречается у целого ряда историков. «Le premier resultat de la chute de la terreur... fut la ruine du systeme general de contraint... le commerce a dater du 9 thermidor prit Failure du chaos dechainé. Le maximum fut aussitôt depasse non plus seulement en secret, mais publiquement et partout» и т.д. См. A.Schmidt, Paris pendant la revolution, II, p.260. Вся эта картина ни в малой степени не отвечает действительности.

Ср. также у Тарле, «конец террора стал естественною предпосылкой к отмене -закона о максимуме! Если толпа, сопровождавшая на казнь Робеспьера, едва ли... отдавала себе отчет в том, что конец террора знаменует собой конец закона о максимуме», то «все должностные лица во всяком случае должны были предвидеть этот результат». (Тарле ук.соч. стр.431, 336).

165 Ср. у Тарле «... толпа голодная, безработная, изверившаяся в спасительности для нее максимума». Тарле. Ук.соч. стр.336. Также у Добролюбского. «Новая экономическая политика терм. Конвента», стр.5. Более правильно у Матъеза, подчеркивающего, что «ils manifesterent contre le maximum des salaires.» - «La vie chere», pp.605, 606.

166 P. T.I, p.12.

167 Ibidem, p.62.

Ibidem, p. 44.

167 A.Schmidt, Paris pendant la revolution, T.II, pp.262, 263.

168 P. T.I, p.126.

169 Ibidem, p.129.

170 Ibidem, p.139.

171 Ibidem, p.147.

172 Ibidem, p.148.

173 P. T.I, p.150.

174 Ibidem, p.152.

175 Ibidem, p.155.

176 К.П.Добролюбский. Новая экономическая политика термид. Конвента, стр. 13. Ср. у Тарле. Ук.соч. т.2, стр.344. «Ни одного голоса не раздалось в защиту максимума» ... и т..

177 P. T.I, p.197.

178 Ibidem, p.210.

179 Ibidem, p.214.

180 P. T.I, p.215.

181 Ibidem, p.200.

182 Ibidem, p.271.

183 Ibidem, p.219.

184 Ibidem, p.263.

185 Ibidem, p.274.

186 Schmidt, op.cit. T.II, pp.264—265.

187 P. T.I, p.303.

188 Ibidem, p.327.

189 Ibidem, p.332.

190 Ibidem, p.334.

191 Ibidem, p.336. Ibidem, p.337.

192 Ibidem, p.338.

Тема эта подробно разработана нами в статьях «К характеристике экономической политики термидорианской-реакции» («Историк-Марксист» № 4) и «Конец максимума» (Известия Ленингр. Гос. университета. Т.II).

- 193 «Recueil des actes.» Т.XV. p.648, tXV, p.74, t.XVII p.p.154, 401. Подробности в ук.нашей статье стр.81.
- 194 Ср. Тарле. Ук.соч. стр.434.
- 195 A.Mathiez. La vie chere p.p.572, 575.
- 196 «Recueil des actes.» Т.XVII, p.509.
- 197 Текст закона у Лукина Революционное правительство. Стр.186, 187.
- 198 Комитет рассматривал проект Блютеля в заседаниях 24 и 28 фруктидора (заседания 6-ое и 8-ое). Gerbaux et Schmidt, «Proces—verbaux des comites de l'agricultiere et de commerce». Т.IV pp.438, 443.
- 199 По докладу Линдэ, Конвент поручил своим комитетам рассмотреть вопрос о свободном экспорте предметов роскоши, при условии соблюдения системы компенсационного баланса.
- 200 «Recueil des actes» Т.XVII. pp.230—231.
- 201 Первоначальный проект объединил в одном декрете максимума и реквизиции. Он был принят Комитетом торговли еще 21 фруктидора — 17 сент. (по докладу Эшассерио. Gerbaux et Schmidt, op. cit. Т.IV, p.423). Проекты, внесенные в Конвент, резко отличаются от первоначального текста, принятого Комитетом. Так, первоначально предполагалось сохранить модус исчисления максимума на хлеб, зерно и фураж, установленный в законе 21 сентября 1793 г.
- 202 Следует также отметить значительное, смягчение кар за нарушение максимума. Главная кара — штраф в первый раз в ординаре, во второй — в двойном размере и т.д.
- 203 Gerbaux et Schmidt, op.cit. Т.IV, p.574.
- 204 «Recueil des actes», Т.XVIII, pp.687, 688.
- 205 Ср. отзыв Lefebvre'a в его интересной статье о внешней торговле. Он даже считает, что «декрет 12 фримера нанес решительный удар максимуму» и что «отмена максимума была следствием восстановления свободы внешней торговли». В такой форме оценка декретов 6 и 12 фримера, впрочем, несколько преувеличена. revolution francaise» за 1925 г., pp.238, 241.
- 206 Любопытно, что Лекуантр, по роду занятий купец, выступил при обсуждении закона о максимуме 25 сентября 1793 года с целым рядом возражений против принятой системы начисления максимальных цен. При этом он высказал открыто сомнение в целесообразности максимума, за что и был лишен слова (M a t h i e z. La vie chere, pp. 375, 376). Очевидно, что его колебания в 1794 г. не могут быть объяснены предвзятостью или личной заинтересованностью. Они свидетельствуют о колебаниях в тех слоях, какие защищал в своем выступлении Лекуантр. '
- 207 «Tribun du peuple», № 29, p.271.
- 208 Проект см. у Gerbaux et Schmidt, op.cit. Т.IV, 2 pp.616, 617. 3 плювиоза права дистриктов в области наложения пеквизиций продлены были до 1 жерминаля.
- 209 Подробности см. в указанной нашей статье Л.Г.У., т.II, стр.224 и след.).
- 211 «La societe des jacobins». Т.VI, pp.418, 419.
- 212 A.N. F " 183, № 9508, bis.
- 213 Ibidem, № 9861.
- 214 A.N. F 12 184, № 6598
- 215 Ibidem, № 6375.
- 216 Ibidem, № 8108.
- 217 A.N. F 12 184, № 6753.
- 218 Ibidem, № 8134.
- 219 A.N. F " № 8017.
- 220 Ibidem, № 9304.
- 221 О выступлении Файо см. J.Loutchisky. Quelques remarques sur la vente des biens nationaux, pp.44—47. Ф.Саньяк. Гражданское законодательство французской революции, стр.153—154. Marion. La vente des biens nationaux, pp.230—232. Его же. Histoire tinanciere de la France depuis 1715. Т.III, pp.234—236. Марион всецело поддерживает точку зрения правых термидорианцев, как и подобает представителю современной буржуазной историографии.
- 222 «Для того, чтобы вернуть популярность в рабочем классе, пишет Матъез, Монтаньяры возобновили, по собственной инициативе, проекты реформ, оставшихся в забвении после 9 термидора». «La reaction thermidonenne», p.55
- 223 Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента, под ред.Лукина, стр.242.
- 224 Там же, стр.243.
- 225 «Историк-Марксист», т.VII, стр.170.
- 227 См. в особенности переписку, посвященную сбору урожая 1794 г. (A.N. F. ° 450, 451, 452), частично опубликованную Марионом в «Bulletin d'histoire economique de la revolution» за 1921 г.

П. П. ЩЁГОЛЕВ
ПОСЛЕ ТЕРМИДОРА
Очерки по истории термидорианской реакции

Л.: «Прибой». 1930

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

- 228 См. «La Societe des jacobins». Т.V, р.р.86—89 Кутон, в частности, признал, что существующие законы не исполняются местными администраторами потому что они принадлежат к числу «богатых собственников». «La societe des jacobins». Т.VI, р.424.
- 229 Буассель в 1794 г. был глубоким стариком. Он родился в 1728 г. Подробности о нем см. в работе К.Грюнберга. Grunberg. Einige Beitrag zur Entwicklungsgeschichte des modernen Socialismus. «Zeitschrift fur die gesammte Staatwissenschaft». Т.XXVII, Ss.207—252 Ср. также А.Lichtenberger Le socialisme au XVIII siecle р.р.446—450; В.П.Волгин. История социалистических идей, ч.I, стр.232 — 233.
- 230 «La Societe des jacobins». Т.VI, р.625.
- 231 С.Моносов, Очерки по истории якобинского клуба, стр.149.
- 232 «La societe des jacobins». Т.VI, р.626.
- 233 «La Societe des jacobins». VI, р.626.
- 234 С.Моносов, ук.соч. стр.146.
- 235 С.Моносов,
- 236 С.Моносов, ук.соч. стр.50. «La Societe des jacobins» VI, р.422.
- 237 «La societe des jacobins» Т.VI, р.422, 435.
- 238 Ibidem, pp.490, 491.
- 239 Ibidem, р.526.
- 241 Личность и идеология Шала составляют предмет особого нашего этюда, не включенного в настоящую книгу из-за необходимой экономии в ее объеме. 2 «La societe des jacobins». Т.VI. р.610.
- 242 В.N. Lc а 826. «L'ami du peuple», № 3, pp.7, 8.
- 243 Ibidem, № 4, р.2.
- 244 Ibidem, р.3.
- 245 Ibidem, р.4. Ср. нашу книгу «Заговор Бабефа», стр.84, 85.
- 246 В.N. Lc2 826 «L'ami du peuple». № 4, р.7.
- 247 Ibidem, № 5.
- 248 Ibidem, № 11, pp.3,4.
- 249 Ibidem, № 12, р.4.
- 251 Ibidem, № 13, р.3.
- 252 Ibidem, р.4.
- 253 Ibidem, № 14, р.1.
- 254 В.N.Lb " 1310. Adresse du citoyen Sarot, un des anciens commissaires des 48 sections nomme au mois de Novembre 1792, pour les subsistances de Paris.
- 255 A.N.F. 1B 1547 c. Adresse sur l'executlon des lois du maximum et des marches.
- 256 В.N.Lb " 1312. Grande petition des ivrognes de Paris centre les marchands. des vins.
- 257 La tete a la queue ou premiere lettre de Robespierre a ses continuaeurs р.р.6, 7. Собр. ИМЭ.
- 258 Testament de M. Robespierre trouve a la maison commune, р.5. ИМЭ.
- 259 Ibidem, р.7.
- 260 Seconde seance du club infernal. ИМЭ.
- 261 Ibidem, р.4.
- 263 «Seconde seance du club infernal» ИМЭ, р.р.9, 10.
- 264 Nouveaux dialogues des morts. ИМЭ.
- 265 Ibidem, р.9, Jugement du peuple souveram, qui condamne a mort la quaiе, р.21. ИМЭ.
- 267 Boisrue. La grande detresse des jacobins qui n'ont plus le sol.
- 268 В.N.L. Ca 392. № 43 р.332.
- 269 Ibidem, р.334.
- 270 Ibidem, № 53 р.426 и след.
- 271 Ibidem, № 58 р.471.
- 272 A.N. AD XI, 75; I. R.Loyseau. Reflexions sur la loi du maximum et sur les requisitions. Paris, l'an 3, р.7.
- 273 Ibidem, р.19.
- 274 Ibidem, р.25.
- 275 A.N. AD XI, 75; Observations sur le maximum, presentees aux Comites de Salut Public, de Commerce et de Finances de la Convention Nationale.

276 A.N AD XI 75. Reflexions patriotiques presentees a la Convention Nationale sur le maximum. le commerce et les approvisionnements. Par le citoyen Derubigny, tanneur de Paris ancien prisonnier de la Bastille du Luxembourg et Electeur de У9. Тарле, цитирующий памфлет Дерюбины, ошибается, утверждая, что автор его— «человек сидевший при старом режиме в Бастилии. На самом деле Дерюбины сидел в «Bastille du Luxembourg»!

277 A.N. AD XI 75. Barbet. Maximum demontre contre-revolutionnaire. A. Arras et a Paris. 279 В расширенном виде помещена, в журн. «Под знаменем марксизма» за 1930 г.

278 «Journal de la liberte de la presse». № 22. p.7. Ср. нашу книгу «Заговор Бабефа» стр.65, 83, 84; характеристика электорального клуба, данная нами на стр.65, неправильна. Она пересмотрена нами в настоящих очерках.

280 Ухудшение продовольственного положения признают даже историки реакционного направления, напр. Шмит, (A.Schmidt, op.cit. T.II. p.p.272, 273), (Гомель, En.Gomel Histoire financiere... T.II p.p.455—456), Марион (Marion. Histoire financiere). T.III. pp.253—255). Они, в особенности Марион, склонны, впрочем рассматривать дороговизну как результат развала бумажно-денежного обращения, полагая, что отмена максимума, сама по себе, не могла отразиться на курсе ассигнаций. Противоположная точка зрения развита еще в мемуарах Левассера (Levasseur. Memoires. T.IV, p.p.111—112) и у Луи Блана (L.Blanc. T.II p.629), в новейшее время она нашла сторонников в лице Дэвиля (G.Deville, op.cit. p.p.78—80) и, Матъеза (Mathez. op.cit. p.190).

281 P. T.I. p.361.

282 Ibidem p.367.

282 Ibidem, p.363.

283 Schmidt, op.cit. pp.281—282.

284 Донесение от 18 нипоза P. T.I. p.373, 383, 439, 460, 469.

285 Ibidem, pp.482, 516, 561, 578, 629.

286 Донесение от 18 нивоза. P. T.I, pp.369, 419

287 Ibidem, pp.423, 464, 485, 516, 521, 554, 578.

288 P. T.I, p.291. Постановление Комитета от 22 нивоза продлило действие системы раздачи хлеба, мяса, дров, угля. «Recueil des actes.» T.XIX, pp.403, 404.

289 P. T.1, p.370.

290 Ibidem, p.376.

291 Ibidem, p.383.

292 Ibidem, p.449.

293 Ibidem, p.465.

294 «Recueil des actes». T.XIX, p.116.

295 P. T.I, pp.487, 488, 490, 497, 509.

297 P. T.I. p.513.

298 «Recueil des actes». T.XIX, p.

299 Recueil des actes». T.XIX, p.69.

300 Ibidem, p.194.

301 Ibidem, p.221

302 Ibidem, pp.269, 300, 353.

303 Ibidem, p.625.

304 «Recueil des actes». T.XIX, p.626.

305 Ibidem, p.788.

306 Ibidem, T.XX. p.23.

307 Ibidem, p.114.

308 Recueil des actes». T.XIX, p.279

309 Ibidem, p.678

310 Ibidem, p.177.

311 Ibidem, p.357.

312 «Recueil des actes». T.XIX, p.600.

313 Ibidem, pp.717, 118.

314 «Recueil des actes». T.XIX, p.82

315 Ibidem, p.127.

316 Ibidem, p.300.

317 «Recueil des actes». T.XIX, p.467.

318 Ibidem, p.675.

- 319 Ibidem, p.731.
320 Ibidem, p.766.
321 Ibidem. Т.ХХI, p.193.
322 Ibidem, p.207.
323 Ibidem, p.257.
324 Ibidem, p.314.
325 Ibidem, p.340.
326 P. T.I, p.606
327 «Recueil des actes». Т.ХIХ, p.385.
328 Донесение от 21 нивоза P. T.I p 383.
329 Ibidem p.469.
330 A.N.F" 1176 в.
331 А. "ТГТ6".
332 «Recueil des actes». Т.ХХI, pp.792—793.
333 См. P. T.I. p.494.
331 См. P. T.I, p.284.
332 Ibidem, p.309.
333 Ibidem, p.299.
334 Thierr. ЯЛ9
335 Ibidem, p.342.
336 Ibidem, p.310.
337 Marion, op.cit. Т.III, p.256.
338 Marion, op.cit. Т.III, p.257.
339 С.А.Фалькнер, Бумажные деньги французской революции. М. 1919, стр.182. В основу наших беглых замечаний положен труд Фалышера, который мы всячески рекомендуем читателям, желающим подробнее ознакомиться с проблемой бумажно-денежного обращения.
340 Ibidem, стр.192.
341 С.А.Фалькнер. Бумажные деньги французской революции. М. 1919. стр.195.
342 См. подробности в докладе проф. Добролюбского «Дороговизна в Париже в 1795 г., после отмены максимума». (Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов, т.II.)
343 См. шпр. у Матьеза. Chap.V, «La departtheonisation de Marat».
344 У Васселина есиb указания на причастность Бабефа к этим клубам. См. Vasselin. Memorial revolutionnaire de la Convention. P. 1797 p.129. «U certain Orack-hus Babeuf, agltateur du club de Lazouski au iaubourg Saint Marceau de celui des Quinze-Vingts au faubourg Samt-Antoine ... provoquait... un 31 mai confre le gouver-
345 Levasseur. Memoires. Т.IV. p.114.
346 См подробности в докладе проф. К.Добролюбского, Финансовое законодательство термидорианского Конвента, «Историк-марксист», т.XIII, стр.166 — 183.
347 B.N.Lc3 392, pp.393—395.
348 Ibidem, p.395.
349 B.N.Lc, 2392, p.396.
350 Ibidem XsLXXI, от 17 плювиоза, p.576.
351 Мы имеем в виду, главным образом, брожение, возникшее на почве закрытия государственных оружейных мастерских. Оно подробно описано в труде Ришара. С.Richard. Le comite de salut public et les fabrications de guerre, p.774 и след.
352 P. T.I, p.379.
353 P. T.I, p.387.
354 Ibidem, p.435.
355 Ibidem, p.518.
356 Ibidem, p.549.
357 Ibidem, p.561.
358 Ibidem, p.577.
359 P. T I p.46.
360 Mathiez, op.cit, p.200.
361 Levasseur, op.cit., p.242.
362 Ibidem, p.243.
363 Ibidem, p.244.

П. П. ЩЁГОЛЕВ

ПОСЛЕ ТЕРМИДОРА

Очерки по истории термидорианской реакции

Л.: «Прибой». 1930

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

- 364 P. T.I, p.581.
- 365 M.Cabet, Histoire populaire de la revolution franaise. P. 1840. T.IV, p.195.
- 366 P. T.I, p.588.
- 367 P. T.I, p.589.
- 368 Mathiez, op.cit, p.204. Матъез ссылается на F.7 2476.
- 369 Я.Захер, Конец Жака Ру. «Под знаменем марксизма». № 2—3, 1929 г. стр.115, Примечание.
- 370 Copie des pieces saisies dans le local que Babeuf occupoit lors de son arrestation. T.II, p.94.
- 371 Levasseur, op.cit, p.248.
- 372 Mathiez, op.cit, p.206.
- 373 P. T.I, p.597. Ср. написанную в анти-мюскаденовском духе брошюру: «Reponse des ouvriers de Paris, a l'adresse des jeunes citoyens. De l'imprimerie des ouvners, rue Honore». Обращение «от рабочих», прпочем, простой литературный прием.
- 374 P. T.I, p.606.
- 375 Ibidem, p.610.
- 376 Ibidem, p.613. Rapport du 9 Germinal.
- 377 Ibidem, p.623.
- 378 Ibidem, p.611.
- екст этого по-
- 379 P. T.I, pp.627 - 630. Rapport du становления не сохранился.
- 380 Levasseur, op.cit., p249.
- 381 Дальнейший ход заседания см. н «Moniteur». Т.ХХIV, pp.113—124.
- 382 Mathiez, op.cit., p.207.
- 384 P. т.I, p.630.
- 385 Wallon, op.cit. T.V, p.273.
- 386 Buonairoti, Conspiration pour l'egalite, Bruxelles, 1828. T.I, p.125. Copie des pieces. T.I, p.71.
- 387 P. т.I, p.517.
- 388 Ibidem, p.569.
- 389 A.N. F12 1547 с. № 2995.
- 390 AN. AD XI 75. Petition a la Convention Nationale par 77 cultivateurs et observations sur cette petition par le citoyen Duvrac. An troisieme de la Kepublique, p.i.
- 391 A.N. AD XI 75. Petition d la Convention Nationale par cultivateuis et observations sur cette petition par le citoven Duvrac. An troisieme de la Republique, pp.11—13.
- 392 Marion, op.cit. T.III, p.296.
- 393 P. T.I, p.759.
- 394 Walion, op.cit, T.VI, p.99. См. выше примечание на стр.57.
- 395 Mathlez. op.cit., p.242. Ср. Memorial revo'utionnaire de la Convention par GVVasselin P. 1797, pp.192,193. Vasselin прямо оказывает на то, что власти недооценили чаговор. Из-за смешного пазванич он был осмеян публикой on la crut l'ouvrage du gouvernement».
- 396 P.Bornarel, Cambon, pp.376, 377.
- 397 Паррэн впоследствии был привлечен по делу заговора равных, судим и оправдан. См. Buonarroti, op. cit. T. II, p. 22, D'e-ville, op. cit., p. 328.
- 398 «См. Recueil des actes. Т. ХХII, pp. 521, 563, 572, 795, 796, 830.
- 399 Ср. А.Сорель, Европа и французская революция, т.IV, стр.220, 221.
- 400 См. об этой миссии Barras, Memoires, T.I, p.228.
- 401 P. T.I, p.636
- 402 A.Schmidt, op.cit. T.II, p.320.
- 403 P. T.I, p.658.
- 404 Ibidem, p.646.
- 405 A.Schmidt, op.cit., p.322.
- 406 P. T.I, p.660.
- 407 B.N. Lc2392. № CVII, от 29 жерминаля, pp.113, 114.
- 408 P. T.I, p.659.
- 409 Ibidem.
- 410 Ibidem, p.671.
- 411 Ibidem, p.683.
- 412 P. T.I, p.705.
- 413 Ibidem, p.719.

П. П. ЩЁГОЛЕВ

ПОСЛЕ ТЕРМИДОРА

Очерки по истории термидорианской реакции

Л.: «Прибой». 1930

Five Liberta и Век Просвещения, 2009

- 414 Ibidem, p.727.
- 415 Ibidem, p.730.
- 416 F.Dieudonne, Preliminaires et causes des journees de Prairial. «La Revolution francaise» T.43, pp.510—511.
- 417 E.Salverte, Les premiers jours de Prairial... цит. по Dieudonne p.513.
- 418 Dieudonne. op.cit. p.513.
- 419 Dieudonne, op.cit. pp.514—515.
- 420 P. T.I, p.727.
- 421 Ibidem, p.683.
- 422 Ibidem, p.692.
- 423 Такова версия J.Claretie, Les derniers montagnards. P. 1867. p.153; против нее решительно высказывается A.Mathiez, op.cit. p.246. Вопрос этот, конечно, имеет совершенно второстепенное значение.
- 424 L.Thenard et R.Quyot, Le conventionnel Goujon, pp.168, 169.
- 424 J.Claretie, op.cit. p.185.
- 425 A.Mathiez, op.cit. p.253.
- 426 J.Claretie, op.cit. pp.186, 187.
- 427 О нем см. у Дюваля: Duval, Souvenirs thermidoriens. P. 1844. T.II. p.245. «Aitis! — пишет Дюваль — Delorme venait d'organiser l'insurrection de prairial». Впрочем доверять Дювалю нельзя. Он, напр., не краснея утверждает, что Делорм «имел сераль, главным украшением которого была Теруань де Мерикур», сидевшая, на самом деле, в доме умалишенных с самого 1793 года.
- 428 P. T.I. p.738.
- 429 См. подробности о Тинеле у Кларети. J.Claretie, op.cit. p.192 и след.
- 430 L.Blanc, Histoire de la revolution, T.II, p.651.
- 431 Ср. J.Duval, op.cit. p. 261. По его словам: «la peur du bombardement avait produit son effet»... подробности в брошюрах. Costaz. Histoire du bataillon des jeunes citoyens a l'attaque du faubourg st-Antoine... и KUniaine. Details circonstancies de ce qui s'est passe le 4 prairial du faubourg st-Antoine.
- 432 J.Claretie, op.cit. p.207.
- 433 Levasseur, op.cit. T.V. p.15. Ср. Q.F.Bealieux. Essais histoi sur la revolution francaise. P. 1803. T.VI. p.171.
- 433 Duval. op.cit. pp.241, 242.
- 434 Thenard et Ouyot. op.cit. p.144. T.V. p.15. Ср. Q.F.Bealieux. Essais historlques
- 435 Claretie, op.cit. p.176.
- 436 Thenard, op.cit. p.157. Показания Бурбот A.N. W2 547, № 92.
- 437 Thenarb, op.cit. p.164.
- 438 Ibidem, p.171. Провокационный характер тактики термидорианцев подтверждается показаниями Вернье. «La revolution francaise Juillet-Septembre. 1926. См. также у Mathlez'a op.cit. p.251.
- 439 Advielle. op.cit. T.I. p.129.
- 440 Levasseur, op.cit, T.V. p.16
- 441 «Tribun du Peuple» № 31, p.317.
- 442 О Бруте Манье см. особый наш этюд в журнале «Проблемы марксизма» 2, 1930 г. № 2, 1930 г.
- 443 A.N. W2 548. «Democrite ou journal de midi» (manuscrit). Все дальнейшие
- 444 A.N. W2 548. «Democrite ou journal de midi» (manuscrit цитаты даны по рукописи, хранящейся в указанном картоне.
- 445 A.N. W2 548, liasse 67, p.4.
- 446 К этим выводам вплотную подошел и Dieudonne, op.cit. pp.526—527, но он совершенно не разобрался в политической окрашенности плана Бабефа-Манье.
- 447 Buonarroti, op.cit. T.I. p.53. О Леблане см. P. T.III, p.766, Moniteur T.XXVIII. pp.718—720, о Фикэ, служившем до 9 термидора в департаментском управлении полиции, там же T.XXVIII pp.684 717.
- 448 M.Cabet, op.cit. p.217;
- 449 Тьер рассказывает о повстанческом комитете, заседавшем в улице Mauconse между кварталами Сен-Дени и Монмартр. (Thiers. Histoire de la revolution. T.II. p.23).
- 450 См. J.Prudhommeaux. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P. 1907. pp.65, 66, III.